ЛИТЕРАТУРА ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

Лестер Хемингуэй

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ

Обреченный победитель

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга об Эрнесте Хемингуэе – знаковой фигуре, знамени «потерянного поколения», написана его младшим братом. Добросовестно и обстоятельно воссозданы эпизоды жизни писателя, ставшего героем шестидесятников, поэтом преодоления обстоятельств, певцом уходящего стоицизма. Без ухода в психологические изыски, сдержанно и просто, через цитирование писем отца, матери и старшего брата, Лестеру Хемингуэю удалось перевести в реальный план несколько мифологизированную фигуру большого человека, чьи слабости и недостатки только подчеркивали масштаб дарования.

- Лестер Хемингуэй
  - Пролог
  - Глава 1
  -
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11

Лестер Хемингуэй
Эрнест Хемингуэй. Обреченный победитель

Пролог

Эта книга расскажет вам об Эрнесте Хемингуэе – писателе и солдате удачи, охотнике на крупного зверя и рыбаке, пытавшем счастье в океанских просторах, о страстном любителе боя быков. Все это Эрнест сочетал в себе. Он был моим единственным братом. Когда я только родился, он с увлечением менял мои пеленки и называл меня Двоеножкой. Позднее он присвоил мне прозвище Барон. Он уделял мне больше времени, чем отец, обучая охоте, рыбной ловле и драке.

Вторая мировая война уже закончилась, и как-то одним тихим вечером мы смотрели, как солнце скрывалось за строениями Гаваны, а Эрнест рассказывал о жизни и о поступках достойных людей. Мы вместе смеялись над наблюдениями за его собственной жизнью вне дома, сделанными посторонними людьми.

– Послушай, Барон, – сказал он в конце беседы, – мне бы хотелось, чтобы однажды человек, который знал меня от и до, написал обо мне книгу. Возможно, им будешь ты. Как-никак, семья Хаксли добилась успеха, и особенно Фрэнк и Джесс – братья Джеймса.

Много воды утекло с тех пор. Но Эрнест больше никогда не напоминал о том, что сказал в тот вечер. За прошедшее время об Эрнесте было написано немало материалов филологами, корреспондентами, обозревателями и возмущенными смотрителями за общественным целомудрием. Но эти публикации были в большинстве случаев до смешного неточными и просто не заслуживали серьезного рассмотрения. Лишь немногие писатели оставались беспристрастными и пунктуальными.

Эрнест принадлежал к редкому типу по-настоящему незаурядных людей. Бесспорно, как одаренный писатель, он занимал прочное положение в литературном мире. Людям, прочитавшим книги Эрнеста, а также тем, кто хорошо его знал, известна его абсолютная честность, как эмоциональная, так и эстетическая. Но тому факту, что этот Божий человек находился в постоянном окружении бесконечных семейных и личных проблем, большинство исследователей его жизни и творчества не придают значения.

Как брата Эрнеста, меня часто расспрашивали о подробностях его жизни и его характере. Эти мимолетные впечатления могли бы быть названы биографическими заметками, ведь его жизнь была настолько богата событиями, что

точный рассказ о ней практически невозможен.

«Истинная история жизни человека должна охватывать все, что происходило с ним самим и вокруг него двадцать четыре часа в сутки в течение пятидесяти лет», – однажды язвительно заметил Эрнест.

Он и жил так, как умер, – неистово и жестоко. Эрнест превозносил мужество. Всю жизнь он воспитывал это качество, развивал его в себе и других людях, которых многому научил. И его бесстрашие никогда не покидало его. То, что в конечном итоге подвело его, было его телом. Но это может произойти с каждым.

В то роковое утро 2 июля Эрнест совершил последний поступок в своей жизни – в последний раз зарядил двуствольный «ричардсон» 12-го калибра. Не было ни одного свидетеля его смерти. Это на самом деле могло быть «невероятной трагической случайностью», как сообщила репортерам его вдова Мэри, после того как появились сообщения о смерти мужа.

Из обстоятельств своей смерти Эрнест сделал тайну, – то, чего он никогда не делал в литературном творчестве, связанном со смертью и жестокостью, нежностью и человечностью, комичностью и правдой.

Когда около полудня весть о смерти Эрнеста радиостанции и телевизионные компании распространили по всей стране, три его сына были заняты различными делами. Джон ловил форель в Орегоне, Патрик сопровождал клиента на сафари в британской Восточной Африке, а Грегори в Майами готовился в медицинской библиотеке к летним экзаменам. Я же находился на одном из пляжей Флориды, плескался в море и учил свою дочку плавать. Никто из нас не получил сообщений раньше чем к вечеру, когда друзья и родственники смогли связаться с нами. Наша старшая сестра Марселлайн была в Детройте, Урсула находилась в Гонолулу, Маделайн на Уоллун-Лейк в штате Мичиган, Кэрол на Лонг-Айленде. Только к вечеру они узнали о печальном событии. Вскоре были начаты приготовления к похоронам, которые предварительно назначили на среду. Всю организацию взял на себя его друг Поп Арнольд из Кетчума, штат Айдахо. Когда обнаружилось, что Патрик не может прибыть раньше чем в среду вечером, даже при помощи лучших авиасообщений Африки и Европы, похороны были перенесены на четверг.

На следующий день после смерти Эрнеста последовали официальные заявления от Ватикана, Белого дома и Кремля, как после смерти государственного деятеля мирового уровня. Никогда раньше после смерти писателя не возникало такого резонанса в средствах массовой информации. Весь мир с

чувством боли понимал, что потерю этого человека ощутит все человечество.

В середине лета в горах Саутут-Маунтин штата Айдахо вовсю буйствует растительность. Ближе к вершинам снег остается даже в теплое время года. Но внизу, в долине Сан-Вэлли, уже к июлю наступает самое время для сенокоса. Неподалеку Вуд-Ривер мчит свои холодные воды по пронизываемым ветрами ущельям старых, невысоких гор Рокис.

В дюжине миль от этого места между Хэйли и Кетчумом долина сужается от двух миль до полумили. Вдоль ее западной стороны горы подступают ближе, и непрерывная линия деревьев обозначает русло реки. Недалеко от Кетчума стоит трехэтажный дом, где Эрнест Хемингуэй жил и работал в последние годы жизни. Это деревянный дом, как и большинство домов в этом прекрасном для зимних видов спорта районе. Но из окон этого дома, расположенного на западном берегу Вуд-Ривер, открывается необычный вид. Из большинства жилищ Кетчума можно наблюдать только закат, этот же, наоборот, обращен к восходящему солнцу.

К утру 6 июля те члены семьи Хемингуэя, которые смогли присутствовать на похоронах, прибыли в Айдахо.

Из более чем дюжины его ближайших родственников смогли собраться только половина. Много друзей прилетело издалека, чтобы почтить память человека, посвятившего всю свою жизнь написанию книг о том, что он узнал об этой жизни. Его язык был прост и доступен, и любой человек мог понять его мысли.

В то раннее утро горный воздух был прохладен. К шести часам взошло солнце, и высоко над долиной легкие облака медленно плыли на восток. Воздух почему-то пах полынью, хотя ее заросли были далеко за горизонтом и ветер дул совсем с другой стороны. С низины доносился шум воды Вуд-Ривер, проносящейся по каменистому руслу, и взгляд иногда замечал метнувшуюся в поисках корма рыбу.

Утро было в разгаре, и стало немного теплее. Воздух слегка дрожал над согретыми лучами солнца крышами машин, проезжающих мимо полицейского ограждения к воротам кладбища.

Кладбище располагалось на пологом склоне небольшого холма к северу от города. Его окружала изгородь из оцинкованной проволоки. А за ней, меньше чем в тридцати ярдах от свежевырытой могилы, ожидала группа фотографов и корреспондентов с магнитофонами.

Могила Эрнеста была рядом с могилой Тэйлора Уильямса, его старого друга и компаньона по охоте. Долгое время Тэйлор по

прозвищу Медвежий След был инструктором по охоте в Сан-Вэлли. Когда два года назад он умер, Эрнест нес гроб на его похоронах. Участок земли под захоронение на Кетчумском кладбище стоит двадцать пять долларов, и семья Хемингуэй купила шесть таких участков. Эрнест всегда любил простор.

Траурная церемония началась в половине одиннадцатого, как и было запланировано. Небольшая толпа горожан и любопытных прохожих собралась вокруг изгороди. Первыми прибыли мужчины, помогавшие нести гроб, и местные друзья, а также могильщик. Пропуском на кладбище служил для каждого из прощавшихся простой белый конверт с адресом Эрнеста и единственным листом, на котором было сказано, что податель сего входит в список приглашенных лиц. Конверты раздали за день до похорон, и каждый из них был проверен.

После того как родственники, люди, помогавшие нести гроб, и друзья собрались, в сопровождении сыновей Эрнеста подошла Мэри Хемингуэй. На ней было простое черное платье и черная шляпа с широкими полями. Прежде чем присесть, она перекрестилась. Затем священник, отец Роберт Уалдман, явно не привыкший к такому скоплению людей, встал впереди собравшихся. Два мальчика прислуживали ему.

– …Это Джек Хемингуэй, старший сын автора, – доносился чей-то голос из-за изгороди.

– А за ним…

Голос затих, как только священник начал читать заупокойную молитву на латыни.

Затем, перескочив на английский, отец Уалдман принялся рассуждать о смерти, и, поскольку от него требовалось прочесть стихи третий, четвертый и пятый первой главы Экклезиаста, он начал:

– Какую выгоду снискал себе смертный, трудясь под солнцем? Одно поколение уходит, другое приходит ему на смену, но земная твердь остается вечной.

Он сделал паузу, затем перешел к другим размышлениям, пропустив следующий стих, содержащий фразу «и восходит солнце».

Мэри быстро подняла глаза.

– Я хотела после этого встать и потребовать прекращения церемонии, – позже говорила она друзьям.

Отец Уалдман продолжал по-английски:

– Господи, мы умоляем простить раба Твоего, Эрнеста… За изгородью люди с магнитофонами слово за словом записывали службу, словно это было спортивное представление. Для души это оставляло впечатление странной театральной постановки.

Для глаз все было выполнено с филигранным качеством.

Неожиданно раздался чей-то громкий возглас. Участвующие в траурной церемонии оставались без движения, лишь слегка повернули головы, чтобы посмотреть, что произошло. Прямо за отцом Уалдманом, между краем гроба и ближе к изгороди с собравшимися около нее корреспондентами и фотографами, лежал человек в белом. Из-под его облачения носами вверх торчала пара новых коричневых туфель.

Собравшиеся люди ошеломленно застыли. Священник повторил свои слова и продолжил дальше. Похоронный распорядитель безмолвно обошел присутствующих на церемонии, поднял упавшего в обморок мальчика, прислуживавшего священнику. Он придерживал его, пока тот, приходя в себя, нетвердо стоял на ногах, продолжая конвульсивно всхлипывать, а потом тихо его увел.

– Как зовут этого, упавшего в обморок? – ясно донесся до собравшихся вокруг могилы людей шепот из-за изгороди.

Большой крест из белых цветов на краю могилы стоял вызывающе криво. Его задел упавший мальчик. Никто не поправил его до конца церемонии. Мне казалось, что Эрнест все это одобрил бы. Молитву Деве Марии и «Отче наш» прочитали три раза. Затем гроб закрыли бронзовой крышкой, опустили в могилу и бросили сверху горсть земли, в которой ему теперь было суждено покоиться.

Для ныне здравствующих трудно осознать и прийти к мысли, что Эрнест будет смотреть на эту долину уже бесконечно.

«Я вознес свой взор к холмам», – говорил он. Рядом с могилой Эрнеста стоит простая табличка – там покоится прах баскского пастуха.

Глава 1

Эрнест родился в Викторианскую эпоху Среднего Запада 90-х годов XIX века. Наши родители были необычной парой для того общества среднего класса. Но их предки были гораздо типичнее в соблюдении правил этикета в их беспрекословном следовании традициям той светской напыщенности, которая потом стала именоваться общественным мнением.

Дедушка Эрнест Миллер (Абба) Холл был добрым, обладавшим обширными знаниями английским джентльменом, который производил и продавал столовые приборы в компании «Рэндл и Холл» на Уэст-Лейк-стрит в Чикаго. Бабушка Каролина Хэнкок Холл была ярким маленьким огоньком с сильной волей и прекрасным артистическим талантом. Она спокойно справлялась со своим мужем и двумя детьми. И хотя они жили в Чикаго, она предпочитала отдыхать в Нантакете, куда вся семья отправлялась на лето.

Дедушка Энсон Тайлер Хемингуэй преуспевал в торговле недвижимостью, но зарабатыванию денег предпочитал проживание за городом. В возрасте десяти лет он прибыл в Чикаго из Коннектикута в крытом грузовом вагоне. Бабушка Аделаида Эдмундс Хемингуэй была яркой и волевой женщиной, управлявшей семьей из шести детей. Об отдыхе она только мечтала. Но летом семья совершала поездки на озеро Делаван в Висконсине, в Орегон и на Старвед-Рок в Западном Иллинойсе.

От этих людей по викторианским традициям произошли наши родители, Грэйс Эрнестин Холл и Кларенс Эдмундс Хемингуэй. Оба выросли в Чикаго. Грэйс провела юные годы в южной части города и затем в районе Оук-Парк, где, уже будучи взрослым, жил Кларенс. Но, как это было распространено среди среднего класса, они верили в то, что пробьются в высшие круги. Они гордились своей заинтересованностью в работе церковных миссий и в изящных искусствах. Они помогали всевозможным духовным движениям, начиная от учреждения групп по изучению природы – отец основал местный филиал общества «Агассис» – до протестантских миссионерских обществ, распространяющих слово Божие по всему миру.

Отец был старшим в своей семье. У него было три брата и две сестры. После занятий в колледже он изучал искусство фотографии и снимал пейзажи Оук-Парк. Он также играл в футбол. Но его истинной любовью была природа.

«Когда я был маленьким, в районе Лейк-стрит водилось много болотных уток», – рассказывал он нам.

На этих чередующихся полях сейчас построены дома, тянущиеся на много миль. Однажды летом отец провел три месяца с индейцами племени сиукс в Южной Дакоте, впитывая в себя знания о дикой природе и восторгаясь их образом жизни. Другим летом, будучи студентом в медицинском колледже, он работал поваром в правительственной геодезической партии в горах Грейт-Смоуки в Северной Калифорнии. Он любил жизнь за пределами дома, но медицина представляла для него всепоглощающий интерес.

Великой страстью нашей матери была музыка. Проявив ранние склонности к игре на фортепьяно, она продолжила свое обучение в юные годы, занимаясь пением, поскольку обладала великолепным контральто. К окончанию колледжа у нее была хорошая музыкальная подготовка. Ее независимость и энергия просто потрясали. На загородных прогулках, в сопровождении своего младшего брата Лестера, она каталась на велосипеде с большим колесом, а это было занятие не для трусливых. Она хотела продолжить совершенствовать свой голос в Европе, но бабушка Холл сочла ее устремление слишком смелым. Матери удалось посетить Англию и Францию. Но для серьезного изучения музыки она обосновалась в Верхнем Манхэттене. Там в течение года она усиленно работала под руководством мадам Капиани. Далее состоялся ее дебют при участии Антона Сейдла, дирижера филармонии Нью-Йорка. О ее выступлении с восторгом отзывались критики. Но затем она возвратилась в Оук-Парк, чтобы выйти замуж за подающего надежды молодого врача, доктора Кларенса Хемингуэя. Они познакомились в колледже Оук-Парк, отец закончил его в 1889-м, а мать в 1890 году. После окончания учебы в колледже отец проходил практику в Эдинбургском университете. В письмах они с матерью обменивались впечатлениями о Европе, и их дружба расцветала. Семья Холл одобрила выбор дочери. У Хемингуэев тоже не было возражений. И когда молодая пара осенью 1896 года отпраздновала свадьбу, моя мать чувствовала, что принесла в жертву большую музыкальную карьеру. Эта горечь терзала ее большую часть жизни.

Отец получил долгожданное назначение медицинским миссионером, как его брат Уилл. На выбор ему были предложены Гуам и Гренландия. Однако у него были мысли остаться в Неваде, где он, по крайней мере, мог избежать городской жизни. Мать, как культурный арбитр, обошлась решительно с его страстью к путешествиям. Так что нашему отцу пришлось угомониться и открыть практику там, где он жил, в Оук-Парк. Он успешно работал медицинским экспертом на три страховые компании и

фирму «Борден милк», а также возглавлял акушерское отделение в клинике Оук-Парк. За свою карьеру он принял более трех тысяч родов.

Наши родители начали семейную жизнь в доме на Норд-Оук-Парк-авеню, 439, прямо через улицу от того места, где еще жили бабушка и дедушка Хемингуэй. Оук-Парк никогда не входил в состав города Чикаго. А сейчас эту самую большую в мире деревню местные жители гордо именуют родоначальницей баров и церквей. Этот район двенадцать на двадцать четыре квартала на западной окраине города считался идеальным местом для заведения семьи.

Старшая сестра Марселлайн родилась в 1898 году. Когда 21 июля 1899 года родился Эрнест, она была уже окрепшим ребенком. По воспоминаниям нашей матери, он много плакал. Согласно семейным записям, первый год его вскармливали грудью, после первых десяти дней жизни он стал набирать вес и к трем месяцам уверенно достиг семнадцати фунтов. У него рано прорезались зубы, и он научился ходить, когда ему еще не исполнилось и года. Эрнесту доставляло огромное удовольствие во время большинства прогулок подолгу говорить на придуманном им самим малопонятном языке.

Пытаясь во всем догнать Марселлайн, Эрнест все схватывал на лету. Он использовал обычные детские слова и ошибки в речи, которые многократно повторялись ради забавы и только сбивали с толку. Но он был поразительно проницательным мальчиком.

«Марси была такой очаровательной, что Эрни должно было исполниться два года, прежде чем ему удалось привлечь к себе равную долю внимания», – вспоминала мать годы спустя. Лишь после он стал очень независимым ребенком.

Один из первых приемов привлечения внимания, усвоенных Эрнестом, было использование «грешных слов», как их называла мать. «Иди-ка помой свой рот с мылом» было типичной командой в семье Хемингуэй, и список слов, которые наши родители относили к непристойным, был достаточно длинным. Это наказание подчеркивало силу слов. Эрнест знал вкус мыла с раннего возраста. Это также было знакомо нашим сестрам, ну и мне, естественно. Дальнейшая репутация Эрнеста как реалиста была частично сформирована его виртуозным владением этими самыми словами. И однажды он написал статью для журнала «Эсквайр», под заголовком «В защиту грязных слов».

С самого начала в семье Хемингуэй было принято нанимать всевозможных нянь и помощниц. Кроме распевания колыбельных и кормления грудью, у нашей матери не было свойственных домохозяйке талантов. Она терпеть не могла пеленок, плохие

манеры, расстройства желудка, уборку и стряпню. Каждому ребенку должна была оказываться значительная посторонняя помощь в обучении ходить, говорить и заботиться о самом себе. У матери был чудесный тембр голоса. Отец всегда признавал, что именно в ее голос он влюбился. С этим нельзя было не согласиться. Ее дарованное природой дыхание и способность управлять диафрагмой могли производить прекрасное вибрато, и она великолепно брала высокие ноты. Во второй половине века лишь немногие женщины могли сравниться с ней в пении. Одной из учениц мадам Капиани была Галли-Курчи. Она отлично обучала своих протеже.

Отец безумно гордился появлением наследника. Он искусно прививал ему любовь к природе и охоте, рыбной ловле и своим любимым неконкурентным видам спорта. Эрнест сделал первые шаги в рыболовстве еще до того, как смог выговорить «лыба», частично из-за плохой дикции, о которой ему никогда не позволяли забывать. Во время прогулки, будь то на пляже, в поле или в саду, ему постоянно говорили названия различных предметов, которые он видел, трогал, пробовал на вкус или нюхал. У отца была способность объяснять даже самые простые вещи так, что они становились просто обворожительными.

У нас с Эрнестом разница в возрасте шестнадцать лет. Поэтому я не могу, как очевидец, рассказать о ранних событиях в его жизни. Для восполнения этого периода я полагался на воспоминания матери, отца, сестер и друзей семьи, которые были непосредственными участниками тех событий. Жаль, что я не появился на свет раньше.

Летом 1900 года наши родители посетили Уоллун-Лейк в Северном Мичигане, и чувство общей судьбы завладело ими. Они купили участок земли около двух акров в четырех милях от озера, которое теперь именуют Бэар-Лейк. Оно находилось в трехстах милях к северу от Чикаго и в девяти милях от Петоски. Здесь они построили коттедж. Все было как в романах сэра Вальтера Скотта, столь любимых матерью. Место окрестили «Уиндмер», и оно остается под таким названием по сей день.

Построенный из кедра за четыреста долларов коттедж имел размер двадцать на сорок футов и обогревался камином, спроектированным отцом. Позже были достроены крытая веранда и отдельная кухня. Прямо в кухне отец вырыл колодец, ставший неиссякаемым источником холодной родниковой воды. Потом он пристроил еще три комнаты сзади дома, среди больших хвойных деревьев.

Главной особенностью в Уиндмере был пляж. Чистый песок

стал бы прекрасным местом для привала, даже не будь здесь ни одного дома. На любимой семейной фотографии изображены Эрнест в возрасте одного года и его сестра Марселлайн, плещущиеся на мелководье. У матери были отпечатаны почтовые открытки с этим сюжетом, которые она рассылала родственникам и друзьям.

Озеро Уоллун могло по-разному проявлять свое настроение. Мать это так растрогало, что она написала «Любимая Уоллуна», веселую песенку в ритме вальса, опубликованную чикагской «Е.А. Стедж компани» в 1901 году. Она любила, когда Эрнест и Марселлайн стояли рядом с ней и пели под ее аккомпанемент, стараясь изо всех сил.

«О любимый Уоллун, ты прекрасней всех озер», – повторялось снова и снова в трех куплетах.

Песенка так никогда и не стала хитом за пределами нашей семьи, но ее мелодия была притягательной.

Летом, когда Эрнесту исполнилось два года, он выходил на лодке вместе с отцом, когда тот отправлялся ловить на блесну или рыбачил в районе свай старого лесопильного завода. На следующий год у Эрнеста была своя самодельная удочка и плетеная корзина для форели, которую он вешал через плечо. Наши исполненные гордостью родители забили семейный альбом фотографиями Эрнеста со всеми его регалиями. Озеро изобиловало щуками, большеротыми окунями, лещами, и Эрнест тщательно запоминал название каждой пойманной рыбы.

– Папа, почитай мне!

– Хорошо, возьми книгу о птицах.

К трем годам Эрнеста часто успокаивали чтением книг. Наш отец покупал книги о природе с хорошими цветными иллюстрациями. По ним Эрнест изучил птиц Северной Америки. Мать не упускала случая подвергнуть его знания испытанию при любом посетителе.

– Скажи-ка, Эрни, а это кто? – обычно спрашивала она.

– Icterus galbula, – говорил он, – или Cardinalis.

Он выучил более двух с половиной сотен латинских названий. Erithacus rubecula и Merula migratoria были ему знакомы так же, как дрозд и иволга мальчикам на год старше. Мать, будучи строгим критиком, сияла от гордости. А Эрнест осознавал, что очень приятно кого-то превзойти.

В пять лет Эрнест пошел в школу. Мать решила, что он должен выполнять такую же классную работу, как и Марселлайн, которая была на год старше, как и большинство одноклассников. Это пришпорило его состязательный дух. Во время учебы в школе

он пытался не только сравняться со старшими учениками, но и превзойти их. В колледже он получал только высшие оценки и крайне редко пропускал занятия.

Наша сестра Урсула родилась, когда Эрнесту было три года. Два года спустя появилась на свет Маделайн, которую называли просто Санни. С самого начала она была любимицей Эрнеста. Как только она достаточно подросла, Эрнест, подражая Тому Сойеру, позволил ей помочь ему чистить рыбу и сдирать шкуру с убитых на охоте зверей.

– Ты не должна бояться таскать змей и брать в руки лягушек, – говорил брат, когда она умоляла взять ее с собой на охоту. Он удостоил Санни чести, разрешив ей закапывать внутренности рыб в землю под яблони, посаженные отцом в саду. Совместно с Санни Эрнест придумал секретный язык. Марселлайн и Урсула издевались, называя его «свинской латынью», но они не могли разгадать его, равно как и другие. Только их клички были известны посторонним. Эрнест был Оинбоунз, а Санни Нанбоунз.

В те времена было много переселенцев. Дядя Джордж купил землю на берегу Пайн-Лейк в Айронтоне, что в десяти милях от Уиндмера. Если ехать по дороге, то расстояние получалось значительно больше, но сын Джорджа и две его дочери были частыми гостями. Наши бабушки и дедушки тоже редко оставляли нас без внимания. Однажды в отпуск приехал брат отца Уилл. Он был протестантским медицинским миссионером в китайской провинции Шенси. Эрнест пришел в восторг от его дочерей. Они были одеты в восточные одежды и могли говорить по-китайски. Он постоянно засыпал их вопросами, желая узнать как можно больше о жизни в другой стране.

И он хорошо все усваивал. Когда спустя сорок лет наша сестра Урсула навестила Эрнеста в Гаване, она неожиданно спросила его:

– Послушай, а ты помнишь «Джезус лавз ми»?

И Эрнест, в то время выглядевший бородатым патриархом, принялся бурно цитировать китайский вариант гимна, которому его научили кузины еще в школьные времена. Они с Урсулой пели вместе, пока слезы не покатились по их щекам. Стоицизм был еще одним качеством Эрнеста. Летние каникулы не всегда состояли из одной охоты и рыбалки. Как только ребенок достаточно подрос, чтобы держать в руках метлу или грабли, ему стали давать определенные поручения. Пляж следовало обрабатывать граблями каждое утро, а склон от коттеджа по направлению к пляжу был вторым объектом. Эрнесту давали ежедневные задания сделать «молочный рейс». Нужно было

доставить бидоны с молоком с фермы Бэкона, находящейся в полумиле от дома, и вернуть пустую тару.

В одном из таких походов за молоком он едва не погиб. Темный овраг преграждал путь от Уиндмера до фермы Бэкона. Небольшой ручей, заросший травой, бежал по его дну. Склоны оврага были коричневого цвета от гниющих хвойных деревьев.

Однажды утром Эрнест отправился за молоком, неся в руке короткую палку. Достигнув оврага, он случайно споткнулся на рыхлой земле и полетел вниз, пытаясь защитить лицо вытянутой вперед рукой с палкой. Он напоролся на конец палки горлом, вырвав части обеих миндалин. Из раны хлестала кровь, и он потерял ее довольно много, пока добрался до коттеджа. К счастью, отец оказался на месте и остановил кровотечение. Мать была в шоке, когда увидела истекающего кровью ребенка, бегущего к дому. Годы спустя, когда я был уже юношей и брал в руки палку или даже леденец с острыми краями, это мгновенно напоминало мне о том событии.

– Помни – Эрнест! – звучал чей-то голос.

Горло Эрнеста некоторое время после несчастного случая продолжало болеть. Отец посоветовал ему сосредоточиться на свисте, когда боль будет совсем невыносимой, и таким образом преодолевать ее. И с тех пор свист стал стоической реакцией Эрнеста на боль. Фотография раненого героя в итальянском госпитале во время Первой мировой войны показывает его насвистывающим сквозь стиснутые зубы.

Дедушка Холл умер летом, когда Эрнесту исполнилось пять. Он оставил матери достаточно денег для строительства дома, о котором она мечтала на протяжении многих лет. Она спроектировала все пятнадцать комнат, включая комнату для занятий музыкой размером тридцать на тридцать футов в два этажа и с балконом. Это было очень непрактично в отношении сохранения тепла, но замечательно для сольных выступлений и концертов. Позже здесь проводились выставки живописи.

Этот дом решил проблему стесненных жилищных условий. Двухэтажное отштукатуренное сооружение располагалось по адресу Норт-Кенилворт-авеню, 600 и хорошо вписывалось в окружение больших домов Оук-Парк.

Матери не терпелось переехать в новый дом до конца лета, и она более, чем обычно, была обеспокоена подготовкой детей к переселению. Но наш отец был человеком с безграничной выдержкой. Последние утренние сборы были завершены только после того, как он все осмотрел и забил гвоздями все ставни на окнах. Теперь коттедж был полностью защищен от зимних штормов.

Наконец со всеми делами было покончено. Отец повел нас пешком к доку в районе фермы Бэкона. Там нас должно было подобрать пассажирское судно «Гейни Гранда» до деревни Уоллун, чтобы дальше пересесть на поезд. Неожиданно отец вспомнил о больном вороне, которого Эрнест безуспешно пытался выходить. Эрнест настаивал взять его с собой, даже если он погибнет в дороге. Все видели, как Эрнест носил умирающую птицу, когда он бесцельно бродил среди утренней суматохи.

– Послушай, Эрни, что случилось с твоим вороном? – спросил отец.

– Все нормально, папа. Я положил его в мой ящик для одежды и укрыл его, так что ему будет тепло всю зиму.

Отец бегом вернулся в Уиндмер, нашел кипу вещей, открыл окно и выкинул мертвую птицу. Затем вновь заколотил ставни. Он примчался назад в док Бэкема как раз к отходу судна. Это было кстати. У матери не было никакого настроения откладывать встречу с новым домом.

Через неделю после приезда семья устроила небольшое торжество, разведя огонь в домашнем очаге. Марселлайн и Эрнест спели две песни. Принесли дрова, кто-то зажег спичку. Дом был благословлен для счастливой семейной жизни.

Новая комната для занятий музыкой была настоящей радостью для нашей талантливой матери. Скоро она пришла к выводу, что для семейных мюзиклов совершенно необходима виолончель. Она подчеркнула бы глубину звучания скрипки, фортепьяно, а особенно голосов матери и Марсел-лайн. Эрнест с легкостью воспринял эту идею. У него был музыкальный слух, и как раз нужен был третий музыкант. Так что Эрнест начал учиться играть на виолончели. Вначале он уделял этому занятию по полчаса в день, но скоро увеличил это время до часа. Эту систему мать применяла к каждому из нас до тех пор, пока не понимала, что ее усилия напрасны.

Годами Эрнест ежедневно посвящал один час игре на виолончели. На бесконечные вопросы о том, как он стал писателем, его самый откровенный ответ посторонние люди часто принимали за шутку.

– Отчасти я добился успеха благодаря часам уединения, проведенным в комнате для занятий музыкой, делая вид, что занимаюсь. Моя голова была занята другими мыслями, в то время когда я снова и снова повторял мелодию «Поп гоуз де Уизел», – обычно отвечал Эрнест.

Мать никогда не теряла надежду, что один из шести ее отпрысков станет выдающимся певцом.

– До двенадцати лет Эрнест был для меня сплошным разочарованием, – рассказывала мне мать.

В те дни она возглавляла детский хор в чикагской церкви третьей конгрегации. Матери были необходимы хорошие голоса, а Эрнест пел монотонно. У Марселлайн и Урсулы был прекрасный вокал, но Эрни брал все ноты на один лад.

Она вспоминала:

– Однажды, когда ему было уже двенадцать, позвонил его учитель и сообщил удивительную новость о том, что он неожиданно запел как надо. Тем вечером я заставила его петь с нами в музыкальной комнате. И тут же он стал солистом моего хора, исполняя в тональности сопрано. – Рассказывая это, мать задумчиво улыбалась. – Слишком рано изменился его голос. Но пока он пел сопрано, он был замечателен.

В свои ранние годы Эрнест больше отдавал предпочтение охоте, нежели пению. Однажды осенью, когда ему еще не исполнилось двенадцати, дедушка Хемингуэй подарил ему на день рождения охотничье ружье 20-го калибра. Отец взял его с собой на ферму нашего дяди Фрэнка Хайнса, что недалеко от Карбондейла в штате Иллинойс. Это было замечательное место, и, хотя поездку туда планировали не один месяц, она изобиловала расстройствами, которые ни отец, ни сын не могли предвидеть.

Маленькое ружье Эрнеста стреляло на удивление кучно. Он мог поразить цель, когда его добыча быстро бежала по земле, или птицу в небе с расстояния более пятидесяти ярдов. Отец испытывал невероятную гордость, демонстрируя окружающим, как его сын стреляет по летающим вокруг амбара голубям. Им следовало отходить подальше, ведь это происходило в людном месте. Они вели стрельбу по трудным целям в пределах прямой видимости дома, где находились женщины и подростки.

Эрнест подбил более двадцати голубей, истратив всего одну коробку патронов. Тем вечером ему поручили отнести дюжину птиц для пирога на соседнюю ферму. По дороге Эрнест встретил нескольких деревенских мальчишек. Они спросили его о том, где он взял птиц, и он с гордостью ответил им:

– Я подстрелил их над амбаром Фрэнка Хайнса.

– О, ты дурачишь нас! И ты, чудной ребенок, смог сделать это?

– Конечно!

– Ты молокосос! Ты не мог этого сделать!

– Ты врешь!

– Разберись с ним, Рэд! Ну, давай же! Ты задашь ему! Самый

маленький из мальчишек вышел вперед. Эрнест положил голубей на землю и, не успев снять свою куртку, почувствовал жгучий удар. Он собрался дать сдачи, но скоро распластался на земле под всеобщий хохот. Рэд вместе с другими мальчишками удрали, а Эрнест с птицами поплелся дальше. С этого момента он решил обучиться кулачному бою так же хорошо, как умел стрелять.

Эрнест скоро понял, что столь не любимая им комната для занятий музыкой может использоваться с большей пользой. У него были частые споры с одноклассниками.

– Приходи ко мне домой, и мы спокойно сможем это обсудить, – обычно говорил он.

Когда собиралась компания, требовалось всего несколько минут, чтобы узнать, где в данный момент находятся мать и сестры. Если помехи не было, участники пробирались в музыкальную комнату через боковую дверь из сада. Санни тайно приносила боксерские перчатки, ведро с водой и спортивную одежду. Все это было необходимо даже для одного раунда боя, но большинство претендентов проходило три, так что у каждого было достаточно времени показать, на что он способен. Светловолосая худенькая Санни выполняла роль арбитра и присматривала за обстановкой. Вероятно, ее женственность, сочетающаяся с мальчишескими ухватками, помогала не только проводить честные бои, но и вдохновляла каждого участника показать лучшее, на что он способен. Когда ковры скатывались, натертый воском пол из твердого дерева становился идеальным местом для сокрытия любого доказательства разбитого носа. В один из таких матчей Эрнесту повредили глаз шнурком от перчатки. Задолго до того, как заходящее солнце начинало светить в западные окна, в музыкальной комнате наводился порядок.

Соблюдалась величайшая осторожность для сохранения от наших родителей тайны проведения боев. Отца приводило в ужас физическое насилие. Когда он был еще мальчишкой, один хулиган настиг его на кухне и жестоко поколотил прямо на глазах его матери. Бабушка Хемингуэй не позволила ему дать сдачи, настолько строго придерживалась она библейского наставления о подставлении другой щеки. Во время учебы Эрнеста в колледже наш отец лишь однажды потерял лицо, уклонившись от достойного сопротивления обидчику. Это было описано в рассказе «Доктор и его жена».

Музыкальная комната стала для Эрнеста личным решением проблемы хулиганов и многочисленных оппонентов. Должно быть, у наших родителей было легкое подозрение насчет того, что

происходит. Но они мудро закрывали на это глаза, зная, что их указы практически всегда нарушались.

Позже, когда Эрнест увидел объявление об уроках бокса в чикагской гимназии, он получил разрешение отца записаться на занятия. В первый же день Ионг А'Хирн разбил ему нос. Но это не лишило его уверенности в себе.

– Я знал, что он задаст мне жару. Я понял это по его взгляду, – спустя значительное время признался Эрнест своему другу.

– Ты испугался? – спросил друг.

– Конечно. Он мог ударить изо всех сил.

– Так почему ты пошел с ним драться?

– А вот драки я не боялся.

Новый дом находился в пяти приятных, скрытых тенью вязов кварталах от «Скоуилл институт», как называлась публичная библиотека Оук-Парк. Эрнест довольно поздно начал читать. Во время учебы он предпочитал сочинять свои собственные рассказы по картинкам в книгах. Но, однажды начав вникать в то, о чем было написано в книгах, он принялся наверстывать упущенное время. Журналы «Сент-Николас» и «Харперс» стали его любимыми с самого начала. В семье их обычно подшивали в тома и хранили в Уиндмере. В них Эрнест прочитал рассказы Ричарда Хардинга Дэвиса и Стивена Крэйна. Он особенно любил произведения Киплинга, Марка Твена и Стивенсона. Когда впервые была издана «Книга знаний», отец купил комплект для Эрнеста и Марселлайн. В этих голубого цвета томах не было полноцветных иллюстраций. Много потрясающих рисунков было выполнено в оранжевом и зеленом цветах. Но в книгах была масса информации на любые темы.

Посещения библиотеки были частыми и приносили пользу. Эрнест полюбил науку и приключенческую фантастику. Даже во время обучения в начальной школе «Оливер Уэндел Холмс», находящейся всего в квартале от дома, он читал постоянно, хотя зрение было неважным. Уже к десяти годам у него развилась сильная близорукость. Зрение нашей матери тоже оставляло желать лучшего. Она понимала, что комбинация наследственности и напряжения при непрерывном чтении была серьезной помехой в обучении. И к тому же он категорически отказывался носить очки. Мать часто заставала его погруженным в чтение.

– Такой прекрасный день! Сходи поиграй в бейсбол с ребятами. Слышишь, как они играют у школы?

– О, мама, из меня никудышный игрок, – отвечал он и

продолжал читать.

В школе Оук-Парк и колледже «Ривер форест тауншип» Эрнест учился, не используя очков, щурясь на удаленные объекты и яркий свет. После окончания он попытался записаться в американские экспедиционные силы, но получил отказ из-за испорченного зрения. Через несколько лет после войны, уже всерьез занявшись бумажной работой, он позволил себе пользоваться очками. Но даже тогда не надевал их вне работы. Он продолжал щуриться до 1930-х годов, когда окончательно понял, что нужно преодолеть природное самолюбие.

Мать брала Марселлайн и Эрнеста в поездки в Нантакет, когда они еще учились в начальной школе. Вначале взяли Марси, а на следующий год Эрнест составил матери компанию.

– Ух ты, какой прибой, какие волны! – Мать описывала его впечатления в первые дни купания.

Каждый день, проведенный здесь, означал отсрочку поездки всей семьи на Уоллун-Лейк, поэтому визиты в Нантакет были всегда короткими. Но первый вкус соленой воды возбудил в Эрнесте страсть к большой рыбалке на всю оставшуюся жизнь. Позже у него была возможность жить поближе к океану.

В письме из Нантакета от 13 сентября 1910 года Эрнест сообщил о своем путешествии за четырнадцать миль к Грэйт-Пойнт. Он хвастался, что чувствовал себя прекрасно в отсутствие комфорта, когда, выйдя в открытый океан, лодка прилично набрала воды. У старого морского волка по имени Джудас он приобрел нос огромной меч-рыбы, планируя подарить его возглавляемому отцом обществу «Агассис» по возвращении домой.

Мать взяла его на избирательное собрание женщин, но, по ее словам, он ухитрился проспать во время всего мероприятия. Он надеялся пойти с матерью в историческое общество посмотреть экспозицию о китобойном промысле, после того как окончит письмо домой.

Эрнест никогда не вступал в бойскауты. Когда он был подходящего возраста, это движение еще не было популярным, хотя книги о скаутах хорошо раскупались. Но он основательно сосредоточился на изучении тех вещей, знанием которых так гордились бойскауты. К восьми годам он знал названия всех птиц, деревьев, цветов, рыб и животных, распространенных на Среднем Западе, и много помимо этого. К началу занятий в колледже он уже был прекрасным пловцом. Он проводил часы в школьном бассейне, отрабатывая подводное плавание. Тренировка задержки дыхания сильно развила его грудную клетку.

Эрнест также постиг азы изготовления чучел от своего отца, учившего этому членов общества «Агассис». Эрнест тренировался до тех пор, пока движения его ножа не стали быстрыми и точными. Он многому научился, разделывая форель и другую рыбу. Эти тренировки сослужили ему хорошую службу. Он мог заточить нож до остроты скальпеля. Позже он научился крепить наживку для океанской рыбалки. Это было серьезным достижением. Многие ветераны походов на морских судах не могли освоить искусства закрепления наживки на марлина, чтобы она не спутывала леску.

В ранние годы воскресная стрельба по мишеням была кульминацией недели в Уиндмере. В те времена не было шанса попасть на церковную службу без транспорта. Если приезжал миссионер, совершалось богослужение с песнопением. Детям это очень нравилось. В противном случае воскресенье посвящалось отдыху и развлечениям.

После воскресного обеда каждый с нетерпением ждал, когда отец скажет заветную фразу.

– А как насчет стрельбы по мишеням? – наконец говорил он.

– Ура! – доносился восторженный всеобщий крик.

Стрельба означала переживания и запах сгоревшего пороха. Наш отец отменно стрелял по птицам. Он мог подбить на лету ласточку, хотя, как он показал нам, в них мяса не больше, чем на конце большого пальца, и нужно по крайней мере дюжину, чтобы приготовить пирог. Он никогда не позволял убивать ради спортивного интереса. Мясо всегда должно использоваться. Мы применяли обычные мишени для тира. Сначала вручную, а потом с помощью пружинного приспособления детям разрешили кидать тарелочки в направлении ближайшего холма, на почтительном расстоянии от дома. Наш отец очень гордился своим первым ружьем, винчестером 12-го калибра, стрелявшим очень кучно. Он купил его для геодезической поездки в Северную Калифорнию.

Каждому разрешалось пострелять. Все наши сестры познали приятную тяжесть ружья в руке и силу его отдачи до того, как стали достаточно взрослыми, чтобы самостоятельно обращаться с оружием. К десяти годам Эрнест хорошо стрелял по летающим целям. Каждый ребенок зарабатывал право подержать отцовское ружье и выстрелить из него. Мы все разделили этот триумф до того, как стали взрослыми.

Первым ружьем Эрнеста была одностволка 20-го калибра, подаренная к его десятилетию дедушкой. Оно прекрасно подходило для стрельбы по птицам и зайцам. Этот подарок крепил любовь между дедушкой и Эрнестом, любившим слушать

его рассказы о покорении Запада в крытой повозке, когда он сам был мальчишкой. Дедушка Хемингуэй захватывающе говорил о сражениях Гражданской войны. Он воевал добровольцем в иллинойсском пехотном полку, многое понял, изучая военную тактику, и ошутил на себе тяготы войны. Любимый рассказ дедушки Хемингуэя был о том, как он «получил удар пушечного ядра в голову». Пройдя всю войну без единой царапины, однажды он был серьезно ранен. Острый сегмент пушечного снаряда выскользнул из рук, когда он доставал его с верхней полки. Тяжелый кусок металла оставил глубокую рану, и пришлось накладывать несколько швов.

У Эрнеста вторым из двух кумиров детства был дядя Тайли Хэнкок. Прекрасный стрелок, он занимался торговлей оружием на Среднем Западе, когда промысловая охота еще была разрешена. Он любил виски, рыбачил, когда позволяли условия, одалживал свои удочки Эрнесту и научил его технике ловли на муху, чего не знал даже наш отец. Но самым замечательным были его отвисшие, как у моржа, усы и то, что к семи годам он уже совершил три кругосветных путешествия. Его старшая сестра, Кэролайн Хэнкок Холл, оставалась на берегу во время этих поездок. Она умерла за год до того, как наши родители поженились. Остался только дядя Тайли с его живыми рассказами. Его отец, наш прадедушка Хэнкок (потомок Джона, короля Англии, как говорили, у которого подпись была крупнее, чем у кого бы то ни было), был владельцем барка «Элизабет», перевозившего пассажиров и грузы между Англией и Австралией. На борту «Элизабет» выходила первая в мире корабельная газета под названием «Тропикл таймс», ее печатали каждые несколько дней. Годы спустя дядя Тайли своими воспоминаниями разжег страсть путешествий в другом мальчишке, у которого личный опыт познания природы ограничивался водами озера Уоллун-Лейк.

В детстве Эрнест часто ночевал не в коттедже, а на открытом воздухе. Поскольку он был занят рутинной работой по дому в течение всего дня, ему разрешалось проводить ночи по своему усмотрению. Отец купил ферму Лонгфилд на другой стороне озера. Из отдаленного района он нанял энергичного фермера по имени Уоррен Самнер, жившего неподалеку и выполнявшего тяжелую работу, требующую наличия оборудования и мулов. Уоррен и Эрнест посадили аллеи калифорнийского и грецкого ореха, целые акры яблонь различных сортов и слив. Это не только надо было взращивать и пересаживать, но и стричь, подрезать и удобрять. Отец считал Эрнеста слишком маленьким для такой

работы.

Спокойным, безветренным днем раздавался сигнал горна, который был слышен отчетливо между фермой и Уиндмером. Расстояние было всего в одну с четвертью мили. Идти на веслах через озеро было приятным утренним упражнением. Но к концу тяжелого рабочего дня возвращение домой, особенно при ветре, не доставляло особого удовольствия. Эрнест любил тяжелую работу. Она давала ему возможность развить свои мускулы и соперничать с другими работниками. Но некоторые задания были до боли монотонными. В начале фермерской карьеры его несколько раз заставали развалившимся в тени большого дерева, погруженным в чтение книги о далеких краях и больших приключениях. Как он вспоминал, все, что ему после этого разрешалось, это перевозить на другую сторону озера экземпляры отцовского журнала Американской медицинской ассоциации. Но он приобрел некоторые медицинские знания, развил свои мускулы, и у него было много времени для размышлений в эти долгие жаркие летние дни.

Еще одну разновидность чтения упустила семейная цензура. Обед Эрнеста всегда заворачивали в газету. Доставляя на лодке овощи другим летним работникам, он медленно читал и перечитывал рассказы о спорте, о жестокости людей.

В тот день, когда пришли инспектора по охоте, Эрнест работал на ферме Лонгфилд. Именно его увлечение изготовлением чучел привело к проблемам с законом. Это случилось через неделю после его шестнадцатилетия. Сообщение, которое мать написала отцу 30 июля 1915 года, излагало суть дела и ее предположения.

«Дорогой Кларенс.

Я пишу это особое послание для тебя сразу после того, как ушли инспектора по охоте. Поскольку Леон Рэнсом позвонил позже, чем это произошло, я отсылаю письмо с ним. Вот как все было. Двое странных мужчин вошли в дом и спросили у Санни, Дональда и Кэрол, дома ли доктор. Они сказали, что нет, он в Чикаго и приедет позже этим летом.

Я услышала разговор и вышла на крыльцо. Я поздоровалась, и они немедленно спросили меня, дома ли доктор. Я повторила то, что сказали дети, и спросила старшего из них его имя. Он сказал, что его имя Смит, и ухмыльнулся. Я спросила, хотели ли они видеть доктора по профессиональным вопросам, и они злобно ответили, что нет. Они пришли по делам. Тот, который был помоложе, повернулся спиной, а Смит сел на ступеньки и спросил меня, когда я ожидаю возвращения доктора и есть ли еще

мужчины в семье. Здесь я подумала, что они грабители или что-то в этом духе. Они вели себя настолько отвратительно, говорили вкрадчиво и насмешливо и не рассказывали о цели своего прихода. Они задавали вопрос за вопросом.

– А как насчет того молодого человека, лет восемнадцати? Он здесь ночует? Где он сейчас?

Я сказала им, что он работает на ферме по другую сторону озера.

– Он придет на гребной шлюпке или на моторной лодке? Ходил он вверх по озеру между 20-м и 25-м числами этого месяца и буксировал тросом шлюпку под названием «Юз-а-ла» из Уалдмейера? (Их коверканье имен Урсулы и Уиндмера раздражало.)

– Да, он был там.

Теперь они сказали, что могут его опознать. У них есть два свидетеля, что он подстрелил крупную птицу и погрузил ее в лодку. Они сообщили, что у него было оружие, короткое ружье. И одет он был в красный свитер. Я сказала им, что, если они так много знают обо мне и моей семье, нет необходимости говорить со мной таким наглым тоном. Это наседание на одинокую женщину и ее маленьких детей без пояснения причины и своих полномочий, а также все эти наглые вопросы говорят о недостойном поведении, и им следует помнить об этом в следующий раз.

Один из них отступил назад и встал с глуповатым выражением.

– Мадам, это мне урок на будущее, – сказал он.

Да, я забыла сказать, это он первый попросил у меня лодку, чтобы добраться до Эрнеста. Но я ему отказала. Я не даю лодок незнакомцам. Как только они ушли, я сказала Рут и Марси, чтобы они немедленно садились в лодку, на всех парах мчались на ферму и предупредили Эрнеста. Он должен был пойти к Дилвортам и оставаться пока там. Они встретили его на моторной лодке, дали весельную шлюпку, а сами вернулись на моторке. После ужина Рут прибралась, забрала молоко и заперла ферму. Я отправилась к Бэконам узнать, как обстоят дела. Они знали этих людей и направили их ко мне. Мистер Бэкон говорил с ними, и они сказали, зачем пришли, но были огорчены тем, что ему не исполнилось еще восемнадцати лет. Иначе ему грозило судебное разбирательство. Они сказали мистеру Бэкону, что на этот раз они закрывают на это глаза. Это единственный луч надежды.

Но после того, как они пришли сюда и состоялся разговор, который я цитирую с самого начала, они удалились сердитые,

сказав, что займутся этим делом с другой стороны. А сейчас расскажу о том, что произошло. Он подстрелил цаплю, когда Уэйберны переходили на озеро Минч. Он завернул ее и оставил в поставленной на якорь моторной лодке. Когда он вернулся к лодке после пикника, он обнаружил, что ее нет на месте, а один мальчик, представившись сыном инспектора по охоте, сказал, что пришел спросить его насчет птицы. Эрнест сказал, что его знакомый дал ему эту птицу, а он собирался забрать ее домой и сделать чучело.

Мальчик ответил, что он должен забрать эту птицу, поскольку для Эрнеста иметь ее противозаконно, а он всего лишь помогает своему отцу. Вот что из этого получилось. Я предчувствую худшее, поскольку Эрнест заявил, что не убивал эту птицу, но, по его словам, он испугался и сказал первое, что пришло в голову. Я не могу утверждать, что знаю все об этом, ведь если не знаешь, то лучше молчать. Мисс Хансен и мисс Уэйберн заявили мистеру Бэкону, что они ничего не знают об убийстве птицы. Так что ты понимаешь, как все запуталось. Я думаю, что лучше всего будет послать Марси завтра к Дилвортам. Она встретится с ним и поговорит с мистером Дилвортом обо всем этом. Я не знаю, стоит ли ему возвращаться в Уиндмер или нет. Мистер Бэкон говорит, что они инспектора по крупному зверю и рыбе округов Эммет и Шарлево. А в остальном у нас все хорошо.

С любовью Г.Х.»

Однако Эрнест отправился в Айронтон, где в летнее время проживал наш дядя Джордж. Он считал, что в другом округе будет в безопасности, находясь под юрисдикцией местных законов. Он рассказал дяде Джорджу обо всем этом. К его ужасу, дядя Джордж не выразил и капли сочувствия. Он посоветовал Эрнесту вернуться и уплатить штраф. Это было сделано, и весь инцидент был исчерпан. Но после этого зародились особые отношения между двумя семьями. И это помогло Эрнесту сформировать свой кодекс поведения. Нужно дорожить людьми, которые помогли вам в затруднительном положении. Все остальные бесполезны.

Хотя Эрнест усердно работал на летней ферме, он никогда не убегал из дому и не позволял своим домашним гадать о том, что с ним случилось. Такие инциденты впоследствии вольно излагались биографами и журналистами. Эрнест всегда посылал почтовые открытки, рассказывая об увиденных им птицах и зверях, даже о ночных походах вниз по реке Иллинойс до озера

Цюрих в штате Висконсин.

Отец был самым серьезным покровителем Эрнеста всю свою жизнь. В детские годы Эрнест обучился всему, что умел отец, и глубоко любил его. Кроме того, что они проводили вместе все летние каникулы, они вместе ходили на охоту осенью, когда открывался охотничий сезон. У нашего отца была большая коллекция ружей. Он относился к ним с большим уважением, хотя однажды чуть не ослеп, когда ружье разорвалось рядом с его лицом во время работы в геодезической партии в Грейт-Смоукиз.

Познания Эрнеста в области оружия помогали ему во время учебы в колледже. Он испытал истинное удовольствие, организовав юношеский ружейный клуб. Эта идея родилась в момент, когда Эрнест редактировал выпуск еженедельной газеты «Трэпез».

– Надо заполнить эту пустоту, – решил он.

И вскоре он придумал новое исключительное сообщество. Подобная организация для девушек реально существовала, и ей всегда отводилось много места на страницах газеты и уделялось много внимания.

Включив в списки себя и еще полдюжину друзей, Эрнест начал обдумывать те великие деяния, которые можно было бы совершить. Амбиции юношеского стрелкового клуба были столь высоки, что могли заставить побледнеть большинство стрелков-любителей. Члены клуба имели внутренний устав и поклялись сохранять тайну. Деятельность клуба никогда не интересовала посторонних. Не было проблем вплоть до конца года, когда членов правления попросили представить на рассмотрение фотографии для «Табулы», ежегодного школьного издания. По этому случаю Эрнест устроил свой финальный розыгрыш. Он собрал членов своего клуба для фотографирования и занял видную позицию с левого края. Каждый из выдающихся стрелков держал ружье. Этот факт проскользнул мимо редакторов и оказывающих финансовую поддержку учителей. Это остается по сей день подобающим финалом фрагмента легенды о Хемингуэе.

В колледже Эрнест написал сочинение на английском языке, где постарался рассказать как можно лучше о том, что стимулировало его в жизни. В начальные годы обучения он написал четыре пьесы, которые были рассмотрены преподавателями и сочтены подходящим материалом для «Табулы». Затем он работал корреспондентом в «Трэпез». В середине учебы его избрали одним из шести редакторов «Трэпез», среди которых была и Марселлайн.

Эрнест вел раздел юмора, составленный в духе статей Ринга

Ларднера, признанного лучшим корреспондента чикагских газет. Приняв взгляды на жизнь и жаргон Ларднера, Эрнест сумел оживить изначально скучные материалы колонок. Прищуренный глаз Эрнеста подмечал потрясающие комедийные ситуации в жизни колледжа вплоть до высших его членов. Марселлайн казалась ему олицетворением ханжеской светской красавицы, и он особенно любил отпускать шпильки в ее адрес. Он придумал вечеринку под названием «против всех запретов» и однажды сообщил, что фамильное серебро, принадлежащее члену клуба «Трэп шутинг клаб», сменило владельца в результате какого-то пари. В типичной газетной колонке, озаглавленной «Ринг Ларднер-младший пишет о соревнованиях по плаванию, Оук-Парк состязается с прибрежным районом», Эрнест тонко насмехается над лицами, занимающими высокие посты в колледже.

«Дорогой Пэшли (это редактор еженедельного издания).

Ну, Пэш, раз ты куда-то удалился и оставил меня писать рассказ о соревнованиях по плаванию, что ж, я займусь этим, поскольку в противном случае ты уволишь меня из редакции. А затем мне, возможно, захотелось бы развеять ту чушь, которую высказали в адрес нового пилота самолета Перкинса. Я должен буду уйти и стать военным лектором или кем-то еще.

Понимаешь, Пэшли, каждый раз, когда я пишу что-нибудь для твоей газеты, много парней хотят разорвать меня в клочья, так что на этот раз я буду очень осторожен в выражениях. Я буду писать только о себе и тех ребятах, которых я вовсе не хочу зацепить.

В этих состязаниях команда «Эванстон» не представляла для нас никакого интереса. Если бы мы набрали на двадцать очков больше, мы победили бы их. А если я проплыл бы на пятнадцать футов дальше, я был бы недосягаем в подводном плавании, ну и если б Хьюис привлек на свою сторону еще четыре штата, это обеспечило бы ему победу на выборах.

Но, как говорится в Библии, нечего рыдать над разорванной рубахой, или что-то в этом духе, я не помню, что именно. В команде «Эванстон» был подводный ныряльщик по имени Коулер. Ведь эта птичка шлепнулась в воду и всплыла на другом конце бассейна в лучезарном сиянии славы. Но этому парню больше не одолеть нас, потому что мы с Джеком Пентекостом разработали гениальный план.

На дне бассейна, от одного конца до другого, нарисована черная полоса. Мы проложим приводимый в движение ремень вдоль этой линии, затем мы с Крафтом ныряем и хватаем его руками, а он тащит нас до конца бассейна. Это великолепная

схема, Пэш, так что держи ее в тайне, чтобы никто об этом не пронюхал.

Но есть еще один вариант, и мы можем победить в соревнованиях по плаванию без участия Гэйл в нашей команде. Мы организуем особые этапы в соревнованиях. Они будут называться так:

1. Мелем чушь (вольный стиль).
2. Мелем чушь (на время).
3. Разделяем неопределенное.
4. Катаем шарики (на время).
5. Кидаемся пеной (гандикап).

На первый этап мы можем поставить Гарри Макнамару, тебя и меня. Во втором, без всякого сомнения, будет первым Лерой Хаксхэм. В третьем я готов поставить последний цент, что победит Микки Кэнни, а в последних двух всем даст фору Кокси Мур.

Эти дополнительные этапы принесут нам кучу дополнительных очков, так что мы выиграем соревнование без проблем! На этом, Пэш, кажется, пора закругляться. Иначе, если я открою что-нибудь еще из наших планов, ты, возможно, запустишь эту информацию в другие колледжи. Кроме того, на завтра я должен изучить производство дамских шляп, потому что мы должны спасти наш округ любой ценой.

С уважением

Эрнест Хемингуэй.

P.S. Пожалуйста, пусть печатник изготовит дополнительно несколько копий газеты. Мне хотелось бы отослать их своим друзьям в старом городе.

Ваш Э.Х.

P.P.S. На соревнованиях я взял интервью у многих известных людей, и вот что они сказали.

Тренер Рейнольдс:_____!!

Капитан Уайт: _____!!!!!

Стью Стэндиш: _____!!!!!!!

Гарри Макнамара: Я проиграл выборы!

Де Вев Джордж: Славьтесь, братья, славьтесь!

Марселлайн Хемингуэй: Да, он какой-то очень дальний мой родственник!

Капитан Стивер: Это мужская игра!

Э.Х.»

За тот последний год обучения в колледже Эрнест написал

много литературных материалов, которые были оценены руководителями факультета как подходящие для издания в «Табуле». В одном из этих очерков Бог был представлен «с большой ниспадающей бородой и очень напоминал графа Толстого». Эрнест написал два рассказа об индейцах, основанных на его знаниях о племени оджибуэев в штате Мичиган. Это также было опубликовано в «Табуле».

Он переработал несколько ранних своих сочинений, не имевших ничего общего с заданиями в колледже. Когда я разбирал семейный архив после смерти матери, в мои руки попал блокнот с его серьезными ранними фантазиями. Я передал его нашей сестре Санни. В то время Эрнест назначил ее официальным представителем семьи.

Хотя во время учебы Эрнеста в колледже состояние финансов семьи Хемингуэй было вполне приличным, отсутствие у него свободных карманных денег было социальной проблемой. Нашего отца с детства приучили к бережливости. Он верил в то, что дорога в ад устлана легкими деньгами. Так что он давал деньги в руки своих отпрысков только при выполнении ими определенных заданий по низким, изначально установленным расценкам. Никогда доход Эрнеста от семейной работы во время учебы в колледже не превышал двадцати пяти центов в неделю, а эта сумма даже в те дни была скудной. Требовалось особое проворство, чтобы позволить себе редкие свидания с девушками, такими, как красотка Кэролайн Бэйли и Люсил Дик.

Но Эрнест испытывал муки и от другой проблемы, которая была для него похуже отсутствия денег. Это не понравилось бы даже деревенскому мужлану, а тем более блестящему молодому репортеру и атлету. В те времена наши родители в духе строгой викторианской морали заставляли Эрнеста сопровождать Марселлайн на светские сборища. Это было неприемлемо для каждого из них, как посягательство на право свободы выбора.

Эрнесту удалось сберечь некоторую сумму денег после его летней работы на Уоллун-Лейк. На ферме отец организовывал весь труд Эрнеста на контрактной основе. Для завершения каждого особого задания приходилось основательно попотеть и убить кучу времени. Он не настаивал на беспрестанном тяжелом труде. Отец слишком ценил летние каникулы сына, так что у Эрнеста были долгие уик-энды в перерывах между работой, а иногда и целые дни, проведенные на ловле форели на Хортонс-Крик, в трех милях от фермы. Там, уже в сумерках, он поймал рекордную радужную форель около старого дока на западной стороне залива, где Хортонс-Крик впадает в озеро Шарлево. Он

принял участие в соревнованиях на лучший улов и впервые ощутил великое чувство победы.

Он знал каждый фут устья реки, от болота, переходящего в бухту Хортонс-Бэй на Пайн-Лейк, через глубокие омуты мимо лесных вырубок к плотине, вдоль открытых полей, под мостом. И наконец, далее шел очень трудный участок потока вдоль болотистого места с растущими там американскими лиственницами, где большая часть рыбаков в течение получаса потерпела неудачу.

Друг Эрнеста Джим Дилворт жил на берегу Хортонс-Бэй. Его дом стал вторым удобным пристанищем для Эрнеста. Это было одним из нескольких его убежищ, где живое, шумное, но подавляюще женское общество в Уиндмере доставало его окончательно. В то время Марселлайн и Урсула энергично помогали по дому. Санни примкнула к ним позже, участвуя в приготовлении пищи, вышивании, изготовлении одежды и общем веселье. Тем же занималась и Кэрол, которая была на четыре года старше меня. Меня, как совершенно незапланированного ребенка мужского пола, вначале рассматривали как очередную помеху, а не желанное избавление от женского засилья в семье. Я родился, когда Эрнест только начал учебу в колледже. В тот день, когда я появился на свет, его отправили в ночной поход на озеро Цюрих.

Походы в лес, чтение, длительные прогулки и рыбалка доставляли Эрнесту особое удовольствие в перерывах между работой на ферме. Он любил устраивать привал на мысе Мерфис-Пойнт, менее чем в полумиле от Уиндмера. Там у него были все условия для спокойного чтения. Часто из этих походов он возвращался с промокшими от дождя книгами. Наши родители строго относились к сохранности семейной библиотеки. Они не знали о том, как он часто был обеспокоен тем, чтобы заменить испорченную книгу на качественную.

Отец проводил столько времени в Уоллуне, сколько мог себе позволить, хотя работа требовала его присутствия в Оук-Парк. Во время этих отпусков он посвящал себя приготовлению пищи, походам по магазинам, следил за тем, чтобы белье вовремя стирали и дети выглядели опрятно за столом, не интересуясь, на что они были похожи в другое время. Даже завтрак был настолько официальным мероприятием, что требовал соответствия в одежде, изысканности поведения и правильной сервировки стола. Поддерживая этот декорум в доме, переполненном детьми, упрямые Хемингуэи до крайности изнурили бы кого угодно, но только не отца.

Для матери было тяжело справляться с шестью чадами. Так что она поручала старшим приглядывать за младшими, но при

этом свести к минимуму нарушения этикета. Как только возникал серьезный эмоциональный кризис, она сразу мчалась в свою комнату, задергивала шторы и заявляла, что у нее страшная головная боль. Любые действия, противоречащие ее желаниям, всегда приводили к кризису. Пока дети росли, такое случалось сотни раз. К счастью, были студенты из Оберлинского колледжа, такие, как Хорнелл Харт, и студенты музыки, вроде Рут Арнолд, заботившиеся о детях, когда родителей не было рядом.

Даже в Уиндмере отец посвящал определенное время медицинской практике. Там он был единственным доктором в окрестностях озера. Менее чем в двух милях, рядом с заброшенной лесопилкой, жило индейское племя оджи-буэев. У этих индейцев не было собственной территории, они не владели землей и редко устраивались на продолжительную работу, поскольку леса вырубались на стройматериалы. С ними постоянно происходили несчастные случаи – колотые ранения, переломы костей, серьезные инфекции. Эрнест часто сопровождал отца по этим вызовам. Он не только восхищался многими оджибуэями, но и научился оказывать первую помощь в походных условиях. Эти знания Эрнест впервые испытал на самом себе. Вероятно, это было весьма кстати. Однажды, когда они с Санни рыбачили на лодке, Эрнесту в спину вонзился рыболовный крючок.

– Вырежь его, – скомандовал он и начал смело насвистывать.

– Я не могу. Я действительно не могу! – ответила Санни.

– Вырежь его, – мрачно настаивал Эрнест, – маленький аккуратный разрез лучше рваной раны.

К счастью, у Санни не хватило духу взять в руки нож. Они сделали это в Уиндмере, где крючок извлекли без особого повреждения тканей. В коттедже отец проткнул острие крючка наружу сквозь кожу, обломил его, вытащил оставшуюся часть и обработал ранку йодом.

После окончания колледжа Эрнест больше всего на свете хотел пойти воевать. Но он знал, что не сможет сразу получить разрешение отца. Отец был категорически против. Это означало определенную отсрочку. Если в нашей семье что-то безоговорочно запрещалось, это действовало в течение довольно долгого времени – от нескольких дней до нескольких месяцев.

Все лето, в перерывах между работой и рыбалкой, наши родители продолжали убеждать Эрнеста поступить в Оберлинский колледж, в котором учились некоторые родственники, или выбрать любой другой. После обсуждения со своими знакомыми, друзьями семьи, в конце концов, со своей семьей, Эрнест решил поехать в Канзас-Сити. Там брат отца Тайлер женился на девушке из семьи Уайт. Совместно с Уайтами он зарабатывал деньги на торговле пиломатериалами. А главное, дядя Тай учился в школе вместе с Генри Хаскеллом, сейчас одним из видных сотрудников редакции газеты «Канзас-Сити стар». Эта действительно хорошая газета уже стала признанным местом пробы пера для писателей Среднего Запада.

Эрнесту очень хотелось обрести жизненный опыт и свободу. Эта газета могла осуществить оба его желания, если бы он мог получить шанс показать, на что способен. И тут как раз мог содействовать дядя Тай. Он любил Эрнеста и хотел видеть его сотрудником газеты. Он не тревожился о журналистской карьере юноши. Но там, по крайней мере, семья могла знать, чем он занимается. И Эрнест решил с головой окунуться в писательскую деятельность, будучи категорически против дальнейшего формального обучения.

В Канзас-Сити рекомендации дяди Тайлера оказали поддержку при рассмотрении его заявления на работу. В те дни все, кто устраивался на работу в «Стар», проходили месячный испытательный срок. Новые сотрудники или быстро усваивали издательскую инструкцию, составляя статьи указанного объема и радовались этой работе, или быстро вылетали из коллектива. Это было прекрасным полигоном для тренировки и стимулировало каждого пришедшего в газету репортера-новичка.

– Я удачно справился с этим, – годы спустя сказал мне Эрнест. – Потому что там любили работать с молодыми людьми, быстро добывающими свежие материалы. Я быстро продвигался вперед, как в игре с мячом. Мне доводилось выезжать с бригадой «Скорой помощи» и освещать события в большой клинике. Это были в основном полицейские репортажи. Моей удачей стал

материал о большом пожаре. Пожарные вели себя профессионально осторожно. Я же шел прямо в бушевавший огонь, где мог наблюдать происходящее. Это была отличная статья. – Эрнест сделал паузу и рассмеялся. – Повсюду летали искры. Мой новый коричневый пиджак прогорел во многих местах. После того как я передал по телефону информацию, я включил в статью расходов пятнадцать долларов за тот пиджак, который я испортил. Но этот пункт начальство отвергло. Это было для меня хорошим уроком. Я понял, что никогда не следует рисковать чем-либо, пока ты не готов потерять это полностью.

Наиболее важным результатом работы Эрнеста в газете «Канзас-Сити» было изменившееся отношение отца к стремлению Эрнеста на фронт. После четырех месяцев работы в качестве корреспондента полицейской хроники его отъезд на фронт в Европу уже не казался отцу смертельно опасным. Вскоре после Рождества отец изменил свое решение. Эрнест мог свободно ехать, если убедит какое-нибудь военное подразделение взять его.

В феврале 1918 года Эрнест окончательно и определенно понял, что его зрение не позволит ему записаться в американские экспедиционные силы. Он говорил с сотрудниками редакции «Стар», читал все приходящие сообщения и наконец решил, что полевая служба американского Красного Креста даст ему лучшую возможность быть в гуще событий.

Тэд Брамбек, недавно пополнивший персонал редакции, до этого шесть месяцев провел во Франции в составе Красного Креста. Он был старше, менее уверен в себе физически из-за травмы глаза, но больше по причине романтичности натуры. Он носил берет. Чарли Хопкинс, другой сотрудник «Стар» и друг Эрнеста с озера Пайн-Лейк, и Карл Эдгар восприняли идею с энтузиазмом. В конце апреля все четверо подписали контракт и покинули Канзас-Сити. Они отправились в Нью-Йорк через Мичиган, половить форель перед отъездом в Европу. Затем они поспешили на восток, получили униформу и необходимое снаряжение и строем прошли по Пятой авеню. Их приписали к итальянскому сектору Красного Креста.

Тремя компаньонами Эрнеста на борту судна были Фредерик В. Шпигел, Билл Хорн и Хауэл Гриффитс Дженкинс из Чикаго. Эти молодые люди только что вступили в организацию и были направлены в тот же регион. Они шли на корабле «С.С. Чикаго» компании «Женераль трансатлантик». В течение всего десятидневного путешествия в каюту Эрнеста, на которой он повесил большую табличку на французском «Комната удачи», постоянно приходили люди. Его соседями по каюте были Галински и Хорчиновиц, пара молодых поляков из Канады,

отправившихся воевать с немцами. До того как беззаботная компания причалила к берегу и села на парижский поезд, было сыграно бесконечное количество партий в кости, и кипа бумаги была исписана результатами игры.

Когда Эрнест впервые увидел Париж, город подвергался артобстрелу. Затем его группа была переправлена в Италию, где вскоре начала оказывать помощь оставшимся в живых после взрыва на военном заводе около Милана. После этого прошли четыре недели изнуряющей бездеятельности в довольно большом удалении от линии фронта, где группа была заменена другим подразделением. Жизнь в казарме на третьем этаже бывшей льняной фабрики не приносила удовлетворения, хотя Эрнест и его друзья с удовольствием купались в протекающей рядом реке.

Эрнест почувствовал значительное облегчение, заполучив возможность управлять столовой Красного Креста в более насыщенном событиями секторе Пиав. Он подружился с командиром подразделения и наконец получил возможность побывать в окопах на передовой. После недельного удовлетворения неуемного любопытства, распределения сигарет и шоколада он воочию узнал, что означает пережить атаку врага.

Во время раздачи припасов ранним утром 9 июля совсем рядом разорвалась мина. Из четырех человек, оказавшихся ближе всех к месту попадания, больше всего повезло Эрнесту. Один был убит наповал. Другого взрыв лишил ног. Третьего тяжело ранило. Эрнест подобрал раненого и оттащил в тыл. Во время отхода две очереди из пулемета настигли его. Но Эрнест на спине доставил раненого до санчасти. После он потерял сознание.

Все раны Эрнеста после этих событий были ниже колен – именно так он сообщил своей семье. Приходили сообщения иного рода, однако он не был кастрирован в результате ранения. Двести двадцать семь кусочков свинца не попали ему в пах.

Без сомнения, он был тяжело и опасно ранен, но сумел выкарабкаться. Следующие три месяца провел в госпиталях, постепенно приходя в форму. Из его тела было извлечено более двадцати осколков мины. Более чем полгода спустя, когда Эрнест уже фактически был дома, большинство полагало, что он один из самых тяжело раненных американцев за всю войну.

Эрнеста чрезвычайно забавляла ситуация. Он, как и все, был убежден в том, что мировая война будет последней из войн на земле. Он считал, что большая часть тех молодых ветеранов внесла основной вклад в победу. Но семья Хемингуэй все еще не примирилась с фактом его отказа поступать в колледж. Но, зная отношение семьи к зарыванию любого проблеска таланта в землю, он писал домой письма, ставшие классическим образцом

составления частного комического материала для публикации.

5 октября 1918 года в газете «Оук ливз» вышел следующий рассказ:

«Как сообщалось в последнем выпуске «Оук ливз», доктор Хемингуэй, чей сын Эрнест Хемингуэй стал героем подразделения Красного Креста в Италии, получил письмо от Норта Уиншипа, американского консула в Милане. Он восхвалял мужество сына доктора и заявил о намерении лично наблюдать за его выздоровлением. Из госпиталя от Эрнеста пришло следующее письмо:

«Дорогая семья.

Слухи о моей смерти, должно быть, были сильно преувеличены. Я получил сегодня выпуск «Оук ливз» и начал думать, что вы, возможно, не приветствуете моего намерения сохранить все в тайне. Это лучшее, что можно сделать после того, как тебя убили, а потом читать собственный некролог.

Вы знаете, что нет ничего забавного в этой войне, и это действительно так. Я бы не назвал это адом, потому что все немного изменилось со времен генерала Шерма-на. Но было около восьми случаев, когда ад ждал меня с распростертыми объятиями, но по счастливой случайности это не произошло в той фазе войны, в которой я принимал участие.

Например, в окопах во время атаки снаряд попадает прямо в группу людей, среди которых находишься и ты. В снарядах нет ничего страшного, за исключением случая прямого попадания, когда остается только надеяться, что осколки просвистят мимо. Но когда при этом твоих товарищей разметает взрывом во все стороны, тут уже дело дрянь.

В течение шести дней, когда я находился на передовой в окопах всего лишь в пятидесяти ярдах от австрийцев, у меня возникло чувство обладания жизненно важным талисманом. Обладание чем-либо другим не столь важно, как иметь такой талисман. Я надеюсь, он у меня есть. Костяшки моих пальцев извлекают стучащий звук, барабаня по деревянной спинке кровати.

А сейчас я могу поднять руку и сказать, что я был под ураганным артобстрелом, попадал под шрапнель, меня травили ядовитым газом, в меня стреляли из минометов и пулеметов, а также снайперы из винтовок и, для дополнительной привлекательности, по мне вели огонь из пулемета с аэроплана. В меня никогда не кидали ручной гранатой, зато подобная штука, выпущенная из гранатомета, упала довольно близко. Может быть,

в дальнейшем я обзаведусь ручной гранатой.

Если отбросить всю эту чепуху, то останутся ранения от разорвавшейся мины и пулемета, или, как говорят ирландцы, все довольно удачно. Ну как?

227 осколочных ранений не принесли мне существенного урона. Вот только ступни своих ног я ощущал как будто в полных воды (горячей воды) резиновых сапогах, и коленная чашечка вела себя довольно странно. Пулеметное ранение напоминало резкий удар заледенелого снежка. Однако это сбило меня с ног. Но я снова поднялся и дотащил раненого до блиндажа. Там я просто рухнул от усталости.

Я был весь в крови итальянца, которого нес на себе. Мой мундир и брюки выглядели так, как будто кто-то набил в них джема из смородины, а затем наделал дырок, выпуская все это наружу. Ну а мой капитан, кстати мой большой друг (это был его блиндаж), сказал:

– Бедняга Хем, он скоро отойдет в мир иной!

Вы понимаете, из-за пропитанного кровью мундира они думали, что я ранен в грудь. Но я заставил их снять мой мундир и рубашку, майку я не носил. Могучий торс оказался целехоньким. Затем они сообщили, что я, вероятно, буду жить. Это немного взбодрило меня.

Я сказал им по-итальянски, что хочу посмотреть на свои ноги, хотя я боялся взглянуть на них. Они стянули мои брюки, и я убедился в присутствии ненаглядных конечностей. Но, черт побери, там было сплошное месиво! Они не могли представить, как я прошел полторы сотни ярдов с такой ношей с простреленными коленями. А мой правый ботинок получил большие пробоины в двух местах. Всего на теле было более двухсот ран.

– О, – сказал я по-итальянски, – мой капитан, это все пустяки. В Америке все делают это. Все продумано для того, чтобы не позволить врагам осознать, что они захватили наших козлов.

Речь козла требует отменных лингвистических способностей, но я справился с ней и забылся на несколько минут.

Когда я пришел в себя, они тащили меня на носилках за три километра на перевязочный пункт. Носильщикам пришлось идти напрямик, поскольку дорога была вся разворочена снарядами. Если один такой пролетал с жутким воем, они клали меня на землю, а сами плюхались рядом.

Мои раны ныли так, как будто 227 маленьких дьяволят втыкали гвозди в мое тело. Во время атаки перевязочный пункт эвакуировали, и мне пришлось два часа пролежать в хлеву со снесенной крышей, ожидая помощи. Когда она подошла, я

приказал им подобрать вдоль дороги раненных еще в начале боя солдат. Они забрали меня на обратном пути.

Артобстрел был все еще достаточно интенсивным. Наши батареи палили непрерывно где-то позади нас, и тяжелые болванки калибра 350 и 250 миллиметров проносились над головой в сторону Австрии с шумом, подобным грохоту железнодорожного состава. Затем с пронзительным визгом пролетел австрийский снаряд и рванул с жутким грохотом. Но наши подарочки были тяжелее и многочисленней присылаемых с их стороны.

Вдруг батарея полевых орудий, расположенная прямо за сараем, дала оглушительный залп. Бах! Бах! Это 75-й и 149-й калибры с завыванием отправились к австрийским позициям. Снаряды рвались непрерывно, а звук пулеметов походил на работу клепальщиков – та-та-та-та-та!

Пройдя несколько километров к итальянскому полевому госпиталю, они выгрузили меня в перевязочном пункте. Я встретил там много друзей среди офицеров-медиков. Мне сделали уколы морфия и противостолбнячной сыворотки, а потом побрили мои ноги и извлекли двадцать восемь осколков снаряда размером от и до (смотрите прилагаемые эскизы).

Меня аккуратно перебинтовали, все начали пожимать мне руки и даже целовать, а я подтрунивал над ними. Я провел пять дней в полевом госпитале, а потом был эвакуирован в стационарную клинику.

Я шлю вам эту телеграмму, так что не волнуйтесь. Я находился в больнице один месяц и двенадцать дней, надеюсь, в следующем месяце меня выпишут. Итальянский хирург сделал первоклассную операцию на моем правом коленном суставе и правой ступне, наложил двадцать восемь швов и заверил меня в том, что я смогу ходить, как и прежде. Все раны обработали, так что заражения не было. Он наложил гипс на мою правую ногу, короче, все будет в порядке.

У меня есть несколько модных сувениров, извлеченных им за последнюю операцию. Пока не пройдет боль, я буду испытывать некоторый дискомфорт. Хирург собирается снять гипс через неделю, а через десять дней разрешит мне ходить на костылях. Я снова буду учиться ходить.

Это самое длинное письмо из когда-либо написанных мною, но в нем мне удалось рассказать совсем немного. Передайте мою любовь всем, кто спросит обо мне, и, как говорила мама Петтинджилл:

«Покидая нас, поддерживай огонь в домашнем очаге».

23 октября газета «Чикаго ивнинг пост» опубликовала статью, заявив, что Эрнеста разорвало в клочья в окопах на передовой при взрыве снаряда, а его товарища похоронило под минометом. Рассказ занял целую газетную колонку.

Никто в Америке не знал о том, что Эрнест отчаянно влюбился первый раз в жизни. Вскоре после того, как он был переведен в полевой госпиталь на окраине Милана, туда приехала молодая медсестра. Она заступила на ночное дежурство в американский госпиталь Красного Креста в Милане. Там Эрнеста оперировали и лечили после ранения. Позже под ее присмотром была палата на сорок пациентов в американском армейском полевом госпитале. Ее перевели туда для оказания помощи во время эпидемии гриппа в Падуе.

Девушку звали Агнес фон Куровски. Она закончила колледж при клинике Бельвю. Агнес вступила в американский Красный Крест в Нью-Йорке, но некоторое время ей не выдавали паспорт. Дело в том, что ее отец был урожденным немцем, хотя он и стал натурализованным американцем и давно умер. Это мешало ее отъезду в Италию с основной группой медсестер Красного Креста.

У мисс фон Куровски было редкое самообладание, чувство юмора, гибкая фигура, грациозная осанка и чудесный, нежный характер. Через некоторое время между ней и Эрнестом возникли эмоциональные узы, крепнувшие день ото дня. Они говорили о последних событиях в их молодых жизнях и наслаждались друг другом в моменты, когда они могли остаться наедине.

«В некоторых случаях Эрни был непослушным пациентом, но он имел большую популярность среди больных и везде заводил себе друзей, – рассказывала она годы спустя.

Некоторое время я была на ночном дежурстве, и он появлялся время от времени в течение месяцев, пока заживали его ноги. У него частенько были проблемы с начальницей, мисс Де Лонг, так как его чулан всегда был забит пустыми коньячными бутылками. Ее помощница, мисс Элси Макдоналд, была с ним в особых дружеских отношениях и всегда стояла на его стороне. «Дама с тихой походкой», как ее называл Эрнест, возглавляла лазарет в Бельвю. Он также звал ее Испанской Макрелью.

…Потом меня перевели в Падую, а затем в Торре-де-Моста на Ливенце… В Милане он писал мне чудесные письма, когда я находилась на ночных дежурствах, и присылал их вниз, в комнату медсестер, с одной из сиделок. Когда он приехал навестить меня в Падуе, он шел прихрамывая, опираясь на трость, и был весь в медалях. Позже один из мужчин, за которым я ухаживала, смеялся, потому что, хотя он, несомненно, был ранен, на нем

была униформа Красного Креста без знаков воинского чина.

Мы иногда гуляли. За городом была чудесная природа. Американский капитан, мне кажется, его звали Джим Гэмбл из фирмы «Проктер и Гэмбл», хотел, чтобы Эрнест стал его секретарем и сопровождал его в поездках по Европе. Я советовала Эрни вернуться домой и получить работу. Я боялась, что если он останется с ним, то станет бездельником.

Я помню, когда Эрнест смог пойти на скачки в Милане – а это была его первая короткая увеселительная прогулка из госпиталя, – мы торопились пришить на его униформу воинский знак о ранении, прежде чем смогли появиться на людях. Скачки были одним из немногих мест, куда мы могли пойти развлечься, а для сотрудников Красного Креста проход был бесплатным, так что мы часто бывали там».

Позднее, когда Эрнест сделал Агнес предложение выйти за него замуж, она медлила с ответом, сказав, что напишет ему в ближайшую неделю. Когда Эрнест получил ее письмо, он узнал об отказе. Это ранило Эрнеста, подобно той разорвавшейся мине. Он отреагировал жестоко, хотя давал слово вести себя так спокойно и мягко, как это только возможно. Это было тяжелое время для них обоих. Расстроенный Эрнест потом написал мисс Макдоналд, что он надеется, что, когда Агнес возвратится в Штаты, она споткнется на корабельном трапе и выбьет все свои чертовы зубы. Потом у Агнес был роман с итальянским офицером, но она возвратилась домой, так и не выйдя замуж за итальянца. Эрнест сообщил по секрету своему другу, Хоуэллу Дженкинсу, что он чувствует себя ужасно из-за ее несчастья, но пытается алкоголем выжечь воспоминания о ней. Через несколько лет, когда Эрнест со своей первой женой совершал пеший тур по Северной Италии, он написал нежное письмо Агнес, рассказав ей, как сильно страна напоминает ему те времена, когда они были счастливы вместе в конце войны, и какой в полном смысле слова замечательной девушкой она была. Их пути разошлись, но каждый сделал все возможное для восстановления душевного спокойствия после того серьезного раннего романа. Его горечь прошла, но Эрнест помнил об Агнес, создавая образ Кэтрин Баркли в романе «Прощай, оружие!».

Еще в Европе Эрнест демобилизовался из подразделения Красного Креста. Возвращение в Оук-Парк заняло около месяца. Его появление предвкушали с тем же волнением, с каким возбужденные жители штата Теннесси ждали сержанта Йорка.

Вечер, когда Эрнест вернулся домой с войны, стал особым событием в семейной истории. Нашим двум младшим сестрам

позволили не ложиться спать. А меня около девяти часов нарочно разбудили. Это было невообразимо, за исключением случая стихийного бедствия, да и то вряд ли. В доме везде горел свет. В столовой был накрыт стол, дымился горячий шоколад. Эрнеста окружили, осыпали поцелуями и хлопали по спине, заходили соседи, новость быстро распространилась по округе. Меня посадили к нему на плечи, и Кэрол настояла, чтобы ее тоже подняли. Это замечательная штука – быть младшим братом парня, который помогал сделать мир безопасным для демократии. И не один я видел его в этом свете.

1 февраля 1919 года Розелл Дин опубликовала в газете «Оук-Паркер» интервью с Эрнестом о его встрече с врагом. Как следовало из описания, он был ранен три раза, когда на грузовике пробирался к линии фронта, доставляя сигареты и шоколад солдатам; когда находился на ничейной земле на наблюдательном посту и рядом разорвался большой неприятельский снаряд, ранивший осколками его и убивший сопровождавших его двух итальянских солдат. Молодой герой, серьезно раненный в оба колена, упал на землю. Он мог с трудом передвигаться, но, несмотря на это и продолжающийся артобстрел, он подобрал раненого солдата и на спине оттащил его назад к итальянским окопам, хотя по пути он получил еще два пулеметных ранения в левое бедро и правую ступню. В общем, лейтенант Хемингуэй получил тридцать две пули 45-го калибра. Все они были извлечены, за иключением одной в левой конечности. Ее молодой воин решил оставить на память, если только отец-хирург не лишит его этого сувенира…

Лейтенант Хемингуэй позволил извлечь двадцать восемь пуль без всякой анестезии. Единственным его комментарием о войне было то, что это серьезный вид спорта, и он снова готов заняться им, если потребуется.

Хотя его вольные комментарии вышли, скорей всего, в сокращенном варианте, Эрнесту удалось сохранить бесстрастную манеру повествования. Время от времени он позволял снимать с себя маску застенчивости, и тогда открывались новые моменты его славы. Это было исключительным триумфом для молодого человека, которого совсем недавно его семья считала безответственной, серой, еще неостепенившейся овечкой.

В первые месяцы своего возвращения домой Эрнест устроил прекрасную вечеринку для Санни и ее друзей. Старожилы Оук-Парк все еще помнят ее. Из своей комнаты он принес австрийскую ракетницу и полдюжины зарядов к ней. Много лет прошло с тех пор, когда инспектор по охоте напугал его так, что пришлось удирать. Он относился настолько же беспечно к законности

стрельбы из такого оружия в самом центре Оук-Парк, насколько к самой опасности этой затеи. Где-то во дворе он поднял в руке этот огромный пистолет со стволом около фута длиной.

Бабах! Тонкая огненная линия образовала дугу в ночном воздухе. Через пять секунд ослепительно яркая вспышка белого света образовалась в небе, и медленно, даже слишком медленно, она поплыла вниз к Гроув-авеню.

Подул ветер, и следующую ракету отнесло дальше. К тому моменту, когда он выпустил красную, синюю, зеленую и белую ракеты, еще несколько горящих зарядов приземлились на нашем дворе. Два из них, прожегшие небольшие отверстия в дерне, были затушены под общее веселье. Это было потрясающим зрелищем не только для соседских ребятишек, но и для каждого из членов нашей семьи. Отметины от упавших во дворе ракет оставались заметными еще несколько лет. Эрнест прекрасно бегал, и наши веселые выходки не стали причиной пожаров в округе. Пустые гильзы, практически в два раза больше в диаметре, чем охотничьи патроны 12-го калибра, сохраняли восхитительный запах сгоревшего пороха еще долгое время.

В середине марта Эрнест продолжал по-прежнему задирать нос. Он выступил на собрании колледжа Оук-Парк и выдал все, на что был способен. На первой странице издания «Трэпез» под редакцией Эдвина Уэллза крупным шрифтом было выделено то, что он, несомненно, сказал в шутку.

«Семнадцатилетний лейтенант Эрнест Хемингуэй, недавно возвратившийся из итальянского полевого госпиталя при американском Красном Кресте, а до этого проходивший службу в итальянской армии, в прошлую пятницу поделился своими впечатлениями об Италии на собрании колледжа.

Стайн, как его прозвали, сохранил свою прежнюю повествовательную манеру в стиле Ринга Ларднера, что делало его статьи столь интересными для нашего издания несколько лет назад. Вначале он рассказал о своем жизненном опыте в тихом секторе Лоуэр-Пиав, а затем о большом наступлении на фронте в Италии.

Особенно интересно прозвучал его рассказ об итальянской дивизии под названием «Ардити».

«Эти люди, – рассказывал он, – содержались в итальянских исправительных учреждениях. Они совершили проступки, такие, как убийство или поджог, и были освобождены при условии, что будут служить в этой дивизии, используемой правительством в качестве ударной части.

Вооруженные только револьверами, ручными гранатами и короткими обоюдоострыми ножами, они шли в атаку, зачастую

раздетые по пояс. Обычно их потери в бою составляли около двух третей».

В тот день, о котором рассказывал лейтенант Хемингуэй, их привезли на грузовиках, и весь полк распевал песню, за которую любым другим грозило бы три месяца тюремного заключения. Хемингуэй исполнил для аудитории эту песню на итальянском, а затем перевел ее. Через несколько часов после начала наступления на вражеские позиции лейтенант Хемингуэй увидел раненого капитана, которого принесли в полевой госпиталь для оказания помощи.

Он был ранен в грудь, но продолжал воевать, заткнув раны сигаретами. По пути в госпиталь он забавлялся тем, что кидал ручные гранаты в пустые окопы, лишь для того, чтобы посмотреть, как они взрываются. Это демонстрирует боевой дух этих людей.

В то время, когда лейтенант Хемингуэй получил ранение, он проходил службу в 69-м пехотном полку. Он и несколько итальянцев находились на наблюдательном передовом посту. Дело было ночью, но враг, вероятно, заметил их, поскольку дал залп из полевого миномета. В то место, где они находились, попала мина. Это не что-нибудь, а целый галлон взрывчатого вещества вперемежку с кусками металла.

«Когда эта штуковина рванула, – вспоминал лейтенант Хемингуэй, – мне показалось, что я полетел куда-то в оглушительно кровавую бездну. Я подумал, что пришел конец, а затем почувствовал удар о землю. После я пришел в себя. Мешки с песком придавили мне ноги, и вначале я был несколько расстроен тем, что не ранен. Другие солдаты отступили, оставив меня и еще нескольких воинов умирать. Один из оставшихся вдруг начал стонать. Я понял, что он жив, и приказал ему заткнуться. По-видимому, австрийцы были полны решимости окончательно уничтожить этот наблюдательный пост. Они запустили осветительные ракеты, а их прожектора пытались нащупать нас.

Я подобрал раненого солдата и начал пробираться назад к окопам. Как только попытался встать, почувствовал, что мое колено стало мокрым и липким. Я понял, что меня зацепило. До того как мы достигли окопов, их прожектор высветил нас, и они начали вести обстрел из пулемета. Я получил еще одну пулю в бедро. Было такое ощущение, что в меня попал снежок, настолько твердый и запущенный с такой силой, что свалил меня с ног. Мы продолжили свой путь, но, как только добрались до окопов и уже собирались запрыгнуть в них, еще одна пуля настигла меня, на этот раз в ступню. Мы оба кувырком скатились на дно окопа, и

когда я снова пришел в себя, уже находился в блиндаже. Два солдата решили, что я ненадолго потерял сознание. Я возразил им, и мне удалось убедить их в том, что они были не правы».

Так лейтенант Хемингуэй скромно поведал нам историю события, за которое он был представлен к высшей награде итальянского правительства. В дополнение к его медалям, одну из которых ему вручил лично король Италии, лейтенант Хемингуэй захватил австрийский автоматический револьвер, противогаз и свои изорванные осколками мины брюки. К тому же он пришел на встречу в полевом обмундировании.

Проходя обучение в колледже Оук-Парк, он всегда выделялся на любых мероприятиях. Он работал в составе редакции «Трэпез» в течение двух лет и был одним из редакторов в последний год учебы. Всегда проявляя интерес к спорту, он внес свой весомый вклад в футбольные победы, а также возглавлял команду по легкой атлетике».

Повествуя об этих событиях, Эрнест нередко просто дурачился, хотя, по-видимому, его воспринимали всерьез. Однако в то время он испытывал постоянно растущее чувство угнетенности из-за неясности своего будущего. Наши родители питали определенные надежды, что удовлетворение его мечты попасть на фронт преподало ему урок и что сейчас он неожиданно проявит глубокий интерес к благоразумной жизни. Но стилем жизни Эрнеста стала постановка и достижение целей всегда настолько трудных, что это было вызовом всем и вся.

Не все раны Эрнеста были чисто физическими. Как сотни тысяч солдат ранее и сейчас, он испытал психическое потрясение. Его изводила бессонница, он не мог спать, если в комнате не горел свет. Своему другу Гаю Хайкоку он рассказал об ощущениях во время взрыва мины. «Я почувствовал, как моя душа или что-то вроде этого выходит из моего тела, как если бы кто-то за уголок вытаскивал шелковый носовой платок из моего кармана. Она полетала вокруг, потом возвратилась и вошла внутрь. Я снова возвратился к жизни».

Старший бармен, персонаж произведения «Там, где чисто, светло», знал кое-что об этом чувстве.

«Если горит свет, то мне не страшно засыпать. Я знаю, что моя душа покинет меня, как только наступит темнота», – говорил Ник Адамс.

В те первые месяцы все домашние проявляли к Эрнесту самое искреннее уважение как к национальному герою. В доме он занял комнату на третьем этаже. Крутой подъем давался ему тяжело, но это, вероятно, помогало укреплять и разрабатывать раненое

колено. В своей комнате он держал военные сувениры, фотографии из Европы, карты, униформы, ружья, штыки, медали, ручную гранату и секретную бутылку, которая шла по кругу, когда приходили друзья. В редкие и незабываемые моменты мне позволяли вместе со всеми подняться по гулкой лестнице на третий этаж. Я с благоговением наблюдал, как Эрнест и его друзья обращались с ружьями, прицеливались из окон, фотографировались и задавали вопросы. Кроме австрийской ракетницы, он привез австрийский карабин Манлихера с затвором прямого заряжания.

– Это снайперская винтовка, – сказал он мне. – Я убил снайпера, который, спрятавшись на дереве, стрелял из нее по нашим солдатам.

Поскольку я был еще маленьким, меня сбивало с толку то, что он рассказывал эти чудесные истории, только когда вокруг были его друзья. Но он дал мне сверкающую медаль с портретом короля Виктора-Эммануила, висевшую на красно-зеленой ленте. И долгое время я отказывался выходить из дому, если на моей рубашке не была приколота эта медаль. Я был единственным из детей, которых я знал, чей брат побывал на войне в Италии, и у меня была медаль, доказывающая это. В те дни я не знал, что единственными американскими частями в Италии вплоть до окончания войны были подразделения Красного Креста.

Подлинные военные награды Эрнеста, серебряная и бронзовая медали, хранились в отороченной бархатом шкатулке в его комнате наверху. Серебряная медаль была вручена ему королем Италии. Он показывал их только друзьям, которые видели другие трофеи. Позднее Эрнест отдал ее местной, необычайно красивой девушке.

Эрнест со своей девушкой Катрин Лонгуэлл часто отправлялись на байдарке по реке Дэс-Плэйнес.

«Мы проходили на веслах по нескольку миль, – рассказывала она мне много лет спустя, – а в другое время мы приходили ко мне домой, читали написанные им рассказы и ели маленькие итальянские булочки, захваченные им из города».

Той весной, в один из воскресных дней, большая группа итальянских друзей Эрнеста зашла в наш дом. Во главе нее был ветеран Манфреди, с которым он познакомился в Милане во время войны. Огонь для приготовления пищи разожгли в двух местах на улице Айова-стрит рядом с нашим двором. Спагетти и мясные шарики готовили на открытом воздухе ради праздника в честь лейтенанта Эрнесто и мисс Лонгуэлл. Бросалось в глаза изрядное количество красного вина, и Эрнест сделал все возможное для успокоения наших родителей. Он напомнил им о

том, что они оба совершали путешествия по Европе, а его друзья были приучены к традициям Старого Света. Отец отказался принять этот душевный настрой, но Эрнест и Катрин безмерно наслаждались весельем.

Когда мое благоговение четырехлетнего младшего брата перед Эрнестом превысило все допустимые границы, я стал настоящим проклятием. Однажды мне было приказано идти вниз, прочь от ружей со щелкающими затворами и сверкающих клинков. Эрнест разговаривал с Джеком Пентекостом, другом детства и одним из членов отряда Красного Креста в Италии. Они оба сурово посмотрели на меня, и Эрнест произнес:

– Иди-ка вниз, братишка, а не то мы засунем тебя в машину для битья.

– А что это такое? – с дрожью в голосе спросил я.

Они наперебой начали рассказывать о чудесной европейской машине, в которой маленьких мальчиков хлещут ремнем до крови. Там лопасти вращаются со всех сторон, и никто не устает от порки, кроме маленьких мальчиков. Несомненно, была еще масса всяких ужасных подробностей, но я уже скатился вниз, подальше от этого кошмара, и ничего не слышал.

Наша семья и друзья Эрнеста скоро перестали обращать внимание на его ежедневное времяпрепровождение. Это не уняло бунтарский настрой Эрнеста найти самого себя в окружении атмосферы многострадального терпения, которое некоторые семьи испытывали по отношению к трудновоспитуемым молодым людям. Наш отец перешел от восхищения военными подвигами Эрнеста и приобретенным им жизненным опытом к ворчливому беспокойству о его здоровье.

Во время учебы в колледже Эрнеста часто беспокоили боли в горле. Полагали, что это, возможно, было вызвано инфекцией, занесенной в миндалевидные железы, почти вырванные концом палки, когда он был ребенком. Боли в горле стали постоянной неприятностью. В конце концов отец показал его своему другу со времен учебы в медицинском колледже, доктору Уэсли Гамильтону Пэку, специалисту в области лечения глаз, ушей, носа и горла. Тот аккуратно удалил эти железы, но сразу после операции Эрнест получил серьезную инфекцию горла.

Многие годы, подобно дедушке Хемингуэю с его раной, полученной от артиллерийского снаряда, Эрнест мрачно иронизировал по этому поводу.

– Я чуть не умер, когда мне выдрали эти железы. Это все после того, как я выжил на этой чертовой войне, – говорил он.

За сорок лет, прошедших после операции, он страдал от болей в горле больше, чем любая оперная звезда.

Первое послевоенное лето на Уоллун-Лейк стало чудесным для меня, потому что Эрнест был рядом. Удовольствие в этой компании было полностью односторонним. Как-то ранним утром, вскоре после переезда в коттедж, пока остальные еще спали, я вышел во двор. Вдруг из-под крыльца донеслись странные звуки. Тихонечко я распластался на земле и заглянул под пристройку. Прямо на меня смотрели два больших кролика бельгийской породы с рыже-белым окрасом. Они показались мне настоящими чудовищами, когда мы обменялись испуганными и изумленными взглядами.

Не было загадки в том, как они попали туда. Они были с фермы Бэкона, где мы покупали молоко, яйца и кукурузу. Семья Бэкон выпускала своих кроликов из клеток, чтобы они жили на естественном корме во фруктовом саду.

Я отошел от того места и прогулялся до пляжа. Скоро до меня донесся приглушенный выстрел ружья Эрнеста. Я подумал, что он подстрелил их обоих, возможно даже с одного выстрела. Я точно не был уверен, но выглядело убедительно.

– Я думаю, что мой брат подстрелил двух кроликов с одного выстрела.

– Где это было? – хотел знать мистер Бэкон.

– Прямо у нашего дома, первое событие за сегодняшнее утро.

В тот день произошла ссора между Эрнестом и Бэконами. После за кроликов надлежащим образом заплатили. Ни в то время, ни после я совершенно не понял, почему меня сурово отругали. Голос Эрнеста звучал низко и был холодным от злости.

– Ты понял меня, малыш? – Он пристально смотрел на меня, и я кивнул. – Если ты когда-нибудь еще раз скажешь кому-нибудь то, что ты где-либо видел, слышал или догадался, что я что-то сделал, если ты только посмеешь, я сотру тебя в порошок, понял? – Он показал свои кулаки, и я снова кивнул.

Много лет прошло, прежде чем он полностью изменился. Одну-единственную вещь я действительно понял в то первое послевоенное лето. Эрнест был в возбужденном состоянии, и пребывание в кругу семьи не приводило его в равновесие.

Глава 3

То первое лето, проведенное в Северном Мичигане после пребывания наедине с самим собой на границе жизни и смерти, было временем его личного триумфа и унижения, временем неистового душевного напряжения, волнения. Эрнест совершал в одиночестве пешие прогулки по лесам. Наслаждался благоуханием сосновых иголок и свежескошенного сена, любовался лежащей в листьях папоротника только что пойманной им форелью и звуками коровьих колокольчиков, далеко разносящихся в спокойном вечернем воздухе. Он был подобен зверю, вернувшемуся в места, где он вырос, и убедившемуся, что все осталось таким, каким он сохранил в своей памяти.

Строгие родительские ограничения остались в прошлом, хотя мать и отец полностью не осознали этого факта. Эрнест, бывший лейтенант Красного Креста, был наделен особой индивидуальностью. Как бывший корреспондент газеты и офицер, участвовавший в военных сражениях и получивший ранения, Эрнест жил более глубокой внутренней жизнью, нежели его друзья. Он иногда пребывал в дурном настроении, словно еще не решив, как с этим бороться. Он еще раз выступил перед группой граждан в Петоски с воспоминаниями о своем военном опыте. Перед этим он оделся в итальянскую униформу, а затем разрешил себя сфотографировать. Но уже не было того безграничного энтузиазма, как в первые дни после возвращения домой. Больше всего он любил встречаться со старыми друзьями, ходить на рыбалку. Он старался держаться подальше от людей, которые лично не испытали всего того, через что ему не так давно пришлось пройти самому.

Тем летом, в перерывах между рыбной ловлей, Эрнест много писал. Он излагал на бумаге то, что казалось ему важным. Когда лето подошло к концу, он решил остаться и еще на некоторое время посвятить себя этой работе. Раньше он никогда не оставался в Мичигане осенью, когда было лучшее время для охоты, и ему не терпелось насладиться прекрасными осенними штормами, охотой на шотландских куропаток и приближением настоящей зимы на одиноком озере. Практически все из того, что он надеялся получить от уединения, у него было, когда остальная семья уехала в Оук-Парк.

Осенними месяцами в Уиндмере Эрнест много времени работал над своими записями. Но ничто из того, что он написал за те лето и осень, не имело успеха. По той или иной причине каждую рукопись возвращали. Это вдвойне ввергало его в уныние,

тем более что наши родители не одобряли выбранный им путь. К счастью, у него были симпатизирующие ему друзья в Петоски. С помощью Эдвина Пэйлторпа Эрнест повстречался с Ральфом Коннэблом, главой сети магазинов «Вулворт» в Канаде. Коннэбл планировал взять с собой молодого Пэйлторпа в Торонто, чтобы обучать своего сына, а когда возникли сложности, Эрнеста стали рассматривать как альтернативный вариант. Это заинтересовало Эрнеста, особенно если бы Коннэбл согласился представить его кому-нибудь из редакции «Торонто стар», где ему хотелось устроиться на работу.

Итак, зимой 1919 года Эрнест и Дач оба прибыли в Торонто, где мистер Коннэбл представил Эрнеста Грегори Кларку, редактору статей в журнале «Уикли стар». Кларк объяснил, в приобретении каких статей газета заинтересована, как за это платят и как нужно подготавливать материал. Это была работа свободного журналиста. В этом качестве Эрнест подготовил газетные варианты статей под своим именем и продал достаточно материала, теперь уже ощутив, что он способен зарабатывать на жизнь. За ту зиму и весну он продал пятнадцать публикаций на общую сумму сто пятьдесят долларов. Статьи публиковались в течение весны, лета и осени. Авторская независимость и зарабатывание денег за свой труд прибавили ему уверенности. Нельзя сказать, что это было замечательно. Но это было лучше, чем пытаться продать журналам то, от чего они в конечном итоге отказывались.

Однако весной 1920 года Эрнесту вновь сильно захотелось побывать в Северном Мичигане, половить форель на натуральную наживку и перехитрить ее на муляже насекомого. Ему было особенно приятно побывать в местах, где, куда ни кинь взор, ты не увидишь ни одного человека. Весна была его самым любимым временем года.

Так он снова вернулся к рекам и бурлящим потокам, лесам и дикой жизни в северной части мрачного полуострова. В это лето его совершеннолетия он открыто выступил в споре против родителей. Обычно в таких поединках все сводилось к ничьей. Обе стороны признавали взаимное непонимание. На поверхности все выглядело гладко. Но в глубине творилось далеко не то же самое, и каждая сторона это осознавала.

Наши родители строили свою жизнь и жизнь своих детей на основе морали Викторианской эпохи, в которой они выросли. Были правила, которые нельзя было нарушить, и надежды, которые обязательно должны были сбыться. Индивидуальность с ее особыми потребностями стояла на втором плане. Если порядок вещей каким-то образом нарушался, самой мудрой линией

поведения считалось изящное и благородное притворство, которое именовалось «искуплением». И делалось это в соответствии с законом, церковной моралью и мнением общества.

Мать была честным человеком, но могла темпераментно на что-то реагировать и иногда могла настолько увлечься рассмотрением одной стороны проблемы, что забывала о том, что может существовать и другая сторона. Вероятно, ситуация в Уоллун-Лейк тем летом была бы совершенно иной, если бы у отца не было необходимости возвращаться в Оук-Парк и посвящать своим пациентам большую часть времени. Однако ведущие к расколу отношения, сложившиеся за предыдущие годы, нашли свой выход.

Недооценка семьей начинающих художников и писателей всегда была обычным явлением. Эрнест был единственным из тех, кого я знал, кто, уже показав свой талант, мужество, юмор и искреннюю привязанность к своей семье, был официально изгнан из дому после своего двадцать первого дня рождения. Матери и отцу удалось это успешно провести с достойной внимания солидарностью. Они не только сделали это, но и поздравили друг друга с победой, когда все закончилось.

Когда семья прибыла на Уоллун-Лейк в первую неделю июня того лета, Эрнест находился у друзей в Хортонс-Бэй. Поскольку он был безработным, – а занятие журналистикой родители не считали работой, потому что заработок был маленьким, – они ожидали от него помощи в обустройстве быта в коттедже. Он находился недалеко, и это было самое малое, что молодой человек мог сделать, по мнению наших родителей, но он не выразил желания. Требовалось-то совсем немногое. Вместе с тем, халатность Эрнеста была не слишком серьезной. Его раздражало то, что семья не считала работой его писательское творчество.

Вначале отец довольно осторожно реагировал на жалобы матери. 11 июня он писал ей: «Дорогие мои в Уиндмере! Надеюсь, что Эрнест приедет помочь вам…» 13 июня: «Сегодня после полудня я напишу Эрнесту. Надеюсь, что он уже приехал и помогает вам…» 16 июня: «Сегодня с утренней почтой я получил письмо от Эрнеста. Он предполагает скоро приехать и встретиться с вами. Он ожидает приезда Джека Пентекоста. Говорит, что они вместе с Биллом работали очень напряженно все время с момента его приезда. Надеюсь, моя посылка с соленым миндалем уже пришла к вам. А также консервные ножи. Все шторы, возвращенные от мисс Фишер, я аккуратно сложил на твоей кровати. Все лежит ровно и накрыто покрывалом…» 17 июня: «У меня был неотложный вызов в Борден. Это здорово поможет в погашении счета за молоко в этот сезон. Я высылаю кипу изданий

«Юфс компанионс», нашим девочкам будет что почитать. Эрнест написал, что нашел мои резиновые сапоги. Он привезет их в Уоллун, как только будет возможность. Положи их под кровать, чтобы случайно не проколоть. Я буду очень удивлен, если они до сих пор не протекают…» И 19 июня: «…Я рад слышать, что прибыли те вещи из компании «Гам уорд», которые ты забыла внести в перечень. Ты так и не подтвердила тот первоначальный список, который я отослал тебе на следующий день после твоего отъезда… Мне будет приятно узнать, что Эрнест уже приехал к вам. У нас все еще стоит прекрасная прохладная погода. Буду рад, если у вас такая же».

28 июня наш отец был все еще занят своей практикой в Оук-Парк, пытаясь на расстоянии улаживать дела в Уиндмере, хотя это было нелегко. Он писал: «Мои дорогие Грэйси, Урсула и Санни! Настоящим подтверждаю получение всех ваших добрых писем, пришедших сегодня, чтобы освежить мои воспоминания о чудесном месте под названием Уоллун-Лейк. Спасибо за описание местного колорита, от кроликов до катания на байдарке и чудесного сада за лодочным сараем. У меня есть план распорядиться насчет всех кроликов. Попроси Эрнеста взять ружье и перестрелять их. Пусть он также сделает посадки рядом с ореховыми деревьями в Лонгфилде. Если он не справится, то я все сделаю сам, когда приеду. Что касается навоза, если это создает проблему, то используйте его полностью на удобрение. Что случилось с диким котом и многочисленными собаками Бэкона? У нас здесь стоит страшная жара. В субботу было 92, в воскресенье 94, а сейчас, в три часа дня, 96 градусов по Фаренгейту. Я написал доктору Пот-тоффу и надеюсь получить от него любезный ответ через несколько дней. Ни о чем не беспокойтесь, устраивайте дела по своему усмотрению. Я начинаю собирать все те многочисленные вещи, которые вам совершенно необходимы, и с удовольствием их доставлю при первой же удобной возможности. Байдарку тщательно покройте лаком. Я страстно мечтаю совершить прогулку по Уоллун. Я думаю, мне следует написать письмо Уорренам и попросить кого-нибудь из вас доставить его, так оно не пролежит целую неделю в его почтовом ящике в Бойн-Сити. Если будет необходимость устроить сенокос до того, как я приеду, то начинайте без меня. Прошлой ночью я выслал вам много газет и сегодня отправлю еще… Вчера я нарвал большой пучок редиски в саду Лестера и отнес матери для воскресного обеда. Она была замечательной. Сейчас с деревьев катальпа осыпаются лепестки цветов, и газон под ними словно покрыт снегом… Слишком жарко даже для того, чтобы приготовить спагетти. Пью крепкие напитки и ем крекеры с

имбирным печеньем. Я получил открытку от Теда Брамбека из Вандербилта. Он пишет, что вместе с Эрнестом уехали на озеро Блэк, а когда вернутся, то вместе приедут к вам на Уоллун. В воскресенье вечером звонил дядя Тайли Хэнкок. У него все замечательно, но он страшно расстроен тем, что Эрнест ему давно не пишет и он до настоящего времени не получает от него чехол для удочки… Я думаю, он был бы не против приглашения на озеро. Поступайте так, как считаете нужным…»

2 июля отец поручил доктору Поттоффу заботу о своих пациентах, а сам на две недели отправился в Уиндмер. Пока он находился там, конфликт быстро назревал. Усталый и осознающий то, что он никакими способами не получит ответы на все жизненные вопросы, отец был встревожен. Его сбил с толку отказ Эрнеста остепениться. Он боялся думать о том, к чему может привести дальнейшее независимое поведение.

Возвратясь после нелегкого отпуска в Оук-Парк, он послал матери письмо, датированное 18 июля: «Я написал Эрнесту и отослал ему чек, как мы и договаривались. Я посоветовал ему поехать вместе с Тедом в Траверс-Сити и найти хорошо оплачиваемую работу. Это, по крайней мере, сократит его расходы на проживание. Я также очень искренне надеялся, что после достижения совершеннолетия он станет более внимательным к другим людям и не будет использовать язвительные слова». 21 июля: «Сегодня Эрнесту исполняется двадцать один год, и я надеюсь, что он прекрасно проведет этот день. Письма от него еще не было, но я уверен в том, что он произвел опрыскивание согласно твоему письму от прошлого четверга, так что я выслал ему пять долларов за работу и еще пять в честь дня рождения. Надеюсь, сейчас он напишет мне хорошее письмо…» 22 июля: «…Отсутствие вестей от Уорренов причиняет мне сильное беспокойство. Если Эрнест принес ему письмо, которое я написал и вручил ему в день моего отъезда, то не о чем тревожиться… Я полагаю, Эрнест пытается нас рассердить, чтобы получить в лице Брамми свидетеля того, как мы будем радоваться, если ему придется уехать от нас. Я писал ему о том, что хочу видеть его более независимым, более почтительным к семье и занятым делом, хочу, чтобы он устроился на работу в Траверс-Сити. Послание для него я вложил в этот конверт. Ты его прочитай и передай ему. Будь мужественной, моя дорогая! Мы все заняты делом, а скоро он успокоится и будет страдать от потери своих друзей, оттого, как быстро он их всех растерял. Ему будет необходимо заняться чем-то новым… Прочитай письмо, которое я написал для Эрнеста! Если он уехал, то запечатай его, наклей марку и отправь ему!»

25 июля: «…С последней почтой прошлым вечером я получил одно твое письмо в большом конверте и другое, написанное в четверг вечером, после ужина в честь дня рождения Эрнеста. Я надеюсь, что он вместе с Биллом вернулся в Бэй, а ты прочитала и отослала ему письмо, в котором я написал ему о том, чтобы он держался подальше от Уиндмера до тех пор, пока его не пригласят назад. Ты, несомненно, устроила ему приятное времяпровождение…»

26 июля: «Моя дорогая Грэйси! Я только что получил твое письмо, написанное в субботу, двадцать четвертого числа, и мне очень жаль тебя. Я надеюсь, ты вручила письмо Эрнесту, которое я прислал для него. В нем я советовал ему уехать отсюда, начать работать. Он должен держаться подальше от Уиндмера до тех пор, пока его снова не пригласят вернуться. Это серьезное оскорбление, которое он и Тед Брамбек должны принять за то, что они так вели себя все это время. Конечно, я допускаю, что они вернулись назад в Бэй, когда приехал Билл Смит, как раз через день после чудесного ужина двадцать первого июля, о котором ты писала. С горечью в сердце я получил письмо от Уоррена. Оно доказало то, что Эрнест не передал Уорренам послание, которое я написал в день моего отъезда и попросил Эрнеста доставить его Уорренам в тот же вечер. Я только ответил на вопросы, и Уоррен поймет то, что я хотел сказать, и у нас не будет разногласий. Мне бы так хотелось, чтобы Эрнест проявил некоторую скромность и лояльность по отношению к тебе и не продолжал пьянствовать со своим дружком Тедом. Я снова напишу ему в Бэй, и если он все еще в Уиндмере, то скажи, что в Бэй для него пришла почта. Я также напишу Теду в Бэй и сообщу ему, что это уж слишком для тебя – развлекать его и дальше в Уиндмере, а потом потребую, чтобы он и Эрнест не возвращались в Уиндмер до того, как ты сама их пригласишь. …В такую жару здесь невозможно работать, но еще тяжелее узнавать о том, что ты страдаешь от таких оскорблений, послуживших причиной разрыва семейного круга.

А ведь для него и его друзей было столько всего сделано. … Я буду продолжать молиться за Эрнеста, за то, чтобы он воспитал в себе чувство большей ответственности, ибо в противном случае Господь ниспошлет ему еще большие страдания, чем у него были до сих пор».

28 июля: «Мои дорогие в Уиндмере! Сегодня от вас не было писем, но я получил от Эрнеста очень конкретное письмо с отречением. Он очень странный молодой человек, не понимающий, что его мать и отец сделали для него гораздо больше, чем любой из его близких друзей. Несомненно, он должен поплатиться за это. Я не придаю никакого значения его

заявлениям о том, что он не сделал ничего предосудительного в Уиндмере. Он говорит, что Брамми был там по твоей личной просьбе и он покрасил для тебя дом, вырыл мусорные ямы, мыл посуду и выполнял все, что требуется от «наемного рабочего». Пусть будет так. Лишь бы сейчас они были подальше и не приносили тебе боль. В своем письме он сообщил, что потерял свою записную книжку, когда рыбачил на ручье Спринг, а в ней были деньги, полученные по чеку, который я прислал ему, и сам отцовский чек. Он получил второй отцовский чек на сумму два доллара. Он не сказал мне ничего хорошего. Он не внял моим благоразумным советам, в которых я был уверен, и лучше для него и Брамми держаться подальше от Уиндмера до тех пор, пока ты сама не пригласишь его обратно. А между строк я читал, что он больше вообще не желает ничего слышать от меня. Я надеюсь, что в этом не будет необходимости. Он не ответил на вопрос об их поездке, о которой я говорил с ним. Я не допущу, чтобы его несдержанное письмо принесло мне раздражение, и выдержу паузу, прежде чем написать ему снова. Когда я перечитывал черновики, меня не покидало чувство уверенности в том, что я написал именно то, что ты хотела от меня. В своем письме он сообщил, что прошлым воскресеньем в Петоски видел всех своих друзей из семьи Коннэбл из Торонто. Сказал ли он тебе, доставил или нет то письмо Уорренам вечером после моего отъезда?»

30 июля: «С необычайным облегчением я наконец узнал о том, что Эрнест уехал. Надеюсь, он будет теперь далеко, и сейчас ты сможешь получить то, в чем так нуждаешься в это лето. Его последний поступок послужил концом отношений, так будет всегда. О, если бы он наедине с самим собой мог испытывать раскаяние. Я рад, что Урсула провела несколько дней в Марджори-Бампс. Надеюсь, она не увидит Эрнеста… Если бы те большие мальчики со здравым смыслом отнеслись к той добровольной работе по покраске, они завершили бы ее давным-давно… Ты лучше приобрети все необходимые материалы. Я вижу, что мальчики не знают, как работать с материалами. Я беспокоюсь за то, что ответил тебе Тед, когда ты высказала свой ультиматум. Последнее письмо от Эрнеста, полученное мной, не требует ответа. Это после того, как я передал ему свое послание через тебя. Оно написано в гневе и исполнено выражений, недостойных джентльмена и сына того, кто сделал для него абсолютно все. Мы сделали слишком много. Он должен заняться делом и избрать свой путь, а одинокие страдания пусть будут тем средством, которое смягчит его железное сердце эгоиста…»

С течением времени заживляются душевные раны. 27 августа наш страдающий отец писал из Оук-Парк: «…Сегодня я получил

чудесное письмо от Эрнеста, написанное вчера в Петоски. Он пишет о том, что ловил рыбу вместе с Сэмом Ники, прекрасно провел время, и рыбалка была замечательной. Несомненно, он чувствует, что поступил совершенно несправедливо в Уиндмере. Я никоим образом не обсуждал с ним случившееся. Я рад, что он остыл и снова написал своему отцу, который всегда будет любить его и будет продолжать молиться за то, чтобы он был честным, неэгоистичным, по-христиански деликатным джентльменом, а также преданным по отношению к тем, кто любит его. Он решил продолжить рыбалку до конца сезона, я полагаю, что до первого сентября. Он собирался ловить осетра. Так что я надеюсь, ты совершишь поездку в Бэй к началу недели…»

И далее:

«Это был идеальный день для сбора урожая. Я страстно желал побродить по полям, насладиться жизнью на открытом воздухе. Я получил такое прекрасное письмо от Уоррена. Скоро он планирует приехать и помочь мне вспахать… Составь список того, что мне нужно привезти для тебя. Это случится не ранее пятнадцатого числа, а может быть, чуть позже. Мне еще предстоит принять роды у трех женщин, после чего я смогу приехать. Мой старый друг Питер будет завтра весь день у меня. Он поможет почистить ковры и привести в порядок дом. Я завершил приготовление уксуса для маринада на следующий год, получилось целых двадцать четыре кварты. Он прекрасный и острый. Он доставит радость нашим знакомым. Я уверен, ты торжествуешь по поводу полного равноправия для женщин и утверждения девятнадцатой поправки. В старом добром Теннесси ловко все провернули».

Мать еще не была полностью готова к примирению со своим своенравным сыном. Однако 2 сентября отец написал: «… Я был рад получить твое письмо этим утром вместе с копией того, что ты написала Эрнесту. Это настоящий шедевр. Я буду всегда высоко ценить его, как правильную концепцию действий матери в жизни семьи. Будь мужественна, моя дорогая, я верю, ты оправишься после этих летних потрясений. Это длительный период в жизни семьи, и мы должны самоотверженно преодолеть его. По сравнению со многими твоими и моими знакомыми в море нашей жизни было относительно мало штормов, ты только остановись и посчитай свои благодеяния».

Позже от Эрнеста пришло еще одно письмо, и отец уже не был уверен в том, что правильно оценил происшедшие события. 15 сентября он писал: «Мои дорогие Грэйси и Лестер! Мне сегодня было очень приятно получить ваше письмо, отосланное в понедельник утром… У нас тоже стоит прекрасная погода…

Девочки отлично успевают в школе… Я продолжаю свои молитвы за Эрнеста и верю, что Господь смягчит его сердце и любовь снова объединит всех нас. Если ты ошибочно винила его в чем-то, обязательно попроси у него прощения, даже если он сотворил много ошибок. Потому что ложные обвинения перерастают со временем в еще большую горечь и разлучают многих дорогих друзей и родственников…»

А 19 сентября отец чувствовал большую натянутость в отношениях со своей отсутствующей женой, нежели с Эрнестом. «…Чудесное назидание. Я так хотел, чтобы ты тоже была со мной. Многие спрашивают, когда ты собираешься вернуться. Мисс Имхофф желает, чтобы ты дала свои рекомендации насчет контральто в церковный квартет. Прошлой ночью я написал Эрнесту и надеюсь, что ты пригласишь его помочь упаковать вещи. Он сильней меня и сможет сделать все, что необходимо. Проникнись к нему любовью, моя дорогая, он наш мальчик, и мы всегда должны любить и прощать друг друга… Я, безусловно, не могу понять, кто именно тебе предложил: «Некоторая очень ответственная персона присмотрит за нашими девочками и домом». Так что мне следует оставаться дома, пока ты не приедешь. Я попросил надежного человека порекомендовать «очень ответственную персону», и мне ответили, что «в природе такого зверя не существует»…»

Вот так образовался и закончился серьезный конфликт в наших семейных отношениях. Спустя годы я был удивлен, когда мне показали длинное письмо об официальном позорном изгнании Эрнеста из семейного летнего дома, написанное матерью к его дню рождения. Глядя на все эти эмоции и взаимные обвинения, можно подумать, что были совершены какие-то ужасные смертные грехи.

Однако на самом деле мать сильно отругала его за отсутствие учтивости и обвинила в том, что он не имеет высокооплачиваемой работы, перечислив все занятия, которые он сменил со времен, когда она помнила его дорогим маленьким мальчиком. Она занесла в список некоторые банальные действия, по ее мнению достойные порицания, и приказала ему покинуть Уиндмер и не возвращаться до особого приглашения. Во время церемониального обеда по случаю двадцать первого дня рождения Эрнесту было передано, словно почетному гостю, письмо с просьбой покинуть родные пенаты подобру-поздорову.

Именно этот раскол дал возможность Эрнесту в последующие годы написать так правдиво о том, что он знал об этом, включая реакцию наших родителей на эту стрессовую ситуацию. Не будь этого раскола, он не достиг бы этого. Те из его читателей,

которым всегда с трудом удавалось понять, как он мог говорить такие вещи, смогут осознать многое из того, что происходило в те летние послевоенные дни.

Я знаю, что, когда Эрнесту было пять лет, между ним и родителями существовали противоречия, но у меня также нет на это ответов. Я полагал, что они повели себя глупо, не пойдя на рыбалку и не выяснив отношений по типу «ты сказал» и «я сказал».

Для меня кульминацией лета стал день, когда Эрнест съел сырого бекаса. Все началось однажды на пляже прямо перед коттеджем.

– Я такой голодный, что съел бы даже скунса, – сказал Эрнест.

Тед Брамбек посмотрел назад в сторону деревьев:

– Ни одного скунса не видать. Зато есть бекас. Наши сестры хихикнули.

– Ну ладно, бекас так бекас, – сказал Эрнест.

– Ты не съешь бекаса, – произнес Брамбек.

– Съем без проблем. Сырым.

– Держу пари, ты не сделаешь этого!

– Сделаю!

Несколькими минутами позже стайка небольших птиц взмыла вверх над берегом. Над спокойной водой прогремел выстрел. Одна птица упала в воду. Скоро Эрнест очистил ее и начал дикое представление с хрустом, чавканьем и низкими гортанными звуками, пока от птицы не осталось несколько аппетитных косточек, а выигранное пари было торжественно занесено в будущую коллекцию. Пух и сломанные перья бекаса рассыпались на песке под высокой американской лиственницей. Это было доказательством правдивости того, что рассказали наши сестры. Мать была в ужасе. И дело не в том, что эта легкая закуска была такой «нецивилизованной». Это было понято как издевательство над ее недовольством тем, что Эрнест опустошает семейные запасы и в то же время бездельничает.

В октябре, после того как мать вместе со мной возвратилась в Оук-Парк, у отца появилась возможность снова съездить в Уиндмер. Он написал, что «видел Эрнеста, собирающего яблоки в саду у миссис Чарльз. У него все в порядке. Сейчас Билл Смит не может двигаться из-за вывиха лодыжки. Они планируют приехать на следующей неделе, если Билл поправится…».

Но хотя с длительной взаимной враждой было покончено, жизнь в родительском доме совершенно Эрнеста не устраивала. Той осенью он и Билл добрались до Ниар-Норт-Сайд в Чикаго, где у обоих были друзья. Эрнест нашел Билла Хорна, который

зарабатывал деньги торговлей машинным оборудованием. Он знал, что Эрнест хотел стать писателем. Они вместе снимали меблированную комнату в течение нескольких месяцев и регулярно питались в находившемся через квартал ресторане под названием «Китсос», которым владела пара греков с такой же фамилией. Билл Хорн вспоминал: «Там можно было выбрать хороший бифштекс, картофель фри и кофе за шестьдесят пять центов, как мы обычно и поступали». Прилавок, стулья, витрина и планировка этого маленького ресторана позже стала известна читателям во всем мире. Это заведение послужило прототипом для ресторана из произведения «Убийцы».

Затем Эрнест и Билл переехали к мистеру Смиту и его жене, владевшим большой квартирой на Дивижн-стрит. Семья Смит проводила летнее время в Хортонс-Бэй, а раньше Эрнест дружил с Кейт, младшей сестрой Смита. У Смитов было много друзей в писательском мире. С помощью Смита Эрнесту удалось встретиться с Шервудом Андерсоном.

В квартире Смита Эрнест также познакомился с Хэдли Ричардсон, на которой он женился следующим летом. Хэдли была высокой, с красивой фигурой девушкой, походившей на англичанку. Многие годы она играла на фортепьяно. Той зимой она приехала из Сент-Луиса навестить Кейт.

«В тот момент, когда она вошла в комнату, – вспоминал потом Эрнест, – у меня возникло сильное чувство. Я понял, что она та самая девушка, на которой я женюсь».

Той зимой Эрнест получил работу в редакции «Кооперейтив коммонвелт», прочно стоящей на ногах, но подозрительной. Вначале он был первым помощником редактора и выполнял много работы по подготовке статей, ориентированных на общественный интерес. У него был опыт работы в двух газетах «Стар», и подготовка материала шла легко. Это была его первая работа в Чикаго с оплатой пятьдесят долларов в неделю, что было неплохо. Это давало ему возможность писать для себя. Он писал главные статьи для «Торонто стар». Его публикации для журналов все еще не находили сбыта, но он постепенно приобретал опыт. Ему только что исполнился двадцать один год.

Самое главное, он был финансово независимым от наших критически настроенных родителей. В течение прошлой зимы он мог оплачивать жилье, вполне обеспечивать себя и даже мог откладывать небольшие суммы денег.

Удачное трудоустройство не продлилось и нескольких месяцев, он снова начал искать работу. Работа в «Коммон-велт» становилась все более неприятной по мере того, как он начал понимать, что в организации происходит что-то неладное.

Сбережения накапливались медленно, но время летело быстро, а у него были большие планы, которыми он хотел заняться. В апреле он написал отцу, тогда во Флориде лишившемуся своих сбережений в деле, которое оказалось аферой в сфере недвижимости. Он написал, что итальянские лиры, которые он скупал по 3.50, поднялись до 5. Он мог продать с выгодой. Но ему были нужны лиры, и он скупал их. Он хотел поехать в Италию в следующем году. Он надеялся, что ему предоставят отпуск, но пришлось опять заниматься однообразным механическим трудом. Он решил покончить с рутиной, отправившись на некоторое время в Италию осенью.

После возвращения в Европу Эрнест хотел найти работу, которая покрывала бы его затраты и позволяла путешествовать. Он торговался по мелочам с сотрудниками «Торонто стар». И в то лето 1921 года многие дела пошли как надо.

Летом того года Эрнест и Хэдли решили пожениться. Но им не хотелось ажиотажа и формальностей, которые бы стали неизменным сопровождением церемонии в ее родном городе. У Эрнеста были серьезные намерения отправиться в Хортонс-Бэй, а Хэдли нравилась идея провести некоторое время после венчания в Северном Мичигане.

Потребовалась довольно четкая организация для извещения всех друзей и родственников о предстоящем событии и проведения немедленных приготовлений для переезда. Плюс обычная в таких случаях суматоха с цветами и сопутствующими церемонии мелочами. Некоторые участники брачной вечеринки уже находились в Мичигане, когда стало известно о предстоящем празднике. Для большинства из них это означало отдых от работы в течение нескольких дней и путаницу с размещением на квартирах друзей в Хортонс-Бэй.

Друзья прекрасно справились с переездом, но в новоиспеченной семье царила неразбериха, достойная особого внимания. Закрытие коттеджа на зимний сезон всегда вызывало большие хлопоты. Невозмутимой, но неорганизованной матери было трудно с многочисленными детьми и измученным отцом, который демонстрировал свое старание изо всех сил, торопясь и хватаясь за все сразу, а потом долго выражал свое недовольство. Предстоящей подготовкой к знаменательному событию и немедленному переезду в Оук-Парк сразу после торжества занимались все члены семьи Хемингуэй. Все потому, что Эрнест и Хэдли собирались провести свой медовый месяц в Уиндмере.

Это была действительно прекрасная свадьба. О ней все так говорили. В конце того лета большие вязы, растущие по обеим сторонам дороги через Хортонс-Бэй, стояли все в пыли от

проезжающего транспорта. Свадебная церемония состоялась 3 сентября около четырех часов после полудня прямо за складом. Одинокий белый шпиль маленькой методистской церкви виднелся сквозь деревья через дорогу.

Семья заняла свои места впереди. В воздухе стояло волнующее благоухание цветов и духов, когда органист из епископальной церкви в Петоски начал играть свадебный марш из «Лоэнгрина». На улице ярко светило солнце. Через западные окна золотые полосы света пронзали полумрак церковной кафедры.

Хэдли была подобна ангелу, когда она во всем своем свадебном великолепии и ниспадающей белой фате приближалась к алтарю. Затем подошел Эрнест, герой войны, мой личный кумир, но его ноги двигались из стороны в сторону, впрочем, как и вперед. Казалось, что его тяжелые брюки из белой саржи тряслись от сильной дрожи. Я увидел впервые нескрываемый трепет, и это сбило меня с толку. Затем неожиданно молодожены встали с колен, и вибрирующие звуки органа заполнили церковь. Все вокруг повскакали с мест, смеясь и поздравляя друг друга, и торопились выйти на лужайку для фотографирования. Я с облегчением увидел, что Эрнест пришел в себя и его дрожь унялась.

Потом у Дилвортов ели огромный восхитительный пирог, и казалось, что, пока его разрежут, пройдет вечность. В саду было сделано множество фотографий, каждый улыбался и старался не щуриться от солнечного света. Уже в сумерках отец усадил нас в туристский автомобиль «форд», и мы отправились на юг. Когда мы добрались до Оук-Парк к вечеру следующего дня, Эрнест засел за свою пишущую машинку и подготовил заявление для прессы:

«Третьего сентября 1921 года Эрнест Миллер Хемингуэй, первый лейтенант итальянской армии во время мировой войны, сын доктора и миссис Кларенс Хемингуэй из Оук-Парк, обвенчался в Хортонс-Бэй, штат Мичиган, с мисс Хэдли Ричардсон из Сент-Луиса, штат Миссури. Молодые люди отдали предпочтение простой брачной церемонии в сельской местности и проведут свой медовый месяц в Уиндмере, на Уоллун-Лейк, в штате Мичиган. Это летний дом семьи Хемингуэй. Маленькая белая церковь в Хортонс-Бэй была украшена массой болотных лилий. После церемонии в Пайнхарст-Коттедж был накрыт стол для свадебного пиршества. Присутствовали Катрин Фостер Смит из Чикаго, Рут Брадфилд и миссис Д. Чарлз из Сент-Луиса, Роланд Ашер, сестра невесты, Джордж Брейкер из Сент-Луиса, Уильям Смит, Д. Эдгар из Сент-Джозефа, штат Миссури, Уильям

Хорн-младший из Йонкерса, штат Нью-Йорк, Хоуэлл Гриффитс Дженкинс из Чикаго и Артур Мейер. Последние трое были на службе в Италии вместе с женихом. Джордж Брейкер сделал подарок невесте, поскольку профессор Ашер отсутствовал. Среди других гостей были Ральф Коннэбл с сыном из Торонто, Эдвин Пейлторп и Луман Рамсдел из Петоски, штат Мичиган, доктор и миссис Кларенс Хемингуэй, Урсула и Кэрол Хемингуэй, Лестер Хемингуэй из Оук-Парк. Из Италии пришло много телеграмм от людей, занимающих высокое общественное положение. В этой стране лейтенант Хемингуэй получил особые почести и награды по случаю окончания войны. Молодая пара планирует провести зиму в Италии».

Эрнест и Хэдли переехали в маленькую квартиру на Ниар-Норт-Сайд в Чикаго. Наши родители питали слабую надежду на то, что его жена будет тем человеком, в котором он нуждался все это время, и поможет ему приспособиться к жизни в предместьях Чикаго. Но в конце той осени новобрачные оставили свою квартиру и переехали в Торонто. Отец помогал им со сбором багажа. Я помню, как он спустился вниз к машине, в которой находился я, и мне стало понятно, что произошло нечто неприятное. Он швырнул несколько коробок на заднее сиденье и сел за руль. Там он просидел некоторое время, недоуменно качая головой.

– Ох уж эти молодые, – пробормотал он, – ты не знаешь, в чем они готовят яйца? Я даже не буду говорить.

Машина ворвалась в поток транспорта с большей скоростью, чем обычно.

После нескольких месяцев, проведенных в Европе, в Чикаго возвратился Шервуд Андерсон. Он сыпал анекдотами и сплетнями о литературной жизни на другом континенте и вручил Эрнесту несколько рекомендательных писем. В качестве ответного жеста Эрнест и Хэдли пришли на квартиру Андерсона в один из последних вечеров перед отъездом, принеся целый рюкзак консервированных продуктов как подарок признанному писателю, снова вернувшемуся в родной город. Всем вокруг было очень приятно, и Андерсон вспоминал об этом многие годы спустя, когда они уже больше не видели друг друга.

Перед отъездом Эрнесту пришлось стать участником еще одной церемонии. Она была посвящена награде, которая долгое время шла к своему герою. В конце ноября с ним связалось итальянское консульство в Чикаго. На торжестве, где присутствовали друзья и местные ветераны военных событий в Италии, генерал Диас официально вручил ему серебряную медаль

за отвагу на войне. После его приветствовали тостами и хорошими пожеланиями. На всех, даже на нашего отца это произвело сильное впечатление.

После медового месяца в Уиндмере была значительная задолженность за молоко и другие фермерские продукты. Кроме того, у него ожидалась потребность в деньгах в ближайшем будущем. Договорились о том, что отец погасит счета за молоко в обмен на ружье. Поэтому отец решил проверить ружье Эрнеста модели «Марлин». Раздался короткий, полный отчаяния крик. Отец повернулся ко мне с выражением учителя, объясняющего урок.

– Посмотри сюда. – Он поднял ствол разобранного ружья вверх. – Я учил Эрнеста обращаться очень аккуратно с этим ружьем. Он допустил попадание чего-то постороннего в канал ствола, а затем попытался прочистить его выстрелом… Сейчас его придется полностью растачивать. Он получил медали за воинскую доблесть, но испортил такое хорошее оружие.

В конце концов были урегулированы отношения с «Торонто стар», и Эрнест вместе с Хэдли могли отправиться в Европу, как они хотели, правда, без гарантированной зарплаты. Взамен Эрнест должен был отправлять материал почтой. Ему платили за объем статей, публикуемых в газете, и покрывали затраты на подготовку публикаций. Подразумевалось, что это будет их финансовой поддержкой на протяжении первых нескольких недель. Они будут жить весьма умеренно, пока не доберутся и не обоснуются в Париже. Согласно договоренности со «Стар», газета избавила себя от всяких рисков. Но это дало Эрнесту полную свободу действий в работе над своими произведениями всякий раз, когда он не трудился над специальными статьями для «Стар», ради денег на пропитание. С итальянскими лирами и другими сбереженными средствами замысел оказался рентабельным. Жизнь в Европе была недорогой, особенно если у тебя были доллары для обмена. Эрнест и Хэдли восхищались надежностью обязательств банка и строили планы как можно скорее поехать во Францию.

Глава 4

Отправиться в послевоенную Европу с очаровательной женой, имея кипу рекомендательных писем и достаточно денег на несколько месяцев недорогой жизни, было воплощением мечты молодого автора. Эрнест уже считал себя писателем, так же как и корреспондентом газеты. Описание событий в Шарлеруа во время его медового месяца раскрывало его именно с этой стороны. Высказывания могли принадлежать только Эрнесту или его близким друзьям. Он исписал стопы бумаги. И хотя в тот момент ему удавалось продавать статьи только газетным изданиям, дела шли прекрасно. С любовью Хэдли и ее энтузиазмом он имел достаточно причин для самоуверенности.

Париж стал их первым пристанищем в первые полтора года жизни в Европе. Они путешествовали налегке, оставив большую часть своего имущества в Оук-Парк. Наш практичный отец настоял на том, чтобы отослать им посылку с продовольствием. А мать, по-своему еще более практичная, сделала им подарок в виде чека. В Нью-Йорке они встретили друзей и получили другие прощальные подарки. Затем они взошли на борт старого французского лайнера «Леополдина».

Вояж через Северную Атлантику в середине декабря был нелегок из-за сильных ветров и холода. Но это было забавно. Хэдли с ее игрой на фортепьяно пользовалась большой популярностью. Эрнест провел три боксерских раунда с Генри Кадди, боксером среднего веса из Солт-Лейк-Сити, который тоже направлялся в Париж для участия в серии боев. Рассказывали, что Хэш заботилась об Эрнесте как о настоящем чемпионе, во время поединков она обтирала его губкой и ободряла в перерывах между раундами. На одном из матчей на борту судна Эрнесту поступило предложение. Кадди, пораженный его великолепной техникой, настойчиво рекомендовал Эрнесту профессионально заняться боксом во Франции. Эта похвала доставила Эрнесту особое удовольствие.

Когда борт парохода коснулся пристани в Виго, Эрнест написал домой о своих впечатлениях о гавани, о больших косяках тунца, выпрыгивающего на шесть с лишним футов из воды, преследуя сардин. Он рассказывал, как произошла встреча с китом, недалеко от мыса Финистер, и отметил, что в гавани Виго во время войны неоднократно прятались немецкие подводные лодки. А еще Хэш говорила по-французски с тремя аргентинцами. Они были просто без ума от нее.

Они сошли на берег в Ле-Харв и приехали в Париж за три дня

до Рождества. В отеле «Джакоб» они сняли апартаменты, а Эрнест дополнительно снял маленькую комнату на четвертом этаже. Там он мог работать совершенно уединенно. Обустроившись наконец, они оба слегли от простуды и воспаления миндалин.

В первую неделю января Эрнест написал, что они с нетерпением ожидают переезда в небольшую квартиру на улице Кардинала Лемуана. Там Хэдли могла играть на фортепьяно и работать над некоторыми произведениями Скрябина. Париж взволновал ее, она полюбила его жизнь. В своих восторженных письмах нашей семье она с восхищением описывала целые обеды, за которые нужно было заплатить всего семь или восемь франков, это около шестидесяти центов, и завтраки, состоящие из отменного кофе с горячим молоком и рогаликами, которые были еще дешевле.

В то время Париж был снова настоящим раем для художников и писателей, как это всегда неожиданно случалось на протяжении нескольких веков. После каждой войны и повсеместно прогрессирующей инфляции Париж становился особенно привлекательным для личностей, желавших вести недорогой образ жизни и занимавшихся изящными искусствами или мечтавших о таком занятии.

Американцы и англичане, жившие в то время в Париже, скоро перезнакомились друг с другом, как будто они находились в Сохо или Грин-Виллидж. С помощью их друга Шервуда Андерсона, уже известного и хорошо публикуемого писателя Среднего Запада, Эрнест и Хэдли были хорошо информированы о выдающихся личностях еще до своего приезда.

Они скоро встретились и подружились с Сильвией Бич, владевшей книжным магазином «Шейкспиар энд компани». С помощью рекомендаций Андерсона они познакомились с Гертрудой Стайн, Элис Токлас, Эзрой Паундом, Льюисом Галантиром и некоторыми другими серьезными людьми, а также со многими шарлатанами и дилетантами.

Во время первых трех месяцев пребывания в Европе Эрнест совершил непродолжительную поездку в Швейцарию. Он привез оттуда достаточно материала и вскоре отправил несколько толстых конвертов с уже подготовленными статьями. В конце марта его попросили из офиса в Торонто отправиться в Геную для подготовки репортажей о европейской экономической конференции. Это обернулось работой в течение двух месяцев и способствовало дальнейшему укреплению его репутации в газете, в которой его статьи под собственным именем начали появляться ежедневно. Редакция газеты «Стар» повысила его статус до иностранного корреспондента и начала платить семьдесят пять

долларов в неделю плюс затраты на подготовку материала.

Эрнесту очень нравилась работа в газете. На конференции он повстречал Муссолини, Линкольна Стеффенса, Макса Бирбома, Макса Истмана и других. По возвращении в Париж у него опять разболелось горло, но в своих письмах он радостно сообщал, что день на Первое мая выдался спокойным, хотя оппозиционеры застрелили двух полицейских. Он рассказал о встрече с Ллойд Джорджем, Чичериным, Литвиновым и добавил, что хотел бы поехать в Россию по заданию газеты. Но эту поездку ему так и не удалось осуществить.

Он жаловался на отвратительную погоду, ведь дожди всегда действовали на Эрнеста угнетающе. Но в то же время с восхищением описывал прилегающую к Парижу местность с полями, где обитало много больших черно-белых сорок, прогуливающихся вдоль борозд, оставленных плугом, а в одном из своих походов он видел клеста. На него произвели впечатления леса, лишенные низкорослых кустов. Вместе с Хэш он прошел около сорока миль по лесам Шантильи и Компьена, видел оленей, дикого кабана, лис и зайцев. Они ели пирог из мяса дикого кабана с морковью, луком и грибами, с чудесной коричневой корочкой, и Эрнест мечтал о хорошей охоте на птиц осенью. Наблюдая восстановление городов на востоке Франции, Эрнест отзывался о новой французской архитектуре как о безобразном творении.

В то время он работал на своей портативной пишущей машинке марки «Корона», обычно стоявшей на кровати и бывшей в довольно плачевном состоянии, но, тем не менее, печатающей. Для написания воспоминаний об однообразной скучной работе в «Кооперейтив коммонвелт» в «Уэллс-бил-динг» на Уэллс-стрит, 128, в Чикаго год назад, он использовал чистую оберточную почтовую бумагу второго класса, чтобы сообщать нам вести из Европы, какими он их видел. Его парижская квартира была прекрасным местом, отстоящим на двенадцать месяцев от того времени, когда он с надеждой откладывал лиры на поездку в Европу, ненавидя свою прежнюю работу.

Несколько недель спустя Эрнест и Хэш отправились в Монтрё на ловлю форели вместе с другом Эрнеста, майором Дорман-Смитом. Они решили пройти через ущелье Сент-Бернар до Италии, прежде чем возвратиться в Париж. Он писал, что местность вокруг Монтрё поражала воображение. Они взбирались на Кап-о-Муан, коварную крутую возвышенность, что позволило им спуститься вниз по снежным склонам лишь присев и оттолкнувшись. В нижней долине цвело множество нарциссов, и он сообщил, что чуть ниже линии снегов он видел прекрасных

куниц.

Эрнест был полон энтузиазма половить на искусственную наживку в долине Роны, где вода была достаточно чистой, чтобы обмануть форель. Он прибавил в весе, который потерял за время последней болезни, но горло по-прежнему беспокоило его. Вопреки всему тому, что врачи могли сделать для него, Эрнест говорил, что оно, вероятно, будет терзать его всю оставшуюся жизнь. Однако он заметил, что Хэдли выглядит здоровой и загорелой, подобно индейской женщине.

Вот так обстояли дела, когда Эрнест наконец получил мандат от газеты «Стар», дающий ему право на поездку в Россию. Ему также выдали чек на большую сумму на всевозможные расходы, и он был готов к освоению новой территории, однако весь проект был отменен руководством без всяких объяснений.

В то лето Эрнест продолжил написание рассказов, казавшихся ему важными. Он изложил на бумаге некоторые самые сильные впечатления о Северном Мичигане. Он также перенимал опыт у Гертруды Стайн, с которой регулярно обсуждал свою работу. Он узнал о рискованных затеях некоторых людей в издательской области, набравшихся решимости основать периодические журналы с небольшим тиражом. Эрнест слушал очень внимательно. Ему казалось, что публикации в этих журналах могут быстро принести признание, правда довольно позднее.

В июле того года Эрнест и Хэдли совершили длительную поездку по Германии вместе с Биллом Бердом из «Консолидейтед пресс» и его женой. Было потрачено много времени на рыбалку и подготовку материала дла журналов. Они использовали любой удобный случай покинуть городское пекло и выбраться на природу. Из Триберга Эрнест написал семье о том, как они прекрасно проводят время, о Хэш, поймавшей три большие форели первый раз в своей жизни, о себе с Биллом, ежедневно вытаскивавших по нескольку рыб.

Его особенно шокировала экономика при страшных темпах инфляции. Он отметил, что из-за продолжения падения немецкой марки у них сейчас фактически больше денег, чем было несколько недель назад, и если они пробудут там еще некоторое время, то, скорее всего, смогут жить, не причиняя ущерба своим сбережениям. С этим письмом он прислал для отца несколько немецких купюр. По его словам, на шестьдесят две марки, присланные им, можно приобрести шесть кружек пива, десять газет, пять фунтов яблок или сходить в театр. На него произвела впечатление высокая художественность исполнения банкнот. Еще он добавил, что хотел отослать еще несколько купюр, но

потратил их.

В том месте, где они находились, было больше холмов и лесов. Во Франкфурте они взяли лодку и прошли вниз по Рейну до Кельна. Там его британский друг примкнул к своему полку. После Эрнест и Билл планировали вернуться в бизнес и продолжать зарабатывать написанием статей.

В то лето я написал Эрнесту первое в моей жизни письмо в Европу. Как и большинство писем поклонников, это было просящее о чем-то письмо и предлагающее взамен лишь благодарность и признательность. Я был очарован немецкими деньгами, присланными Эрнестом домой. Я написал, что отец согласился оплатить почтовые расходы, если я нацарапаю несколько строк моему старшему брату в Германию или Францию. Я спросил, не будет ли он так любезен прислать мне несколько неиспользованных почтовых марок. Я только что начал собирать коллекцию, а он был единственным, кого я знал в той части света, кто мог прислать непогашенные марки.

Эрнест ответил очень добрым письмом вместе с пакетом изумительных марок из Италии, Франции, Бельгии и Люксембурга. Это продвинуло меня далеко вперед в моем коллекционировании, дало дополнительные знания по географии, и я стал еще больше восхищаться своим старшим братом.

Позже мы говорили о немецких деньгах, которые, по выражению отца, «катились ко всем чертям». Я снова написал Эрнесту, попросив его при возможности выслать еще этих диких немецких купюр. Он прислал мне целый альбом великолепных образцов валюты, слишком медленно выходящей из-под печатных станков, чтобы не вызывать инфляцию. Я поблагодарил его за это, когда в следующем году он приехал домой из Торонто как раз к Рождеству.

– Эта коллекция денег довольно внушительная, не так ли?

С благодарностью в голосе я произнес, что это настоящее чудо.

– Придержи ее, – сказал он, – она стоит всего ничего сейчас, но кто знает, что будет потом.

Той осенью чрезвычайная занятость разлучила Эрнеста и Хэдли на несколько недель. Редакция газеты «Стар» направила его в Константинополь, где в районе Трейс ожидалась атака турецких формирований против греческой армии. Ситуация могла дать начало новой крупномасштабной войне, и это назначение было идеальным для молодого писателя, желавшего знать больше о насилии и жестокости.

Перед отъездом Эрнесту удалось добиться по знакомству того, чтобы взять интервью у Клемансо, премьер-министра Франции во время войны, лично убившего много людей на дуэли. И хотя его материал изобиловал ценными заявлениями и цитатами, редакция «Стар» не использовала его. Эрнест так негодовал, что отказался на будущее заниматься подготовкой интервью, тем более что из-за этого придется быть вдали от Хэдли.

До своего отъезда в Турцию Эрнест связался с Фрэнком Мейсоном, возглавлявшим бюро INS в Париже. Он попросил разрешения подготавливать дополнительный материал для INS под псевдонимом Джон Хэдли. Мейсон согласился компенсировать все затраты. Это дало возможность Эрнесту зарабатывать вдвое больше на одном и том же материале.

У него была полная свобода в выборе мест сбора информации для подготовки статей. Разговоры о прекращении военных действий в Турции не представляли большого интереса для освещения. Но сами сражения были темой дня. Там были другие корреспонденты и военные наблюдатели, державшие руку на пульсе событий, но они не могли толком изложить свои знания для публикации.

Эрнест быстро завел знакомства с людьми, наиболее осведомленными о происходящем, которые могли свободно говорить, поскольку их высказывания приводились не дословно. Он не придавал значения бесконечным спорам о политике в высших эшелонах власти, допуская, что обе стороны умело прибегают к дипломатическим уловкам, чтобы не допустить потери контроля над нефтью Ближнего Востока. Он подготовил к публикации прекрасный материал о местном населении, их условиях жизни и о том, что происходит с ними во время этой битвы за нефть.

Следуя за армиями в западном направлении через Трейс, Эрнест узнал, какое жуткое несчастье несет в этом веке война людям, занимающимся сельским хозяйством. Продвигаясь по территориям, оккупированным войсками, он в конце концов достиг мест, где страдало мирное население. То, что предстало его глазам, и ужас, проникший в его сердце, позволили в дальнейшем так ярко описать события, что многие читатели были в шоке. Но его наблюдения еще раз доказали ему, что самое главное в жизни – это писать правдиво. Он был убежден, что лучший способ сделать что-то для изменения условий жизни людей – это показать все эти вещи так отчетливо, как он только способен, чтобы люди везде воспылали страстью действовать. Это было началом формирования его жизненного кредо. Годы спустя

он развил его до классического принципа моральной ответственности.

Если его травмировали какие-то международные события или личные обстоятельства, он обычно оценивал свое отношение к этому следующей фразой:

– Если ты чертовски хорош во всех отношениях, все вокруг – это твой собственный чертов недостаток.

Это утверждение всегда провозглашалось четко и с абсолютным внешним спокойствием.

Когда в октябре Эрнест вернулся в Париж, он и Хэдли стали наверстывать упущенное за период его отъезда время. Это был прекрасный сезон. Хэдли с нескрываемой радостью писала нашим родителям: «Я не знаю никого, кто был бы так рад возвращению другого!»

С большой гордостью она сообщила, что, по ее мнению, он завершил великолепную писательскую работу по месту его предписания, и спросила, видели ли его родители большое предисловие к первой из серии его статей.

За свою славу Эрнесту пришлось заплатить большими неудобствами. У него опять разболелось горло, и вдобавок он слег от лихорадки на столь длительный период, что хинин стал частью его диеты. А следы от укусов покрывали все его тело, и к тому же ему пришлось остричь свои волосы очень коротко, чтобы извести всю поселившуюся там живность. Кроме всего, ему предстояло сделать кучу работы при очень скромных финансах, в условиях, когда не было ни дружеского участия, ни слова поддержки. В дополнение ко всему ее письма постоянно не доходили из-за почтовой неразберихи, и им обоим было очень плохо. Но теперь все позади, и они снова были вместе. Хэдли сделала немыслимое для приведения в порядок квартиры, а Эрнест был просто без ума от этого. Он привез прекрасные бусы из бисера, янтаря, а еще из черного коралла с серебром, принадлежавшие одному из бывших приближенных русского царя, а сейчас портье в Константинополе.

Но Эрнест скоро получил новое назначение. Новая работа заключалась в добывании новостей по очень трудной теме – мирной конференции в Лозанне. Как человек, реально понимающий обсуждаемые проблемы Греции и Турции, Эрнест обладал исключительным пониманием ситуации для подготовки материала.

С помощью Хенка Уэлза из газеты «Чикаго трибьюн» Эрнест, находясь на конференции, поработал в качестве репортера и для «Универсал ньюс». Это было неоценимо, поскольку Швейцария была дорогой для жизни страной. Газета «Стар» оплачивала все

счета по затратам, одобренным ею, но всегда после их утверждения и с большой задержкой. На конференции иностранную прессу читали все делегации, как индикатор общественного мнения. Никто не доверял репортерам, бравшим неофициальные интервью. Результаты разочаровывали. Хотя все понимали, что происходит, никто не мог заявить об этом гласно и подтвердить документальными доказательствами.

Билл Райал из «Манчестер гардиан» многое поведал Эрнесту о политических маневрах. Райал был в прошлом пехотным офицером и хорошо знал, как работает министерство иностранных дел Великобритании. Он знал толк в человеческих мотивах, включая холодную, расчетливую борьбу за власть, скрывавшуюся за льстивыми жестами. Позже, используя псевдоним Уильям Болито, Райал показал миру глубину своего понимания в книге «Двенадцать против богов». Он уяснил для себя и побуждал других идти таким путем. Эрнест дискутировал с ним, пил вместе с ним и стал его большим почитателем.

Как раз перед Рождеством Хэдли собрала газеты Эрнеста, его короткие рассказы и часть романа, над которым он работал уже длительное время. Упаковав рукописи в один чемодан, она взяла небольшую сумку с личными вещами и, покинув квартиру, отправилась вместе с мужем на праздники в Швейцарию. Она прибыла туда, но без багажа. Чемодан с рукописями, по всей видимости, был украден на железнодорожном вокзале в Париже.

Эрнест прилагал все усилия для поиска пропажи. Но все было тщетно. Вероятно, вор не умел читать по-английски и, несомненно, был расстроен тем, что добычу тяжело будет продать. Скорее всего, он уничтожил содержимое, как никчемный улов. В конце концов Эрнесту пришлось смириться с потерей. Позже он говорил об этом как о самом досадном событии за всю его жизнь.

После отпуска Эрнест написал несколько характерных очерков о различных участниках конференции в Лозанне. Он запечатлел турок, русских и их тайную полицию, итальянцев с их фашистскими устремлениями, и особенно Муссолини. Затем они вместе с Хэдли отправились в Рапалло поговорить с Эзрой Паундом.

Эзра познакомил Эрнеста с Робертом Макалмоном, еще одним американцем. Макалмон был владельцем небольшого газетного издательства и только что опубликовал первые части его «Кантос». После непродолжительного общения с Эрнестом Макалмон заинтересовался его работой. Это был невероятно печальный момент, когда Эрнест вынужден был объяснить то, что практически все его труды были потеряны. Остались только

несколько поэм и разрозненные обрывки других произведений. Но его беседа с Макалмоном была содержательной. Они произвели друг на друга приятное впечатление и пришли к мнению о том, что их сотрудничество принесет взаимную пользу. Все так и получилось в тот год.

Несмотря на все препятствия, в Кортина-д'Ампеццо, что в Итальянских Альпах, можно было прекрасно покататься на лыжах. Перед возвращением в Париж Эрнест и Хэдли насладились несколькими неделями счастливой жизни. По возвращении туда Эрнест узнал о том, что бабушка Хемингуэй умерла. Искренне сожалея, он написал дедушке, что для него невозможно поверить в это, что она была не тем человеком, который мог покинуть их навсегда. Когда он закончил письмо, то вышел на улицу и в одиночестве напился.

В марте редакция «Стар» поручила ему подготовить серию рассказов о Руре и французской оккупации. Эрнест написал семье и подробно поведал о своих планах, намерениях и дальнейшей деятельности. По его словам, новая серия рассказов была запланирована в виде двенадцати статей для ежедневного издания «Стар» и должна была появиться в середине апреля. Он писал отцу, что рад получать от него письма, и извинился за то, что не может писать чаще. Он рассказал о тридцати восьми часах, проведенных в поезде, и о том, как это было изнурительно. В тот год он проехал на поезде около десяти тысяч миль, побывав в в Константинополе, три раза в Италии, шесть раз совершая поездки от Швейцарии до Парижа и обратно. Он был сыт по горло этими путешествиями.

После цикла статей о Руре Эрнест погрузился в работу над своими собственными сочинениями, восстанавливая по фрагментам часть работы, потерянной в том злополучном чемодане. Подготовка к публикации Макалмоном его первой книги «Три рассказа и десять поэм» шла полным ходом. А Билл Берд заставил его собрать вместе зарисовки и рассказы для будущей книги под названием «В наше время». Тем летом Эрнест не только корректировал для печати свои публикации, но и работал над новым материалом.

В июне он поблагодарил в письме отца за журналы по охоте, которые тот высылал регулярно. Эрнест сказал, что они вместе с Хэдли читали их лежа в кровати, и у него вновь пробудилось желание поехать половить рыбу на Стуржн, Блэк или какую-нибудь другую северную реку.

Он написал о том, что они вместе с Эзрой Паундом видели знаменитого негра Баттлинга Сики. Эрнест верил в то, что он станет чемпионом мира по боксу. Он говорил о том, что надеется

увидеть больше боев, если только закончится дождь, который превращал Париж в «совершенно противный город».

В его письме отцу были строки о том, как он жил с группой тореадоров, когда находился в Испании, и этот опыт пригодится ему в написании хороших рассказов. Он собирался выступить в роли пикадора, но правила того времени запрещали это. Тем не менее, писал он, если бы им с отцом случилось оказаться наедине с быком, он показал бы, на что способен.

Эрнесту было очень приятно узнать о том, что семье понравились его франко-германские статьи. После того как он опубликовал девять статей, редакция «Стар» телеграфировала ему с просьбой о продолжении. Так что всего он написал одиннадцать и был убежден в том, что они были подготовлены отлично и правдиво доносили события до читателей.

В конце июля 1923 года Макалмон в Дижоне на востоке Франции отпечатал первые экземпляры книги «Три рассказа и десять поэм». Она вышла маленьким тиражом, всего триста экземпляров. Но это уже была книга, и ее выставили на продажу. Сейчас, почти сорок лет спустя, каждый сохранившийся экземпляр этого издания оценивается в несколько сотен долларов, а то и дороже. Библиотека конгресса хранит эти экземпляры в коллекции редких книг.

Когда книга вышла, Хэдли была уже на шестом месяце беременности. Чтобы обеспечить квалифицированное медицинское обслуживание, а также американское или канадское гражданство для будущего ребенка, они решили, что будет разумнее всего отправиться в Торонто в конце августа. Там Эрнест надеялся договориться с руководством «Стар» о постоянной работе в газете.

К середине сентября Эрнест и Хэдли комфортно устроились в отеле «Селби» в Торонто. Оттуда Хэдли написала нашим родителям, что она и Эрнест решили сообщить нашим семьям приятные новости после благополучного переезда, чтобы они не беспокоились. Это казалось им лучшим способом предотвратить чувство тревоги, ведь в случае чего никто не смог бы им помочь.

В Торонто их радостно встретили старые друзья Эрнеста, они были готовы сделать буквально все для них. Они нашли квартиру в тридцати минутах езды на автомобиле от офиса «Стар», хотя и на краю города. Хэдли занялась меблировкой, подготовила белье и одежду для ребенка.

Новая квартира располагалась в Седава-Мэншенс, на Батхурст-стрит, 1599. На этот адрес отец отослал хранившиеся у него подарки, полученные в день венчания. На коробках было аккуратно помечено: «домашняя утварь поселенца», чтобы

избежать таможенных пошлин.

Отец написал ответное письмо в большом волнении: «Я только что возвратился после недельного отдыха на севере и обнаружил ожидающие меня радостные вести. Я был в таком восторге и трепете! Я поздравляю вас обоих как родителей и хочу заверить, что сделаю все возможное для вас, если потребуется какая-либо помощь. Мне было так приятно получить письмо, написанное на борту судна, и я с волнением ждал адреса, чтобы написать вам до моего отъезда на север. Мне было особенно приятно получить весточку от Эрнеста. Получил ли ты вовремя большое письмо к твоему дню рождения? Мой мальчик, все это время я думал о тебе. Не забывай, что твой старый отец и мать любят тебя. Она будет очень рада услышать о тебе…»

10 октября 1923 года Хэдли родила прекрасного здорового сына. Они назвали его Джон Хэдли Никанор Хемингуэй. В это время Эрнест возвращался домой из Монреаля, где освещал визит Ллойд Джорджа. Пока обе семьи ликовали по поводу рождения Джона Хэдли и того, что Эрнест устроился на «хорошую работу» по эту сторону океана, Эрнест чувствовал себя несчастным.

Заместитель главного редактора газеты был наделен способностью сломать дух любому таланту в газетном бизнесе. Таким талантом он посчитал Эрнеста. Друзья Эрнеста Кранстон и Кларк давно перевелись в еженедельное издание «Уикли стар», где было меньше неприятностей, чем в редакции ежедневных новостей. Эрнест собирался поступить так же, и, если это не получится, он был готов покинуть эту «карусель», пока она сама не скинула его на землю.

7 ноября он написал семье благодарное письмо за чек, который, по его словам, был очень кстати в это очень трудное время. Он был в окрестностях Кобалта и Садбари около Гудзонова залива, где взял интервью у Каунта Апония, сэра Уильяма Листера, доктора Бантинга, а также Ллойд Джорджа. Еще он написал две интересные статьи про бой быков для еженедельника.

Рождение ребенка не очень изменило его. Он еще несколько месяцев назад высказал Гертруде Стайн мысль о том, что он еще слишком молод для отцовства. Нашим родителям он написал о том, что ребенок с его пронзительными воплями не что иное, как помеха, и ему кажется, что эти крики он будет слышать еще несколько лет.

Отец передал Эрнесту поздравления некоторых его учителей по колледжу. Что касается мистера Платта, Эрнест просил передать ему самые лучшие пожелания. Но в отношении Макданиела он сказал, что не видит причин выражать добрые

чувства, поскольку этот тип не имеет больше власти над ним и не может причинить ему боль.

Погода вновь стояла отвратительная и подавляла своей унылостью. Он вспоминал, как прошлым летом он выезжал на Марн пострелять ворон, а потом подбил щуку из своего автоматического пистолета 22-го калибра. На открытом месте неподалеку от Трейс он за один день подстрелил более двадцати куропаток из своей двустволки 12-го калибра. Он говорил, что мечтает опять побывать в Испании. В Галисии были самые лучшие в Европе места для ловли форели. А Испания была лучшей страной, хотя он считал, что практически любое место интересно, если ты там еще не побывал. Возвращение в Канаду было ошибкой, и он жаждал исправить этот промах как можно скорей.

Как раз перед Рождеством Эрнест сообщил домой о том, что считает нецелесообразным для Хэдли перевозить ребенка в Оук-Парк. Они пришли к выводу, что ничто не должно помешать ее ухаживанию за сыном, потому что 19 января они отправляются в Европу, а переходить на кормление соской на время их путешествия было бы рискованно.

Эрнест один приехал в Оук-Парк всего лишь на два быстро пролетевших дня. Он торопился назад в Торонто, чтобы успеть вместе с Хэдли встретить Рождество. После скандала в офисе он разорвал все отношения с «Торонто стар» и вместе с Хэдли и маленьким Джоном сел на судно, отправляющееся из Монреаля во Францию. Хэдли была согласна с Эрнестом в том, что наиболее логичным действием для них стало бы возвращение туда, где жизнь дешевле, а друзья более открыты. Тем более, что его вторая книга «В наше время» (парижское издание 1924 года, небольшим тиражом в 170 экземпляров) была готова к публикации в ближайшие недели. Именно теперь Эрнест стал полностью рассчитывать на себя самого и свою способность выжить за счет писательского творчества. Он чувствовал, что, если он завершит все свои творческие задумки, результаты оправдают те времена, когда приходилось потуже затягивать пояс.

Без задержек они приехали в Париж и сняли недорогую квартиру на улицу Нотр-Дам-де-Шам, 113. По словам Хэдли, там «работал плотник, все было усыпано опилками, и Эрнест бросил ключи от своей пишущей машинки прямо на пол». Ему срочно нужно было проделать много работы, ведь сбережения после тех четырех беспокойных месяцев в Торонто могли подойти к концу до того, как он получит новые гонорары за свое творчество.

К апрелю им удалось навести порядок в делах. Хэдли написала матери и поблагодарила ее за несколько семейных фотографий. Описывая семейную жизнь, она сказала, что ребенок

весь день спал в своей кроватке рядом с большим французским окном полностью одетым, как для прогулки. Он проснулся к моменту кормления розовощекий и смеющийся. На празднование шести месяцев со дня его рождения пришли Гертруда Стайн и Элис Токлас. Они подарили ребенку резиновые игрушки и прекрасную серебряную чашку для апельсинового сока. Затем взрослые удалились в гостиную, где перед обедом ели устриц и за белым вином произносили тосты.

Хэдли начала сожалеть о месте расположения их новой квартиры. Тут пересекались пути многочисленных друзей, а также происходили другие, приносящие беспокойства, встречи. Было слишком шумно для спокойной работы Эрнеста. Он писал по утрам, когда она готовила для ребенка, кормила его и купала. В полдень Эрнест проявлял заботу о Бамби, как они называли Джона Хэдли.

Эрнест и Хэдли ходили в теннисный клуб, а Эрнест еще два раза в неделю боксировал с Джорджем О'Нейлом в их квартире. Чтобы убедить мать и отца в том, что с ребенком все будет в порядке, Хэдли напомнила им о том, что Гертруда Стайн имеет диплом колледжа Джона Хопкинса по специальности акушера и каждые несколько дней она навещает их.

Она говорила о том, что Эрнест создал себе хорошую репутацию среди людей литературного мира. А Форд Мадокс Форд, редактор «Трансатлантик ревью», который учил Джозефа Конрада писать по-английски, сказал ему, когда Эрнест жаловался на то, что пройдут долгие годы, прежде чем имя человека прославится:

– Чушь! Ты станешь известным совсем скоро.

В то лето Форд Мадокс Форд провел очень успешное турне с лекциями по Соединенным Штатам. Проезжая по Среднему Западу, он позвонил нам домой. Он хотел поговорить с матерью о ее замечательном сыне и, естественно, был приглашен на чай прямо на следующий день.

Мистер Форд был не только большим человеком в литературном мире, но и физически представлял собой очень крупного человека. Он как башня возвышался над матерью, которая сама по себе была высокой женщиной, и казалось, что он весит не менее трех сотен фунтов.

– А это другой мой сын, Лестер, – сказала мать.

Мы обменялись торжественными рукопожатиями, а потом меня послали принести чай в гостиную. Это была приятная прохладная комната с темными дубовыми панелями на стенах. К чаю было подано много пирожных. Они говорили об Англии, которую мать так любила, о Франции, где она была

непродолжительное время, и об Эрнесте. Пирожные были съедены, а чай выпит. Я снова поставил чайник, а в течение следующего часа его опять пришлось наполнять.

Выпив больше двенадцати чашек чая, мать рассказала мистеру Форду практически обо всей жизни Эрнеста в молодые годы. Она извлекла на свет экземпляры «Табулы», в издании которых он принимал участие во время учебы в колледже, показала его школьные книги и рассказала анекдоты, о которых даже я прежде не слышал. Когда наш обладающий утонченными манерами гость покинул нас, он остался в памяти как один из самых приятных собеседников, когда-либо посещавших наш дом.

В то лето Эрнест уехал в Испанию. С ним вместе были Макдоналд Огден Стюарт, Джон Дос Пассос и Боб Макалмон. Они все изрядно приняли спиртного и позабавились во время фиесты в Памплоне. Один инцидент, происшедший во время боя быков, попал на страницы газет в Штатах. «Чикаго трибьюн» по этому поводу писала следующее:

«Мадрид, 28 июля 1924 года. Два американских писателя, Макдоналд Огден Стюарт и Эрнест Хемингуэй, получили ранения от рогов быка во время проведения боя в Памплоне, куда они прибыли для участия в фиесте. У мистера Стюарта сломано два ребра, а мистер Хемингуэй получил ушибы. Жизни обоих вне опасности.

Мистер Стюарт, мистер Хемингуэй, Джон Дос Пассос и Роберт Макалмон являются американскими писателями, работающими в Париже. Они приехали в испанский город Памплона по случаю традиционного праздника. Там по традиции баррикадируют боковые улицы и в день представления гонят по центральным быков от станции до арены. При этом большая часть толпы людей мчится перед ними. Затем другой бык с замотанными рогами выгоняется на арену, где тореадоры играют с ним в догонялки.

По традиции в Памплоне ты не можешь стать настоящим мужчиной, если тебя не боднул бык. Для мистера Стюарта и мистера Хемингуэя первый день прошел успешно, но на второй день мистер Стюарт получил травму. Это произошло, когда он заявил о том, что может вскочить на спину быка, выдохнуть сигаретный дым ему в глаза, а затем повалить его. Главный тореадор представил мистера Стюарта в красном плаще, который он должен был надеть согласно правилам. Но во время рукопожатия бык рванулся к мистеру Стюарту, поднял его своими рогами, перевернул его, а затем подбросил в воздух и попытался вонзить в него рога. Мистер Хемингуэй поспешил на помощь

мистеру Стюарту и тоже пострадал от разъяренного быка. Но бандаж на рогах животного спас его от смерти».

Другие чикагские газеты, а также «Торонто стар» вскоре вышли со своими статьями, и история приобрела новые подробности. Отцу нравилось опьяняющее чувство «целый день находиться в осаде друзей» Эрнеста. Отдавая сотруднику «Трибьюн» Полу Аугсбургу фотографию Эрнеста, сделанную в Милане в декабре 1918 года, он заметил:

– Эта фотография сделает честь любой газете. Если каким-то образом придут еще известия по телеграфу, то дайте мне знать об этом и в ваших руках будет настоящая сенсация.

Ни у одной восходящей звезды Голливуда не было лучшей семейной поддержки в этот момент его карьеры.

В тот год, кроме работы над своим собственным материалом, Эрнест периодически уделял время для «Трансатлантик ревью» Форда Мадокса Форда. Он работал неоплачиваемым заместителем редактора, читая и корректируя рукописи и, в свою очередь, был полезен в этом качестве помогавшим ему людям, таким, как Гертруда Стайн. Эрнест, Билл Берд и Айван Бид выполняли много курьерской работы в штаб-квартире издательства. Эрнест помог убедить остальных в том, что произведение Гертруды «Становление американцев» было бы замечательно выпустить в виде сериала. Эрнест лично переписал первые пятьдесят страниц единственной копии ее рукописи. И теперь, после редактирования и корректуры, это произведение могло предстать перед проницательной публикой после стольких лет, проведенных на полке в квартире Гертруды. Журнал также служил испытательным полигоном для различных рассказов Эрнеста.

Для Эрнеста все складывалось удачно, как в семейной жизни, так и в писательском творчестве. Бамби начал говорить, а Эрнест стал понимать, что ребенок может приносить больше радости, чем раздражения. Когда установилась хорошая погода для лыж, они вместе с женой и сыном отправились в местечко Шрунс в горах Форарльберга. Несколько месяцев они были во власти снегов, работали и наслаждались спортом, прежде чем в середине марта вернулись в Париж.

Эрнест написал семье о том, как они жили в горах на высоте более двух тысяч метров, а вокруг было изобилие куропаток и лис. Олени и серны обитали ниже и так высоко не забирались.

Он сообщил, что Бамби весит уже двадцать девять фунтов, он играет в песочнице с совком и ведерком и всегда весел. Его писательские дела идут прекрасно. Вышла его книга «В наше время», ее хорошо раскупают и, кроме того, его рассказы

переводят на русский и немецкий. Он и Хэш стали черными от солнца, как негры из Сенегала, и он вложил в конверт их фотографию, в которой они в лыжной экипировке стоят на фоне хижины, где остановились.

Хэдли от себя добавила некоторые подробности, поблагодарив мать за рождественскую посылку. Та пролежала более двух месяцев на таможне, но, несмотря на это, пирог из фруктов дошел невредимым – кулинарный триумф нашей матери, а также мясной рулет. Она написала, что у Бамби прекрасная няня, которая заботится о нем, пока они с Эрнестом проводят дни в прогулках, останавливаясь на ночлег в горных хижинах, чтобы быть ближе к настоящему снегу. Пик радости во время их поездки они пережили в Мадлин-Хаус, одной из больших хижин Альпийского клуба. Там один из друзей принес телеграмму от Дона Стюарта и Гарольда Лоеба (бывшего сотрудника журнала «Брум»). В ней говорилось о том, что Бони и Ливерайт приобрели книгу коротких рассказов Эрнеста «В наше время». Хэдли упомянула, что рассказ Эрнеста, посвященный рыбалке, появился в первом номере американо-английского журнала «Тис квотер», а история тореадора Мануэля выйдет в «Дер кершнитт» в мартовском или апрельском номере.

Она добавила, что они все втроем ужасно счастливы, а ребенок просто прелесть и может говорить на трех языках. Эрнест снова начал переписку с Биллом Смитом, и они надеются на его и Дженкса (Хоуэлла Дженкинса) приезд в Европу этим летом.

Хэдли вела кропотливую работу по поддержанию отношений с нашими родителями, и отец написал ей и попросил ознакомить его с другими произведениями Эрнеста. Ответ Эрнеста от 20 марта 1925 года представлял собой логически четкую формулировку его литературных планов. Он очень хотел получить отцовское понимание и одобрение, но при этом был уже достаточно зрелым и держал свои эмоции под контролем.

По его словам, ему было приятно узнать о том, что отцу понравился рассказ «Доктор и его жена» и что он использовал настоящие имена Дика Бултона и Билли Табшоу, поскольку он сомневался насчет того, что им в руки может попасть копия «Трансатлантик ревью». Он сообщил о том, что написал серию рассказов о штате Мичиган. В них описание природы правдиво, но сами события являются плодом его фантазии.

Эрнест также пообещал достать для отца экземпляр журнала «Тис квотер» с опубликованным рассказом. По его словам, та река напоминала Фокс в районе Сеней.

А потом Эрнест выразился со всей своей прямотой. Он сказал, что не присылает домой большее количество своих трудов по

причине того, что мать и отец, сделав скоропалительные выводы о его работе со своей пуританской точки зрения, вернули ему обратно произведение «В наше время». Ему показалось, что они больше ничего не хотят видеть.

Он говорил о том, что пытался во всех своих рассказах привить людям ощущение жизни, как таковой, не прибегая к ее критике. Он надеялся на то, что любой, кто прочитает его труды, фактически обретет жизненный опыт. Он верил, что это невозможно, пока в произведении не передана суть плохого и уродливого, равно как и прекрасного. Если все раскрасить в розовые тона, то читатель не поверит этому, ведь все будет выглядеть совершенно нереально. Только показывая обе стороны медали в трех, а если получится, то и в четырех измерениях, можно достигнуть желаемого впечатления. Когда отцу не понравилось одно из его произведений, Эрнест попросил его вспомнить о том, что он был искренен и в своей работе шел к определенной цели. И хотя некоторые его работы выглядели безобразно с их точки зрения, наши родители должны были понимать, что следующее его произведение им может очень понравиться.

Он поблагодарил отца за присланные им охотничьи журналы и обозрения и добавил, что, хотя он постоянно дает их другим, помешанным на этом деле друзьям, он всегда забирает их обратно для своей домашней библиотеки. Он писал, что надеется выбраться на хорошую рыбалку в Испанию, хотя пока это неосуществимо. Он рассчитывал сделать это после получения аванса гонорара в размере двухсот долларов от Бони и Ливерайта. Он надеялся, что книга будет пользоваться спросом. Другие его книги уже были распроданы. Кто-то украл у него экземпляр его книги «В наше время», и когда он пришел в издательство, то обнаружил, что весь тираж уже был распродан. Он похвалил мать за ее живопись и попросил прислать еще репродукции. В конце письма он написал о том, что по-прежнему их всех любит.

Те весенние и летние дни 1925 года были периодом активной работы. Эрнест был полностью погружен в свое творчество, и, как всегда, больше всего не хватало времени и денег, без которых нельзя было осуществить задуманное.

Однажды вечером, когда финансы были уже на исходе, Эрнеста вдруг осенило. Сказав Хэдли, что он скоро вернется, и попросив не ужинать до его прихода, он накинул свой плащ и отправился к ближайшему игорному дому, где все происходило достаточно честно, по сравнению с другими заведениями подобного рода.

«У меня было какое-то предчувствие. Я даже не знаю, как объяснить его», – рассказал он мне позже.

Поставив несколько франков на игру, он скоро вернул их обратно и играл до тех пор, пока не набралась сумма, равная примерно пятидесяти долларам. Он забрал деньги и вернулся назад ужинать в очень приподнятом настроении. У них теперь было достаточно средств, чтобы прожить еще месяц и сделать еще больше работы. Все решилось менее чем за полчаса, главное, что предчувствие не обмануло.

За деньги, выплачиваемые «Торонто стар», Эрнест трудился довольно напряженно. Своим независимым творчеством он зарабатывал гораздо меньше и был вынужден постигнуть искусство экономить на каждом су так, чтобы работа не прерывалась. Годами позже понимание того, как трудно живется при острой нехватке средств, превратило его в человека, легко дающего деньги в долг. У него потому была такая непринужденная щедрость в отношении подарков своим друзьям, что иногда ему приходилось вспоминать то старое чувство, которое сопровождало его нищенское существование.

Первая книга Эрнеста, опубликованная во Франции, принесла лишь несколько сотен долларов. Но в ту весну преуспевающий молодой американский писатель Скотт Фицджеральд приехал в Париж. Он уже знал об Эрнесте, читал некоторые из его книг и хотел переговорить с ним. Они разговаривали о том, как каждый из них понимает окружающий мир, попутно проверяя стойкость друг друга в отношении крепких напитков. Скотт прибыл как неофициальный представитель своего издателя Скрибнера, хотя Эрнест уже подписал контракт с Бони и Ливерайтом, в котором была предусмотрена его дальнейшая работа.

Летом 1925 года Эрнест полностью отдал себя работе над книгой «И восходит солнце», он был взволнован тем, как произведение постепенно принимало конкретные очертания. Это был его первый серьезный роман. Позже он сообщил о том, что работа над черновым вариантом заняла у него шесть недель, но на рождение окончательного после правки варианта потребовалось еще пять месяцев. Название было взято из Экклезиаста, а эпиграфом послужило любимое выражение Гертруды Стайн: «Вы все – потерянное поколение». Книга захватила воображение тысяч читателей и заставила их по-новому ощутить и понять их послевоенную юность.

25 сентября 1925 года Эрнест написал отцу о том, что он и Хэдли собираются приехать до декабря, а будущую почту следует направлять в его банк, который всегда пересылает ее по назначению. Более существенной новостью было то, что он

завершил свой роман объемом восемьдесят тысяч слов. Он говорил, что чувствует себя совершенно разбитым от усталости и собирается в путешествие, хотя еще не решил, куда именно. Он полагал, что вместе с Дос Пассосом они поедут на Рифф. Тогда Дос находился в Антибах на Ривьере. Хэдли и Бамби чувствуют себя замечательно, а Бамби вернулся после проживания в деревне большим, загоревшим и еще более светловолосым, чем был, но говорящим исключительно на бретонском диалекте.

По его словам, книга «В наше время» выйдет в Штатах 1 октября, и он надеется, что кто-нибудь в Оук-Парк купит ее. В примечании обозреватель газеты в Миннеаполисе упомянул о том, что его брат является банкиром и первоклассным импресарио, и до его скорейшего приезда наш дядя Джордж должен взять на себя честь быть его братом.

Эрнест выразил надежду на то, что у отца будет возможность сходить той осенью на охоту. Его самого пригласили поохотиться в Англию, но у него нет ни ружей, ни одежды для верховой езды, хотя он все-таки надеется в августе пострелять куропаток в Шотландии.

20 ноября Эрнест снова написал отцу, поблагодарив за письма из Флориды и Лукаут-Маунтин, штат Теннесси. Он сказал, что надеется вместе с Хэдли побывать во Флориде до того, как она полностью будет поделена на территории под города, хотя при скорости, с какой это все происходит, он не уверен в том, что они смогут. Он очень много трудился над новым материалом, и дело спорилось. Приехал Дос Пассос, и в его обществе было очень весело проводить время.

Статьи и обзоры по поводу книги Эрнеста стали выходить повсеместно. Однажды он получил более пятидесяти писем в одной почте и переслал нашим родителям для чтения три из них от наиболее влиятельных газет Нью-Йорка. Он надеялся, что они примут меры для того, чтобы редакции «Оук ливз» и «Оук-Паркер» ознакомились с ними. И местные обозреватели узнают о том, что, по крайней мере, в Нью-Йорке его не считают бездельником. В ноябрьском выпуске «Артс энд декорешн» была помещена большая статья о нем, а также информация о Хэдли и Бамби с фотографией. Он подумал, что это будет интересно семье. Он питал надежды об успешной продаже его книги в Чикаго и Оук-Парк потому, что хотел, чтобы люди, которых он знал, увидели то, чем он занимается, и не важно, какое при этом сложится у них впечатление. Он сказал, что, по его мнению, отцу должен понравиться окончательный вариант его рассказа о рыбалке, и им с матерью, возможно, будет интересно другое его произведение – «Кошка под дождем».

В то время Эрнест быстро и уверенно работал над произведением «Весенние ливни» в такой манере, которая могла вынудить Бони и Ливерайта отказаться от этой новой рукописи, хотя у них был на нее заказ. Если бы это произошло, у Эрнеста были бы развязаны руки для поиска нового издателя, которого он так желал найти. Для обращения в «Скрибнерс» ему была необходима свобода. В этом издательстве Макс Перкинс был главным редактором, и Скотт Фицджеральд получил хорошую поддержку в издании своих произведений. Это издательство могло взять такую рукопись, как «Весенние ливни», обыгрывающую стили Шервуда Андерсона и некоторых других людей, и контракт с Бони и Ливерайтом на этом бы закончился.

В письме от 14 декабря из альпийского местечка Шрунс Эрнест рассказал семье о ближайших событиях его жизни. Поздравив мать с успехами в ее художественном творчестве, он поблагодарил ее за присланный обзор «Нью репаблик» и за рецензию от «Атлантик монтли» на книгу Андерсона. Арчибальд Маклейш рецензировал книгу Андерсона «Темный хохот». Со слов Эрнеста, он был очень интеллигентным человеком. У них было общее мнение насчет книги Андерсона, за исключением того, что Эрнест считал ее еще более претенциозной и фальшивой.

Эрнест написал, что был бы очень рад получить от матери книгу и что пробудет в Альпах до марта. К концу марта они собираются навестить друзей на Ривьере, а потом отправятся в Испанию. Они планируют вернуться в Соединенные Штаты в сентябре.

Эрнест приобрел новый фотоаппарат и пообещал прислать больше снимков Бамби, который в тот момент катался на санках со своей няней. За два дня до их приезда был сильный снегопад. Эрнест работал очень напряженно, хотя чувствовал переутомление, когда они покидали Париж. У него была готова еще одна книга для издательства. Эрнест трудился столько, что не хватало времени на физические упражнения. Видимо, из-за этого у него развился сильный кашель, и он потерял в весе, но был уверен в том, что природа гор вылечит недуг. Это было прелестное место. Он и Хэдли знали каждого в этой деревне с бело-зелеными оштукатуренными домиками. Каждую неделю он играл в покер и регулярно занимался в лыжном клубе. Они были там единственными иностранцами, и это был лучший способ изучать язык.

Подруга Хэдли Полин Пфайффер приехала на Рождество, а Дос Пассос находился в Марокко по заданию журнала «Харперс», и его возвращения ждали не раньше февраля, после чего они вместе планировали поехать в Мюнхен. Они намеревались

перелететь через Альпы и, приземлившись на высокогорном плато в Сельвретте, спуститься на лыжах вниз. В тот год это было новой забавой для людей с крепкими нервами, а они хотели быть среди первых, кто попробовал это. Для пятерых участников эта затея обходилась всего лишь по двадцать пять марок с каждого.

В конце письма Эрнест заметил, что статья о его работе, опубликованная в «Нью репаблик», является полной чепухой.

В Шрунсе зима выдалась долгой, и за это время Эрнест успел совершить много поездок. 23 марта в своем письме из Мадрида отцу он сказал, что очень рад слышать о его прекрасной поездке на Смоуки-Маунтин. Эрнест и Хэдли все еще собирались осенью приехать в Америку и, возможно, провести зиму в Пигготте, штат Арканзас. И хотя это было в их планах, Эрнест отметил, что ничего еще окончательно не решено.

Эрнест сообщил о краткосрочной поездке в Нью-Йорк, пока отец был во Флориде. Но он находился там всего неделю и был сильно занят. Он очень хотел навестить семью, но уже взял билет на пароход «Президент Рузвельта Он пришел к выводу, что эта встреча лишь все усложнит, хотя каждому в душе ее по-настоящему недоставало. Тогда он просто решил не афишировать свою поездку.

С издательством «Скрибнерс» у Эрнеста установились прочные взаимоотношения. В тот месяц оно собиралось издать его сатирический рассказ «Весенние ливни». Роман «И восходит солнце» готовился к печати осенью. В тот момент Эрнест писал произведения для будущей публикации в журнале «Скрибнерс».

Он писал, что на время его отъезда в Мадрид Хэдли вместе с Бамби и няней отправились в Антибы. Хэдли намеревалась поехать вместе с ним, но Бамби подхватил коклюш, и Эрнест решил вернуться в Антибы и пробыть там до его выздоровления. Затем они бы все вместе вернулись в Испанию до начала августа.

Эрнест и Хэдли планировали съездить в Чикаго после возвращения в Соединенные Штаты и надеялись провести три или четыре дня вместе с семьей, если наши родители захотят, чтобы они остались. Хэдли не терпелось повидать своих родственников в Сент-Луисе, а Эрнест предпочел остаться в Оук-Парк и хотя бы один день посвятить родственникам до их отъезда в Пигготт. Он надеялся, что в Пигготте он будет настолько удален от всех и вся, что никто не будет его беспокоить и он сможет спокойно работать. Он трудился над очередным романом, и, хотя некоторым писателям требуется постоянное общение, он знал, что будет чувствовать себя так же комфортно в этом обществе, как медведь с ранеными лапами. Полин Пфайффер была вместе с ним в Австрии и тем летом собиралась в Испанию. А сейчас,

находясь в Америке, она проживала в Пигготте, штат Арканзас, и уже позаботилась о доме для Хемингуэев. Эрнест говорил, что его намерения провести зиму в коттедже в Уиндмере расстроили отца, и он решил не беспокоить его по этому поводу.

Мимоходом, как будто речь шла о погоде, Эрнест заметил, что утром он собирается в Масс, где в полдень примет участие в бое быков, и хочет, чтобы отец приехал посмотреть. Поскольку и Эрнест и Хэдли были протестантского вероисповедания, реакция наших родителей не была легкомысленной. Но после в письме они сообщили о том, что это прекрасная затея.

Той весной была опубликована книга «Весенние ливни», а осенью «И восходит солнце» вышла в американском издании в четыре раза большим тиражом, чем в предыдущий раз. Книга «И восходит солнце» не только стала бестселлером, но создала хорошее впечатление у критиков двух континентов, а также имела успех в Англии.

А дома Эрнест пытался заставить наших родителей понять смысл и реальную значимость его творчества. Это было равносильно попытке снежком пробить кирпичную стену. Решая эту проблему, Эрнест получил известие о смерти дедушки. 22 октября, когда книга «И восходит солнце» была издана в Нью-Йорке, он спешно написал отцу, страшно сожалея о невосполнимой утрате. Было мучительно горько осознавать то, что дедушку уже никогда не увидишь. Но он умер тихо и счастливо. По крайней мере, это немного успокаивало Эрнеста.

После он сообщил, что все его планы полностью расстроены. Единственное, что было ясно, их поездка в Америку той осенью уже не состоится.

То, что Эрнест утаил от родителей, было его размолвкой с Хэдли. Он не хотел об этом сообщать до тех пор, пока это стало действительно необходимо. Как и следовало ожидать, наши родители в полном расстройстве оттого, что не смогут видеть внука, когда им этого хочется, проявили много беспокойства о здоровье и благополучии малыша. Чтобы успокоить их, 1 декабря 1926 года Эрнест написал о своем отвратительном настроении из-за того, что он не смог приехать осенью и поохотиться вместе с отцом, но это не уменьшило их тревоги. Он советовал им перестать волноваться о здоровье Бамби. Ребенок жил не в студии, а в квартире на шестом этаже.

Она хорошо отапливалась, была комфортабельной, со всеми современными удобствами и прекрасным видом из окна. Он полностью поправился после коклюша и теперь совершенно здоровый и сильный мальчуган. Он общается на французском, немецком, немного по-английски и говорит очень умные вещи.

Эрнест отметил, что он работает в студии, адрес которой никто не знает, поэтому творчество идет в совершенно спокойной обстановке.

С его слов, рецензии на его книгу были прекрасными и, согласно рекламе в «Нью-Йорк уорлд» в конце ноября, его книга уже выходит во втором издании. Газета «Бостон транскрипт» посвятила этому событию две колонки, с хорошими отзывами вышли статьи в «Нью-Йорк таймс», «Уорлд» и «Трибьюн». Скоро ее должны были издать в Англии. Книга «В наше время» уже издавалась там и получила хорошие отзывы в прессе. Он решил сохранить некоторые из рецензий, присланные ему из издательства «Скрибнерс», и переслал их отцу, может, ему будет интересно на них взглянуть.

Он думает, что в декабрьском номере журнала «Скрибнерс» выйдет еще один из его рассказов, а другой будет в следующем номере. Он прочитал оба рассказа уже после верстки, но не знает, когда они будут опубликованы.

К Рождеству Эрнест пообещал прислать родителям прекрасную новую фотографию Бамби. Ее сделал Ман Рэй. По его словам, Бамби заявил, что на следующий год поедет вместе со своим папой в Испанию и будет спать вместе с быками. Недавно Бамби попытался выпить какую-то жидкость для чистки. Когда Хэдли сказала ему, что если бы он выпил, то отправился бы на небеса с младенцем Иисусом, Бамби быстро сказал на французском, что это действительно так, но если б младенец Иисус выпил жидкость для чистки, то это его тоже бы убило. Эрнест говорил, что учил Бамби всем молитвам на английском. Но ребенок все еще не придавал этому серьезного значения. Когда Эрнест привел его в церковь, Бамби оценил ее как прекрасное место, полное всяких интересных вещей.

В те времена для фотографирования применяли специальные светильники. Однажды Эрнест получил сильный удар по лбу упавшим прожектором. Было уже довольно поздно, когда на одной вечеринке в Монпарнасе в квартире друга Эрнест потянул за цепь осветителя, и вся конструкция сорвалась с креплений. Его карьера могла на этом закончиться, упади прожектор немного под другим углом. Он получил рваную двухдюймовую рану, которую пришлось зашивать, после чего остался шрам. Сохранились фотографии Эрнеста с повязкой на голове и без нее.

Несмотря на эмоциональные страдания, через которые он прошел той зимой, Эрнест продолжал работать. Некоторые из рассказов, рожденные в муках, фраза за фразой, являются примерами эмоциональной откровенности, переходящей от одного мнения к другому, по мере того как люди продолжали

читать их.

Когда наши родители прочитали окончательный вариант романа «И восходит солнце», они были в таком же замешательстве и шоке, как послушницы монастыря при посещении дома терпимости. Само их прочтение этого было столь же невероятно, как и подобное посещение, за исключением того, что автором был их собственный сын. Они даже не знали, что и думать о сценах и действующих лицах книги. Я помню, их душевное равновесие пошатнулось настолько, что жизнь в доме напоминала попытки ходить по пустой яичной скорлупе и чтобы при этом ее не раздавить. Произведение именовали не иначе, как «та книга», и произносили эту фразу страшным тоном.

5 февраля Эрнест написал нашим родителям из Швейцарии. Он поблагодарил их за присланный каталог выставки Маршалла Филда, где экспонировались репродукции матери из «Блэксмит шоп». Он сказал, что очень хотел бы увидеть все в оригинале.

Затем он перешел к теме, которую старался избегать на протяжении некоторого времени. Он сказал, что не отвечал на письмо матери о той самой злополучной книге потому, что был рассержен. По его мнению, было бы глупо писать гневные письма и еще большей глупостью слать такие письма своей собственной матери. Он заметил, что для нее было совершенно естественно отреагировать на книгу подобным образом, и попросил прощения за то, что она ее все же прочитала и это вызвало у нее боль и отвращение.

С другой стороны, он уверял их в том, что нисколько не стыдится своего произведения, за исключением того, что ему, возможно, не удалось точно изобразить тех людей, о которых он написал, или сделать их образы живыми для читателя. Он был уверен в том, что книга получилась неприятной, хотя не все там так уж плохо, и, конечно, не более отвратительно, чем истинная внутренняя жизнь некоторых лучших семей Оук-Парк. Он попросил мать помнить о том, что в этой книге показаны самые худшие стороны жизни, в то время как отображены и прекрасные для общества моменты, а также те вещи, которые он сам наблюдал за закрытыми дверями. Как человек творческий, он попросил мать понять то, что писателю следует защищать не выбор своей тематики, а только свое отношение к ней. Он сказал, что люди, о которых он писал, на самом деле остались без крыши над головой, голодные и подавленные, и что именно так он попытался изобразить их. Ему было бы стыдно лишь в том случае, если он не показал правдиво людей, которых он пытался представить читателю. В своих будущих книгах – а он верил, что непременно напишет еще, – возможно, будут другие темы

повествования, но все они будут касаться реальной человеческой жизни.

Затронутая тема воодушевила Эрнеста. Он добавил, что мнение благовоспитанных дам из какого-нибудь клуба по изучению литературы, возглавляемого местным недалеким критиком, а также восхваление ими книги могут заставить Эрнеста почувствовать себя дураком. И тогда все согласятся с тем, что он развращает свой талант ради низменных интересов.

Затем Эрнест ошарашил отца и мать новостями о своей семейной жизни. С прошлого сентября он и Хэдли жили раздельно, хотя их отношения оставались самыми дружескими. Она и Бамби были счастливы и чувствовали себя замечательно. Эрнест отдал распоряжение выплачивать Хэдли все гонорары за книгу «И восходит солнце», а она прекрасно продавалась. Он сказал, что к январю она уже претерпела пять изданий общим тиражом пятнадцать тысяч экземпляров, а также была опубликована в Англии под названием «Фиеста». Он не мог удержаться, чтобы не сказать о скором возвращении Хэдли в Штаты и о том, что семья скоро увидит Бамби.

Возвращаясь к теме своей писательской деятельности, Эрнест добавил, что пока между ним и нашими родителями были принципиальные разногласия в отношении того, на чем основывается хорошее творчество, они зашли в досадное заблуждение, позволив всяким отбросам мировой прессы убедить их в том, что он потворствует дурным нравам. Он сказал им, что получил письма от «Вэнити-Фейр», «Космополитен» и других журналов с просьбой предоставить для ознакомления его труды. Но в ближайшие месяцы он не собирался ничего публиковать, за исключением нескольких рассказов, уже проданных издательству «Скрибнерс». Это был очень трудный период его жизни, и для него было крайне важно заниматься работой в полном спокойствии. Он хотел писать как и прежде, не задумываясь ни о продаже своих книг, ни о деньгах. Он не хотел, чтобы зарабатывание денег стало смыслом его жизни. Это затягивало американских писателей так же, как машина для очистки кукурузы затянула большой палец дяди Уилла.

Эрнест сказал, что сожалеет, если причинил нашим родителям беспокойство, просил их не волноваться. Конечно, его жизнь может разбиться вдребезги из-за различных обстоятельств, но он всегда сделает все, что в его силах, для людей, которых он любит. И хотя им вряд ли когда-нибудь понравится его творчество, есть вероятность, что в будущем они найдут в нем нечто, особенно милое их сердцам. Во всяком случае, он просил их поверить в то, что он был искренен. Он знал, что отец всегда

был лоялен по отношению к нему, в то время как мать занимала другую позицию. Он понимал мать – она рассматривала его поведение с точки зрения своих представлений о морали. Веря ограниченным обывательским толкованиям о творческой работе Эрнеста, родители считали, что он позорит их доброе имя. Но Эрнест полагал, что в конечном счете они переживут его дурную славу и поймут, что его книги вовсе не унижают их.

Той весной 1927 года разговоры о нашем старшем брате за столом вообще не велись. Мать и отец прилагали все усилия, чтобы обсуждать мою и сестры Кэрол учебу в школе, успехи Санни на курсах медсестер и замужество наших старших сестер. Сам факт того, что разговоры об Эрнесте стали запретной темой, хотя его известность представляла повышенный интерес для окружающих, говорил о том, что происходит нечто скрытое и зловещее. Когда я спросил Кэрол о том, что она знает обо всем этом, она попросила меня не совать нос не в свои дела. Это всегда было стандартной отговоркой для младших братьев во все времена и во всех странах. Мрачная атмосфера ее тоже угнетала, и скоро пришла ее очередь спросить:

– А ты знаешь, что происходит? Я мотнул головой.

Единственная вещь, которую я знал, сбивала меня с толку. В то время она абсолютно ничего не объясняла. Однажды ночью из обрывков приглушенных голосов за дверями спальни я случайно услышал, поднявшись наверх, как мать сказала:

– Это стыд и страдание…

– Нет. Это позор. В гробу я его видел, – затем сказал отец.

Я особенно ждал приближения летних каникул. Было невероятным облегчением уехать из Оук-Парк. Казалось, мать и отец слегка повеселели, когда мы покинули Чикаго. В тиши Уоллун-Лейк ужасная беда в конце концов вырвалась наружу.

Однажды утром, когда мы с отцом копали червей для рыбалки, он сказал:

– Ты, конечно, знаешь, что твой брат принес большой позор в нашу семью, разведясь с Хэдли, не так ли?

– Нет, – ответил я правдиво, но с интересом, – а когда это произошло?

– Прошлой весной. Сейчас все кончено. Я хотел сказать, что Бамби скоро навестит нас. Он приедет в Оук-Парк, когда ты пойдешь в школу.

– Ой, замечательно! – помню, воскликнул я. – Как ты думаешь, он действительно говорит по-французски, как рассказала Стайн?

– Я не знаю… Я не знаю.

А затем, может, потому, что я не выглядел совершенно

шокированным невероятными новостями, отец добавил:

– Ох, какой позор – Эрнест и Хэдли развелись! В нашей семье не было разводов целые поколения – на протяжении семидесяти лет.

Я хотел спросить о том, кто развелся семьдесят лет назад, но отец буквально задыхался от слов. И поскольку это было тихое утро и озеро выглядело таким спокойным, я не видел причин для возмущения. Я был счастлив в предвкушении увидеть моего собственного племянника, удивительного ребенка трех лет, уже говорящего на трех языках.

Той осенью Бамби и Хэдли приехали навестить нас в Оук-Парк, и Бамби оказался таким замечательным, как его заранее охарактеризовали. Он задавал бесконечное число вопросов, и всегда по-французски. С любовью схватив виолончель моего брата, он назвал ее виолоном. Я считал, что он был самым прекрасным, самым чудесным племянником на свете.

Спустя много лет я прочитал в «Чикаго трибьюн» статью о разводе Эрнеста и Хэдли. 11 марта 1927 года корреспондент выразил свои собственные чувства в первом же предложении.

«Эрнест Хемингуэй, выдающаяся личность в литературном мире Монпарнаса, автор книги «И восходит солнце», ставшей бестселлером в Америке, сегодня развелся со своей женой по причине несовместимости…»

Отношение автора к Эрнесту было ясно: статья пыталась очернить его творчество и репутацию.

На более чем семи листах длиннющего письма (по его словам, это было самое длинное письмо с тех пор, как он научился обращаться с ручкой и чернилами) Эрнест пытался со скрупулезной тщательностью объяснить отцу причину развода и его женитьбы на Полин Пфайффер. Надо отдать должное его дипломатичности и искренности – ему удалось сгладить весь накал страстей до того уровня, когда он и семья снова начали обмениваться новостями, хотя и довольно короткими и официальными.

20 октября 1927 года он поблагодарил отца за прекрасное письмо с фотографиями, сказав, что у них стоит замечательная погода и он упорно работает над своей новой книгой. Он написал уже около тридцати тысяч слов. Он сообщил, что на прошлой неделе встречался с Бамби и Хэдли в Гавре. Бамби живет вместе с Эрнестом и Полин, пока Хэдли решает вопрос со своей новой квартирой. Эрнест сказал, что было замечательно взять его к себе, и извинился за краткость своих писем, объяснив это тем, что работа, которую он надеется завершить к Рождеству, выжимает из него последние соки.

Книга, над которой он тогда работал, называлась «Мужчины без женщин». Издательство «Скрибнерс» напечатало ее следующей осенью. Хью Уолполл, обсуждая один из коротких рассказов в этой книге под названием «Убийцы», сказал:

– В Англии нет такого мастера коротких рассказов, как автор рассказа «Убийцы», но его нет и в Америке.

Глава 5

В представлении людей «ки-уэстский период» для Эрнеста начался с образа загорелого гиганта, борющегося с огромной рыбой, затем отправляющегося на берег в самый грубый, самый хулиганский бар праздновать улов, возможно останавливаясь где-нибудь, чтобы черкануть письмо в «Эсквайр», используя слова, злобно срывающиеся с уголка рта. Такого на деле никогда не было. И контраст между такой картиной и фактическим положением вещей был поразительным.

Эрнест и Полин вернулись из Европы в начале 1928 года, когда узнали о том, что Полин беременна. Зимняя погода в Арканзасе стояла такая, что было немудрено заболеть. Для того чтобы дать Полин возможность не подвергать риску здоровье, насколько это возможно, они отправились во Флориду, где было море и солнце, приняв решение ехать в самую южную ее часть.

Мчась на желтом «форде» модели А с открытым верхом в южном направлении, они миновали мосты, паромные сообщения, пока не добрались до Ки-Уэст. Этот самый южный город в Соединенных Штатах был настолько удален от остальной части Флориды, что великий бум с недвижимостью и всеобщий кутеж еще не докатились до этих краев. Это был спокойный субтропический город, где самое большое потрясение случилось тридцать лет назад, когда испано-американская война превратила этот город в важный военно-морской порт.

Той весной Эрнест и Полин отдыхали, проводили время на рыбалке и впервые наблюдали болотистые низменности, слегка поросшие травой, и безлюдные отмели. Обстановка способствовала творчеству Эрнеста. Они наслаждались чувством оторванности от всех, кто их знал или проявлял любопытство к их жизни. Но потом почта все-таки нашла их. Они не сообщили семье о своих планах. Письма пересекли Атлантику, были переадресованы и отосланы назад в Штаты, а уж потом нашли Эрнеста в Ки-Уэст. Именно после этого он узнал, что отец с матерью были в Санкт-Петербурге. 10 апреля он направил им телеграмму о том, что только узнал об их пребывании во Флориде из письма, пересланного из Парижа. Он пригласил их провести несколько дней на рыбалке, пояснив, что у него есть автомобиль и рыболовные снасти.

Телеграмма была настолько дружелюбной и открытой, что наши родители немедленно сели на поезд. Они познакомились с Полин, оказавшейся такой замечательной, что они полюбили ее с первых слов общения. Они обменялись фотографиями и сошлись

на мысли, что у нас прекрасная семья и каждый в отдельности замечателен.

23 апреля Эрнест написал отцу в Оук-Парк, сообщив, что они с Полин были очень рады встрече с ним, матерью и дядей Биллом. Он сказал, что трудится очень напряженно и думает остаться в Ки-Уэст до полного завершения работы над книгой. У него была удачная рыбалка, где лучшим уловом стали тарпон весом шестьдесят три фунта и барракуда пяти футов длиной. Он поймал небольшую барракуду на искусственную наживку. По его словам, они с Полин питались люцианами и свининой. Той ночью он собирался выйти на ловлю тарпона, а прошлым вечером, почти перед заходом солнца, он поймал десятифунтовую щуку, с которой пришлось изрядно повозиться.

В то время Эрнест спокойно работал над книгой «Прощай, оружие!». Из-за беременности Полин они отправились навестить ее семью в Пиготт, штат Арканзас. Оттуда 1 июня Эрнест написал отцу о том, что старается поскорее завершить поездку и вернуться к работе над книгой. Он сказал, что объем книги уже составил 238 страниц, почти 200 из которых были написаны в Ки-Уэст.

Он сообщил, что за время, проведенное в Ки-Уэст, он поймал пять тарпонов, и самый большой весил семьдесят один, а самый маленький около сорока фунтов. Он также поймал большую солнечную рыбу, около шестидесяти барракуд, трех желтохвостов, несколько скатов и акул.

Он сказал, что выходил к Маркизским островам, в двадцати пяти милях за рифами, и там нашел лучшее место для ловли тарпона, а также подстрелил несколько зуйков, цапель и кроншнепов. Он убеждал отца совершить выход к маркизским рифам. Художник Уалдо Пирс поймал тарпона длиной шесть футов пять дюймов и весом сто пятьдесят фунтов. Ему потребовался один час двадцать минут, чтобы вытащить его из воды, после того как рыба заглотила наживку в канале внутри атолла. Эрнест писал также, что он поймал тарпона весом более шестидесяти фунтов на снасть для ловли окуня, не оборвав и не спутав леску на бобине. Это заняло у него целый час, поскольку рыба двенадцать раз выпрыгивала из воды. Они также поймали на гарпун много акул и скатов.

Эрнест хотел узнать, когда отец планирует поехать на север. Он надеялся, что они вместе смогут поехать на несколько дней в Оук-Парк в течение следующих двух недель, а потом заехать на озеро Уоллун. Рождение ребенка ожидалось 27 июня, и его интересовала хорошая клиника в Петоски, где Полин могла бы родить в хороших условиях. Он спросил о том, кто занимает

коттедж Лумиса на Уоллун-Лейк, смогут ли взять с собой няню и готовить там пищу. Если Полин родит в Канзас-Сити, он не знает, как скоро они смогут приехать. Эрнест сознался, что очень скучает по своим родным северным краям.

Своими вопросами о наличии прислуги и условиях в клиниках Эрнест серьезно задел отцовские чувства. Ответ нашего отца был скорый, но тон письма весьма сухой. 4 июня он написал:

«Мой дорогой Эрнест!

Твое письмо из Пигготта от первого июня пришло сегодня утром. Что касается коттеджа Уэйбурна-Лумиса на Уоллуне, то он сейчас принадлежит твоей сестре Марсел-лайн и ее мужу Стерлингу Санфорду. Они купили его два года назад. Продолжая отвечать на твой первый вопрос, хочу заметить, что нам было бы очень приятно видеть тебя в любое время. Сейчас мы еще не знаем, когда сможем приехать в Уиндмер, но, скорее всего, не ранее четвертого июля. Будет гораздо лучше, если твой новый ребенок родится в Канзас-Сити или Сент-Луисе, поскольку клиники в Петоски хороши только для местной «Скорой помощи». Нянь и служанок там найти крайне сложно. Миссис Дилворт и дядя Джордж заняты помощью своим собственным семьям, и у них не все идет гладко. В семье Уэсли и Катарин ранней весной родились близнецы, они чувствуют себя замечательно. К тому же в Мичигане очень запоздалая и холодная весна. Если ты хочешь, чтобы я принимал роды у твоей жены в клинике Оук-Парк, то я буду рад предложить свои услуги.

Прошлым вечером Марселлайн возвратилась в Детройт. Она оставила с нами свою маленькую Кэрол до тех пор, пока она не вернется в Уоллун с нашей Кэрол, с Люсиль Дик, ее новорожденным сыном и ее мужем Уолдоном Эдвардсом. Они займут свой коттедж, пока Марселлайн будет находиться в Европе. Она очень хочет получить адрес Хэдли. Восьмого июня в полночь Марк отправится на пароходе «С.С. Олимпик» из Нью-Йорка, а ты вложи, пожалуйста, в конверт письмо для нее и отошли немедленно, это настоятельная просьба твоей матери. Я поздравляю тебя с замечательным уловом. Жалко, что меня не было с тобой. Когда-нибудь мы вместе порыбачим. Надеюсь провести время вместе с тобой и Лестером этим летом. Пиши мне почаще, да хранит Господь тебя и твоих близких.

С любовью твой *отец».*

Под своей подписью отец дописал *«К. Хемингуэй, М.Д.»*

Эрнест решил, что Полин будет лучше в Канзас-Сити. Они благополучно добрались до места, и в конце месяца Полин

родила прекрасного сына. 4 июля Эрнест написал нашим родителям, поблагодарив их за письма. Он сказал, что мальчика назвали Патриком, он родился очень большим и сильным. Он был слишком большим и чуть не убил свою мать. Эрнест страшно переживал за Полин, но кесарево сечение было проведено успешно. По его словам, она ужасно страдала, но сейчас ее состояние пришло в норму.

С момента рождения ребенка температура в Канзас-Сити переваливала за девяносто градусов по Фаренгейту в тени. По словам Эрнеста, его предыдущие планы посетить Уоллун шли вразрез с намерениями семьи, и он не видел никакой возможности приехать сейчас. По всей видимости, он осознавал возможность приезда в Оук-Парк до рождения ребенка, но отец, вероятно, был против этого. С таким младенцем они не могли совершать переезды, тем более в летнее время, так что им пришлось бы оставаться на своем месте.

Письмо не было отправлено до 15 июля. После этого он в постскриптуме написал, что Полин напишет, как только сможет, и поблагодарит за прекрасные подарки для Патрика. Ребенок хорошо развивался и уже тогда весил девять фунтов десять унций.

Эрнест поблагодарил отца за присланные газетные вырезки и добавил, что одна, от местного деревенского критика, была просто очаровательна. Он никогда раньше не читал такой коллекции бессмыслицы и испытывал искушение послать автору телеграмму, но решил, что лучше не обращать на это внимания. Он сказал, что все время упорно работал и, несмотря на переживания о здоровье Полин и жару, написал 456 страниц. До завершения книги оставалась еще одна треть. Он собирался взять Полин и Патрика назад в Пиготт и уже там найти место, где его никто не знает, и дописать книгу. Ему, конечно, хотелось бы съездить на Уоллун, но, по его наблюдению, до окончания работы над книгой он был бы таким же приятным компаньоном, как медведь с карбункулами.

Той осенью Эрнест и Полин оставались в Пиготте до начала сезона охоты на перепелов, а потом вместе с Патриком отправились в Ки-Уэст, наслаждаясь воспоминаниями о хорошо проведенном времени там прошлой весной. Книга «Прощай, оружие!» находилась в стадии переписки. Эрнест знал, какое замечательное произведение он создал. Он просто делал все возможное, чтобы получилось еще лучше, и вся его работа была пропитана потом и кровью.

Это время в Оук-Парк было периодом беспокойств для нашего отца. Он основательно прогорел во время бума с

недвижимостью во Флориде. Он потерял свои сбережения, инвестированные в землю, которая неожиданно обесценилась. Год назад он успешно сдал государственные медицинские экзамены во Флориде и надеялся переехать туда и не спеша заниматься врачебной практикой. Но этим планам не суждено было сбыться. Все, чем он обладал, стало кучей непогашенных счетов.

Той осенью отец стал подозревать, что у него сахарный диабет. Когда он уже не мог больше оставаться в неведении, он прошел через лабораторные тесты. Я слышал, как на той неделе он говорил с коллегой по телефону, упомянув о достаточной уверенности в наличии «щепотки сахара в крови». Но, как и большинство врачей, он не особо торопился отдать себя в руки другого доктора. Никто не знал почему, но он отказался от всякого лечения. В течение нескольких холодных, дождливых дней поздней осени его дух сильно пошатнулся.

В ту первую неделю декабря Кэрол была занята работой по дому. Три дня я лежал дома в постели с тяжелой простудой. Мать отдавала себя мероприятиям в клубе «Найн-тинт сенчери» и подготовке к Рождеству, до которого оставалось всего три недели. Другие наши сестры были заняты личной жизнью. Утром 6 декабря отец собрал некоторые личные бумаги и сжег их. Затем он снова поднялся наверх, закрыл дверь спальни, достал дедушкин револьвер «смит-и-вессон» и выстрелил себе в голову. Пуля вошла прямо за ухом.

Спустя минуты дом наполнился шумом, полицейскими, родственниками и незнакомыми людьми, снующими здесь и там и говорящими друг с другом, хотя у них не было права здесь находиться. Кэрол позвонили по телефону в школу. Как только она примчалась домой, она сделала самую благоразумную вещь, которую мог сделать каждый. Она предложила связаться по телеграфу с Эрнестом, задействовав его издательство в Нью-Йорке. Сообщение застало Эрнеста в поезде между Нью-Йорком и Арканзасом. Он немедленно сменил направление и прибыл в Чикаго несколько часов спустя.

Когда Эрнест приехал, он взял ситуацию в свои руки, и скоро были сделаны необходимые приготовления к похоронам. Мать пребывала в шоковом состоянии и была способна принимать решения, немного успокоившись, только спустя день. Эрнест перебрался в большую спальню на втором этаже и в полной подавленности следующие несколько дней находился там.

Одной из мыслей, беспокоивших отца, была сумма денег, под которую он написал расписку какому-то родственнику. Сама по себе сумма была небольшой, но задолженность медленно росла, и

при его отказе обратиться в агентство по сбору денежных средств его положение должно было казаться более отчаянным, чем было на самом деле. Он был невероятно совестливым человеком, а срок оплаты по расписке приближался. Родственник, взявший расписку, без всякого сочувствия рассуждал о трудных обстоятельствах и о том, что бизнес есть бизнес. В отчаянии отец написал Эрнесту, изложив факты и попросив помощи. Потом он ждал, а под внешним спокойным обликом в этом человеке, готовом прийти на помощь любому в трудный момент, росло невероятное напряжение. Эрнест немедленно ответил, вложив в письмо чек для погашения долга. Когда Эрнест приехал домой, он обнаружил, что письмо пришло. Оно лежало нераспечатанным вместе с другими письмами на покрашенном белой краской столике отца рядом с его кроватью. Оно пришло в дом в то самое утро. Его мог отнести наверх и положить там только человек, которому оно было адресовано. Человек чувствовал себя ошеломленным и зашедшим в тупик, возможно от недостатка инсулина, и уже за пределами тесной связи с реальностью.

Предстоящие похороны отца обещали ситуацию, которой многие из нас хотели бы избежать. Он был старостой в местной церкви и хорошо знал подробности жизни многих прихожан. А в тенденциозных и ханжеских глазах многих местных обывателей он основательно скомпрометировал себя, совершив самоубийство. Даже спустя тридцать лет люди мало что понимали в душевных расстройствах. Как только у Эрнеста появилась возможность, он отвел меня в сторону и обратил мое внимание на некоторые существенные, по его мнению, моменты:

– Я не хочу слышать плач на похоронах. Ты понял меня, малыш? Пусть рыдают другие, бог с ними. Но только не наша семья. Мы здесь для того, чтобы отдать ему должное за прожитую им жизнь, за людей, которых он обучал и которым помогал. И если можешь, то помолись от всего сердца, чтобы помочь его душе пройти чистилище. Здесь вокруг полно дикарей, которым следует стыдиться самих себя. Они думают, что все закончилось, но им, по-видимому, не дано понять, что события развиваются по своим законам. Впервые я хочу высказать свое мнение Марселлайн. А сейчас… что там с дедушкиным оружием, тем самым револьвером? Ты не принесешь его мне? Вы вместе с матерью должны сходить в полицию или к шерифу округа. Потребуйте, чтобы его вернули семье как историческую память. Это, конечно, займет время, но ведь ты собираешься остаться здесь. Я не могу этим заниматься, находясь на юге во Флориде. Но именно этот револьвер я хочу получить. Ты можешь оставить себе все остальные. И как его сыновья, мы разделим эти вещи по

соглашению. С тобой все в порядке? Тогда договорились. Когда заберешь револьвер, попроси мать переслать его мне. А сейчас запомни, что я сказал насчет похорон.

Я кивнул, и он позволил мне уйти.

Спустя два месяца после похорон матери и мне удалось привести в порядок бумаги отца. В чикагском офисе шерифа в Сити-Холл нам вернули револьвер и барабан от него, изъятые и приобщенные к делу в качестве доказательств. Оружие затем переслали Эрнесту, как он и просил.

До того как Эрнест вернулся назад к Полин и Патрику, он одолжил мне две ранние книги Зайна Грея по ловле рыбы в соленой воде и рассказал о красотах Флориды. Он сказал мне, что если дела в Оук-Парк пойдут совсем плохо, то я всегда смогу приехать к нему, ходить в школу и изучать непохожий на другие штаты район страны. Идея была привлекательной, но я, конечно, не мог принять предложение.

Тогда Эрнест особенно нуждался в хорошем секретаре. А Санни работала ассистентом у дантиста.

– Послушай, малышка, у тебя будет жалованье гораздо больше, чем сейчас. Я хочу, чтобы ты перепечатала начисто большую рукопись. У тебя есть желание?

Скоро Санни переехала в Ки-Уэст. Той зимой она помогала заботиться о Патрике, печатала на машинке, так что у Полин было больше времени для отдыха. Она удостоилась чести первой прочесть книгу «Прощай, оружие!», когда последние листы были извлечены из пишущей машинки.

В Ки-Уэст, где Эрнест с Полин занимались изысканиями, не было никаких постоянно проживающих писателей или художников со времен Джона Джеймса Одубона, остановившегося здесь полвека назад. Во времена Одубона тихий и серый городок был процветающим морским портом, заполненным богатыми грабителями и торговцами спасенным при кораблекрушениях добром, там жили их семьи и слуги. Но в конце 1920-х годов это было практически забытое место.

Сюжет первых книг о рыбной ловле, написанных во Флориде в начале века, был навеян первоначальными интересами Эрнеста в Ки-Уэст. Он и Полин вернулись туда потому, что это было прекрасным и спокойным местом для работы. Жизнь была недорогой, были все условия для отдыха и воспитания детей. Это место сочетало в себе и хорошую погоду, и рыбалку, и купание в море.

Когда они впервые приехали в Ки-Уэст, Эрнест снял квартиру в доме напротив почтового отделения. За следующие четыре года он и Полин сменили по крайней мере три дома. Один из них был

в Кончтауне, недалеко от бухты Гаррисон. Два других располагались вблизи Саут-Бич, около мили один от другого. Они жили в разных частях острова, пока, наконец, не обосновались в одном месте.

Место было окончательно определено, когда Эрнест купил старый испанский дом на Уайтхед-стрит, 907, напротив маяка Ки-Уэст, где жил начальник береговой охраны. По словам Полин, у этого дома было будущее. И она организовала уборку, проводку электричества и возведение дополнительной пристройки. Все это со временем превратилось в уютный дом с душевыми, гардеробными, прачечной и рабочей комнатой для Эрнеста на верхнем этаже. Пристройка стояла отдельно от основного дома, но в нее можно было войти по узкому мостику с балкона второго этажа.

В 1929 году у Эрнеста было чем заняться помимо рыбной ловли, завершения работы над книгой и воспитания маленького ребенка. Одним из его развлечений в Ки-Уэст были еженедельные бои. В те дни, когда еще не было телевидения, боксерские матчи нужно было создавать, а не только наблюдать за поединком. В верхней части Уайтхед-стрит была площадка. В старые времена, когда еще процветало производство сигар, она использовалась для петушиных боев. Места для зрителей, сделанные из неокрашенных сосновых досок, полностью окружали арену и еще хорошо сохранились. Помост был достроен. Здесь проводились воскресные ночные бои.

Дрались скорее за честь, нежели за деньги, и входная плата была умеренной. Разрешались только сторонние пари. В городе, подобном Ки-Уэст, все друг друга знали в лицо. Хотя в основном выступали непрофессионалы, были такие, кто наносил удары быстрее, чем остальные. Некоторые боксеры стали намеренно проигрывать, когда ставки на игру были довольно значительными. Отпала необходимость в боевой бдительности. Эрнест по своей природе был одним из таких.

Одной ночью произошел действительно неприятный инцидент. Мало зрителей видели это. Удар был нанесен, и неожиданно парень, бывший первым в тяжелом весе, начал опускаться на колени. Когда он упал, Эрнест вскочил с места. Честные очевидцы говорили, что Эрнест схватил парня, ударившего не по правилам, за ухо. Эрнест низко наклонился и что-то сказал. Практически немедленно аутсайдер выскочил на середину ринга и закричал:

– Я нарушил правила боя! Это моя вина!

После с трибун раздались одобрительные возгласы и аплодисменты. Как говорят в подобных случаях, добро

восторжествовало над злом. Так, наверно, подумали местные любители азартных игр, положив в карман ставки, уже почти потерянные для них.

Эрнест довольно быстро вписался в спокойную жизнь Ки-Уэст. Но как любой проницательный зверь, оказавшийся на новом месте, он изучал окружающие территории. Большой Флоридский залив простирался на север, необитаемые рифы растянулись в западном направлении, а за ними находился Драй-Тортугас, окончание изгибающегося барьерного рифа в двухстах милях к западу от Майами.

Первые путешествия начались на катере Бра Сандерса, с большим рокочущим двигателем Палмера и двумя креслами для рыбаков, сделанными из капитанских сидений на кокпите. Годом раньше Эрнест обнаружил, что ловить тарпона лучше всего весной. Через пролив Калда, изгибающийся к северу и востоку по отношению к главному северо-западному каналу, впадающему во Флоридский залив, Эрнест вместе с Полин, а также Чарльз Томпсон с женой Лоррейн и Бра Сандерсом сезон за сезоном выходили ловить на блесну.

Патрика, а потом и Грегори, родившегося в 1931 году, обычно оставляли на попечение няни Ады, заботившейся о них во время их прогулок в детские годы. Полин обычно брала с собой охлажденные бутылки с джином «Джилби», много плодов лайма, сахар и термос с ледяной водой. Затем они садились в свой «форд» и направлялись к пристани.

У Полин, второй жены брата, было замечательное чувство юмора, изящная фигурка, и потом, она была очень спортивной по натуре. Чарльз Томпсон был замечательным другом и спортсменом. Он заведовал на острове скобяной лавкой от предприятия «Томпсон». Оно включало в себя ананасовые плантации, завод по выпуску консервов из черепах, льдохранилище и рыболовецкий промысел на базе нескольких судов. Крупный, хорошо сложенный мужчина с широким лбом и спокойными манерами делового человека, он был самым симпатичным, своим до мозга костей членом компании. Лоррейн Томпсон была искренней и остроумной девушкой из штата Джорджия. Бра Сандерс по виду напоминал моллюска. У него были английские корни, и его семья первоначально обосновалась в Грин-Тартл-Кей на Багамах. Из-за постоянного, в течение многих лет, наблюдения за искрящейся под солнцем поверхностью воды глаза у Бра стали бледные и водянистые. Он был худым и жилистым и в своей жизни не упускал удачи. Никто никогда не сомневался в его скупых и случайных воспоминаниях о своем бурном прошлом.

Эрнест доминировал в этой компании. В те дни он был стройным мужчиной, но его баскские рыболовные рубашки в синюю полоску всегда трещали по швам на его огромном, могучем торсе. Он никогда не продергивал ремень сквозь петли своих брюк цвета хаки. Вместо этого он опоясывался поверх брюк и чуть ниже петель. Как заявила одна шокированная таким видом местная дама: «Он всегда выглядит так, словно только что натянул свои штаны, но в любую секунду готов снять их обратно».

Это был постоянный состав группы, хотя часто примыкали другие друзья, чтобы вместе отправиться на рыбалку. Они ловили рыбу в средней части канала, а также на мелководьях, раскинувшихся вплоть до Бока-Гран-де. Иногда они собирались на открытом круглодонном катере Чарльза Томпсона, прекрасной посудине с низкими бортами и множеством кают, которые Чарльз использовал для хранения черепах во время лова. Катер Бра превратился в исследовательский корабль для продолжительных путешествий. Эрнест говорил мне, что, прокладывая путь по карте, он всегда пытался мысленно запечатлеть и сохранить в памяти все увиденное. Он изучал вокруг все, что возбуждало его любопытство.

Той весной в районе Маркесас-Кис, после изрядного количества джина с лаймом, Уалдо Пирс предложил еще раз побороться с пойманным им тарпоном. Его рыба была выпущена в воду. К счастью для Уалдо, она была уже довольно вялой. На фоне мощных всплесков, криков и шуток борьба Уалдо и тарпона выглядела в духе «кто же кого ловит».

Находясь почти на полпути от Тортугаса, острова Маркесас в те времена еще не были испорчены цивилизацией. Всевозможные обломки кораблекрушения прибивало волной к берегу. Стаи фрегатов, ибисов и пеликанов гнездились на островах, особенно в северной части атолла. Рыбе внутри лагуны было настолько тесно, что барракуда собиралась стаями ближе к поверхности, лениво греясь в чистой воде. Встав ночью на якорь, всю ночь напролет можно было слышать плеск рыбы. И если что-то вдруг потревожило птиц, ты вскакивал спросонья от гама всполошившихся пернатых.

Но настоящее исследование шло в западном направлении. В районе Тортугас, за восемьдесят лет до того как он стал национальным памятником, союзники построили большой форт для использования во время блокады, названный в честь Джефферсона. Доктор Самюэл Мадд находился там в тюрьме за оказание содействия Джону Уилксу Буту в ту ночь, когда был убит президент Линкольн. В те дни никто не охранял пустой форт в Гарден-Ки от охотников за сувенирами. Команды кубинских

рыболовецких судов вывезли весь металл, который им удалось найти, и продать его как металлолом или балласт. Те удаленные рифы были настолько оторваны от остального мира, что усмиряли пыл любого человека, особенно если он отчаянно всматривался в горизонт в надежде получить хоть какую-то помощь. Когда у Эрнеста спросили мнение о книге «О реке и времени», он заметил:

– Если бы Вольф провел некоторое время на Тортугасе, он написал бы лучше.

Талантливый, но недисциплинированный писатель из Гранд-Рапидс Джон Херрманн, с которым Эрнест познакомился в Европе, любил уединение и рыбалку. У него был проницательный взгляд, хороший голос и прекрасное чувство юмора. Все это вызывало у людей безмерную симпатию. Как-то они шли в западном направлении, и Эрнест был «вооружен» бутылкой баккарди, а в арсенале Джона был фундадор. Они чувствовали себя в прекрасной форме. Пропустив несколько больших глотков, они начали петь «Вышли как-то мы в сортир…». От этой пародии на великую оперу, с веселыми вариациями на все арии из всех партий, которые они смогли припомнить, катер буквально сотрясался от хохота.

Наступил день в форте Джефферсона, когда двигатель на катере Бра перестал работать. Что-то сломалось, а запасные части можно было достать только в Ки-Уэст. В те времена было разумно брать с собой на борт подвесной двигатель. Тогда ты мог получить помощь в случае необходимости. Смотритель маяка находился на другом рифе. Он посещал маяк каждый месяц, но в Тортугасе каждый должен был заботиться о себе сам. Эти острова называли сухими, так как не было пресной воды. Случалось, что люди гибли от жажды.

В этой экспедиции у Хемингуэя был подвесной мотор марки «Джонсон».

– Вы, парни, возьмите небольшую лодку и отправляйтесь пораньше, до того как поднимется ветер, – напутствовал Эрнест Бра Сандерса и Джона Херрманна, – вы быстренько обернетесь и возвратитесь завтра вечером. Но будьте осторожны, ведь мы зависим от вас.

Как все старенькие двухтактные двигатели, этот тоже не отличался надежностью. Но на эту поездку его хватило.

Более тридцати миль открытого водного пространства разделяло Тортугас и ближайший из островов Маркесас. Но, несмотря на водяные брызги и большое волнение, мотор работал ровно. Когда они достигли с подветренной стороны мелководья в районе Косгроув, Бра сделал пометку в тетради. Остаток пути они

прошли за рекордно короткое время.

В Ки-Уэст началось веселье. Чтобы отпраздновать свой удачный переход, Джон и Бра пропустили по бутылочке. Затем они раздобыли запчасти и добавили еще. После всего этого самой разумной мыслью было остаться еще на день. Разве они только что не завершили рекордное по времени путешествие, за шестьдесят миль по морю в открытой лодке? Но похмелье требует стакана. И за первым днем последовали еще несколько дней веселья. В конце концов Джон и Бра вернулись в Тортугас бесстрашные, однако не желающие хвастаться своими подвигами. Все время стояла хорошая погода, и ее нельзя использовать в качестве оправдания. А после трех дней ожидания их возвращения Эрнест просто кипел от злости.

– Вы мерзкие, вульгарные, непристойные, такие и растакие! – Для большего эффекта он выкрикивал слова. – А если бы кто-нибудь заболел или получил рану? Бра легко руководит, но кто-то должен руководить им… Джон, что ты делал все это время?

– Мы всего лишь немного повеселились. Ты знаешь…

Эрнест знал. Джон считал, что то же самое могло произойти, будь Эрнест на его месте. Так что он считал, что после скандала должно наступить взаимопонимание и прощение. Но Эрнест мог быть строгим. И он был таким. С тех пор он и Джон больше не общались. Когда Эрнест кого-то прогонял, он гордился собой за это волевое решение. Если он решал простить, то прощенный, наверно, проводил остаток жизни в признательности за освобождение от Эрнестова варианта Ковентри, настолько сильной была нравственная позиция Эрнеста. За годы наблюдения мне никогда не встречался кто-либо из «прощенных», чей статус в глазах Эрнеста поднимался до прежних высот. Это была психологическая методика, которую он изучил на самом себе.

Это событие заставило Эрнеста почувствовать некоторое разочарование в Тортугасе. Но рыбалка там была по-прежнему прекрасной, а жизнь птиц неподражаемой. Неделями постоянно дул восточный ветер, но сейчас опасность сесть на мель была гораздо меньше из-за двусторонней радиосвязи и большого числа приезжих.

После издания книги «Прощай, оружие!» и как раз перед Великой депрессией 1929 года Эрнест решил, что пришло время перебираться на новые места и осваивать другие территории. Спортивная рыбалка у побережья Кубы вот-вот должна была начаться.

Гавана является одним из самых привлекательных, озорных,

загадочных и очаровательных городов мира. Она расположена всего в девяноста милях от маяка Сэнд-Ки на флоридском рифе. Из всех городов, выходящих на Гольфстрим, это был самый большой город в мире. Косяки всевозможных рыб проплывают мимо него. Пища у рыбы может быть от самой скудной до изобильной, но это теплое течение веками было насыщено питательными солями.

Эрнест впервые узнал о прекрасной рыбалке на другой стороне от Джо Рассела. В течение нескольких лет Джо постоянно совершал переходы между Кубой и рифами, перевозя выгодный груз спиртного. Его сила характера была за пределами возможного. Джоз был прототипом Гарри Моргана из произведения «Иметь и не иметь».

Эрнест остановился в баре Джоза на Дюваль-стрит, чтобы пропустить несколько кружек пива и поговорить.

– Эрнест, – начал разговор Джоз однажды вечером, когда они сидели в темном прохладном месте, удаленном от двери заведения, – здесь нет большего удовольствия, чем поймать огромную рыбину.

Он рассказывал о ловцах марлинов, которых часто встречал за много миль от берега на их открытых лодках. По словам Джоза, они занимались ловлей рыбы для продажи, с риском для жизни и в неравной схватке боролись за свое существование. Но им хватало на жизнь, поскольку крупная рыба там действительно водилась.

Для начала Эрнест зафрахтовал тридцатичетырехфутовое рыболовецкое судно Джоза, называвшееся «Анита». Они закинули снасти вдали от Гаваны, используя «Коджимар», а затем «Мариэль» и «Багиа Хонда» для ловли крупной рыбы. Они купили наживку у одного местного моряка и рыбычили по течению, перемещаясь то на восток, то на запад, в зависимости от сообщений местных ловцов, глубины и наличия рыбы.

«Анита» была судном с низкими бортами, как для ловли губок. Ее кабина была меньше межпалубной высоты. С надежным, не особенно быстрым двигателем «Кермат», мощностью сто лошадиных сил, «Анита» с ее низко сидящей кормой никогда не давала больше восьми узлов. Но у нее был прекрасный ход, на палубе была защита от солнца, а на корме достаточно места, чтобы бороться с большой рыбой, сидя на любом кресле. После одного особенного лета ловли марлина в корпусе «Аниты» осталось восемь следов от удара меч-рыбы. Она была создана для настоящих мастеров своего дела, просто прекрасное судно.

В те времена Гавана была очень гостеприимным городом. И хотя она недалеко от Соединенных Штатов, постоянно живущие в

ней американцы любили принимать своих соотечественников.

Среди первых друзей Эрнеста были Грант и Джейн Мейсон. Эта дружба пережила большие изменения. После Грант стал местным менеджером компании «Пан Америкэн» в первые годы ее существования. Крупного телосложения, поразительно красивый мужчина, он не упускал удачу, но ему было суждено сделать нечто особенное в своей жизни.

Его жена Джейн была светской красавицей из семей Кендалл и Ли. У нее были большие глаза и прекрасные черты, которые подчеркивались мягко ниспадающими светлыми волосами. Даже Кулидж по прозвищу Безмолвный Кэл не смог удержаться от комментариев, когда впервые увидел ее. По его словам, она была той молодой девушкой, у которой есть все шансы войти в Белый дом.

Мейсоны были на удивление радушной и открытой парой. После общения с высшими слоями светского и дипломатического общества в Вашингтоне у Джейн везде были друзья. Она провела целое лето с нашей сестрой Кэрол, удерживая удочки в перерывах между ловлей, пока Эрнест направлял судно от северного побережья Кубы. Она была просто создана для рыбалки. Ее чувство юмора и спортивная форма были просто непревзойденными.

Джейн любила выпить и умела держаться, что по достоинству ценил Эрнест. Для полного удовольствия они иногда гоняли по стране на ее маленьком спортивном автомобиле импортного производства. В этих поездках было нечто большее, чем обычное управление автомобилем.

Перед обедом они выпивали изрядное количество вина и садились за руль. Смысл в следующем: выигрывал тот водитель, чей пассажир мог ехать долго, не сказав «потише» или «осторожней». У водителя было право съехать с трассы и фактически мчаться по бездорожью. Канавы, изгороди, заборы и колючки были обычной опасностью. К этой же категории относились домашний скот, белые цапли, королевские пальмы и упавшие деревья. Повозки, припаркованные машины или углы домов оценивались в одно очко каждый. Но в них нельзя было врезаться, позволялось только слегка задеть.

Джейн и Эрнест по очереди садились за руль. Игра продолжалась, пока кто-то не просил остановиться. Это была простая детская игра, проводимая в самых суровых условиях, какие только можно было вообразить.

– В отношении моей победы Эрнест всегда оставался джентльменом, – вспоминала Джейн, – но я проиграла столько раз, сколько и выиграла, потому что когда он управлял машиной,

то снимал свои очки на случай серьезной аварии. У него была страшная близорукость, и иногда он просто не видел всего, чтобы испугаться, а я приходила в ужас.

Грандиозные вечеринки с возлияниями устраивались на борту сорокашестифутового крейсера фирмы «Мэтьюс» под названием «Пеликан», принадлежавшего Гранту Мейсону, а также в их резиденции в Джаманитасе и баре «Флоридита». Все же ни одна из этих вечеринок не сравнится с народными праздниками, происходившими во время компарсас, больших фестивалей танцев в Гаване во времена Марди Грас. Тогда весь город сходил с ума.

Как-то Эрнест и Грант, в стельку пьяные, прошлись по всем окраинам Гаваны после лучшего в мире бренди из отборного винограда. Та вечеринка продолжалась два дня и перешла в третий.

Эрнест был на Кубе вместе с Джо Расселом и Чарльзом Томпсоном на судне «Анита». Это был незабываемый сезон. Они поймали марлина общим весом около тысячи фунтов за несколько дней рыбалки вдоль побережья. Ни один иностранец не мог заниматься коммерческим ловом рыбы в кубинских водах, но рыбакам-спортсменам позволялось продавать марлинов за символическую сумму. В этом самом походе, когда они ловили рыбу в течение нескольких недель, Эрнест не встречался с Грантом. Потом погода испортилась. Пристав к берегу к западу от Гаваны в Джаманитасе, Эрнест вместе с Джози и Чарльзом решили нанести визит старому доброму Гранту. В Джаманитасе была совершенно убогая гавань. В тот вечер им больше хотелось компании, чем выпивки. Джейн уехала на север, это первое, о чем они узнали. Мрачная погода навеяла на Эрнеста уныние. Грант сыпал шутками, но это не помогало. Это был Грант, летний холостяк на час, практически избегающий старого приятеля по рыбалке. Таково было впечатление Эрнеста.

Надеясь вывести Эрнеста из этого состояния, Грант произнес:

– Эрнест, у меня для тебя припасен сюрприз! Новый способ выпивки под названием «карбюнасьон».

Эрнест подозрительно взглянул на Гранта, но остался сидеть, ссутулившись в своем кресле, пока Грант продолжал:

– Он основан на принципе карбюрации в хороших моторах. Тебе нужно в первую очередь хорошее качество смеси!

– Это из чего же?

– Конечно, из прекрасного коньяка!

– А что, у тебя завалялось еще? – В глазах Эрнеста блеснул интерес.

На той неделе Грант приобрел пять дюжин ящиков на

аукционе спасенных вещей с потерпевшей кораблекрушение французской шхуны. Он вытащил пару бутылок, чьи пострадавшие от воды этикетки носили марку легендарного коньяка «Кастильон».

– Набери полный рот, – инструктировал Грант, – но сразу не глотай. Поболтай его во рту полминуты. Держи его. А теперь через нос выдохни весь воздух из легких.

Отлично! Теперь проглоти коньяк. Открой свой рот. Быстро! Вдохни глубоко, как только можешь!

Улыбка признательности медленно озарила лицо Эрнеста.

– Ты понял? – Грант торжествовал. – Она входит в твои легкие мельчайшим туманом. Проникает в твою кровь быстрее и, как карбюратор, дает лучшую топливную смесь для мотора.

Быстро принесли стаканы. Скоро комната наполнилась звуками выдохов, похожих на звуки агонии умирающих морских свиней, за которыми после приема дозы следовали глубокие вздохи удовлетворенности. Чарльз и Джози скоро пришли к выводу, что с них достаточно, и решили возвратиться на судно для ночлега. К тому времени энтузиазм Эрнеста в отношении новой техники поглощения спиртного и восторг Гранта, как учителя, уже не знали границ.

– Почему эти честные рыбаки должны сидеть в баре и греметь костяшками домино, когда они могут насладиться благом человеческим? – с негодованием в голосе спросил Эрнест.

Как пара веселых Санта-Клаусов, согнувшихся от веса ящиков прекрасного коньяка, Эрнест и Грант пошли по улицам Джаманитаса, барабаня в шаткие деревянные двери.

– Многих рыбаков накачали в ту ночь коньяком, – вспоминал Грант, – каждый получатель постигал искусство «карбюнасьон».

Эрнест и Грант распределили три дюжины ящиков между ними. Об их невероятной щедрости рыбаки узнали несколько позже. Грант купил коньяк на аукционе по пять долларов за ящик. Но тот коньяк был из последней партии товара, произведенного преемником винных погребов Кастильона во Франции. Это была редкость. Рыночная цена равнялась сорока долларам за бутылку, а сейчас оставалось меньше дюжины бутылок. Их оценили более двухсот долларов за штуку.

Все же вечеринка Мейсона – Хемингуэя не нанесла им урон. Возможно, суровые рыбаки не испытали истинного восторга от редкого коньяка. Но они были достаточно признательны и никого не винили за чудовищное похмелье. Во время восстаний, вспыхнувших на Кубе через несколько лет, много домов в Джаманитасе было разграблено и сожжено. Что же случилось с домом Гранта Мейсона? Его не тронули. Напротив, местные

жители называют его не иначе, как «дом нашего друга, сеньора Мейсона. Именно этот гринго изобрел «карбюнасьон».

Даже спортивная рыбалка не могла постоянно удерживать Эрнеста на Кубе. Поймав сотню-другую марлинов, он съездил в Ки-Уэст, снова посетил Канзас-Сити по случаю рождения своего третьего сына, Грегори Хэнкока Хемингуэя, и охотился на перепелов в штате Арканзас, недалеко от Пигготта, где жили родственники Полин. Осенью он любил охотиться на крупного зверя на ранчо Эл-Бар-Ти в штате Вайоминг.

Осенью 1930 года на западе страны во время охоты на лося открытый «форд» Эрнеста был снесен с дороги встречной машиной. Его машина перевернулась, а правая рука оказалась придавленной верхом ветрового стекла. Был серьезный перелом, и осколки костей торчали наружу. Потом была мучительная поездка в больницу за сорок с лишним миль по разбитой дороге. Эрнест держал свою правую руку крепко зажатой между коленями, а левой оттягивал место перелома, пытаясь не давать острым осколкам дальше раздирать ткани. Тем не менее значительную часть мышцы пришлось удалить. Было очень трудно сложить кости вместе из-за того, что мышцы постоянно вызывали смещение. В конце концов, после десяти попыток их надпилили и скрепили сухожилиями.

Скоро распространилась весть о том, что Эрнест находится в больнице города Биллинга, штат Монтана, и серьезный, начитанный молодой корреспондент решил проявить свою прыть. Его настолько впечатлила правдивость произведения «И восходит солнце», что он был полностью уверен в том, что его автор страдает от потери части или даже всего полового органа. Он решил, что пробил его час рассказать правду и этот шанс нельзя упускать, какой бы бестактной ни была тема. Спустя годы корреспондент поведал мне эту историю, повествуя о том, как Эрнест заставил его заикаться от смущения. Он всетаки задал этот вопрос напрямую. Чуть не лопнув от смеха, Эрнест откинул простыню, продемонстрировав все, чем наградила его природа. Взволнованный корреспондент удалился, а об этом анекдотичном случае быстро разнеслась молва.

Эрнест вернулся в Пигготт осенью 1931 года после рождения Грегори. К тому времени уже была завершена работа над первой киноверсией романа «Прощай, оружие!». Студия настаивала на проведении премьеры показа в Пигготте, который тогда знали как дом Эрнеста. Несомненно, студия рассчитывала на благосклонную публику. Но здесь все закончилось большим разочарованием. Эрнесту не понравились заблаговременные

приготовления, когда он узнал о них, и он спокойно отказался присутствовать на первом показе.

В первую неделю премьеры фильма я прибыл в Пигготт поохотиться на перепелок. Приглашение Эрнеста было не из тех, которое можно игнорировать. К нему прилагался чек, более чем достаточный для покрытия расходов на поезд, а еще шесть коробок патронов. И эта неделя была незабываемой.

В первую ночь я спросил о том, какое впечатление на зрителей произвела картина.

– Что тебе сказать, Барон? Сходи сам. И возьми с собой Джинни.

Я пошел с сестрой Полин Вирджинией. После, когда он спросил о том, насколько точно были отражены в фильме события, мы рассказали ему. Я спросил, почему он сам не идет смотреть.

– Не пойду. Смотреть его сейчас плохая примета.

На следующее утро мы плотно позавтракали еще до восхода солнца и посадили собак на заднее сиденье машины. Бамби лежал с температурой и больным горлом, поэтому не мог к нам присоединиться. Мы отправились к ферме нашего друга, до которой было несколько миль пути. Дорога представляла собой сплошную грязь. Когда солнце начало растапливать подмерзшую жижу, машина остальную часть пути шла юзом, поднимая брызги.

– После полудня на обратном пути будет еще хуже, – сказал Эрнест, – но к тому моменту мы успеем славно поохотиться, и это немножко поднимет нам настроение.

Я поинтересовался насчет собак, двух пойнтеров, находящихся в дорожных сундуках с приоткрытым верхом, чтобы им было чем дышать.

– Коричневая с белым это уже взрослая сука, – ответил он, – а черно-белый – молодой пес. У него прекрасный нюх, но он все еще любит погоняться за кроликами. Лучше займись его обучением.

Когда достигли дальнего края большого поля, мы вырулили из колеи и выпустили собак. После того как они немного пришли в себя от поездки, собаки рванули вдоль поля. Молодой пес рыскал повсюду.

В тот холодный день начала декабря, направляясь ближе к линии деревьев с уже облетевшей листвой, взрослая собака неожиданно замерла и сделала стойку. Она находилась примерно в тридцати ярдах впереди нас. Эрнест махнул мне рукой, и мы направились по жнивью к собаке.

Мы уже почти приблизились к ней, когда одна большая перепелка, а за ней другая вспорхнули из редкой травы и,

распушив хвосты, полетели прочь над низким кустарником вдоль деревьев. Эрнест выстрелил и попал в одну. Он снова нажал на курок, а затем и я. Вторая птица продолжала лететь по кривой, а потом упала вдали в кустах.

– Неудача, братишка! Но одна перепелка у нас уже есть. А сейчас посмотри, что может умное животное.

Он махнул рукой вперед, и собака, сделав большой прыжок с места, начала искать в той стороне, где упала первая птица. Она вернулась через минуту, вся мокрая от быстрого бега по траве и стерне. Ее челюсти осторожно сжимали птицу.

– Хорошая собачка! – Эрнест взял перепелку, оторвал ей голову и бросил рядом на землю, наблюдая, как собака расправляется с ней, пока он убирал добычу. Затем он перезарядил ружье. Он продолжал говорить, пока мы двигались к дальней линии деревьев.

– Я полагаю, по второй птице ты выстрелил чуть ниже. Попробуй взять другое упреждение и всегда продумывай, куда бы ты полетел, если был птицей. Почти всегда они летят к ближайшему укрытию. Ей нет необходимости улетать от тебя. Так что думай как птица, и у тебя будет больше добычи. К тому же охота станет более впечатляющей. Смотри, собака еще что-то почуяла!

Мы продолжили свой путь через поле. К обеду, когда закончили готовить сандвичи, мы успели обойти несколько болот. Мы перелезали через какие-то изгороди, прыгали через большие канавы и добыли четырнадцать птиц. А сандвичи – это просто мечта охотника! Я спросил о том, где ему удалось достать куски мяса такого огромного размера.

– Это лосиный бифштекс с нашей последней охоты на западе.

– Но кто-нибудь мог его порубить?

– Производится только в большом экономичном размере.

Он подмигнул и снова набил полный рот. Хлеб был домашней выпечки, а сандвичи получились из мелковолокнистого мяса толщиной полдюйма и по меньшей мере в фут шириной.

После полудня нам несколько не повезло с молодой собакой. Мы повстречали компанию охотников – троих мужчин. Двое из них были местными жителями. Один нес на плече сумку с добычей. Третий, одетый в чистую куртку, был из города. У него была автоматическая винтовка, но он шел без сумки для дичи. Встреча произошла вскоре после того, как молодая собака эффектно пронеслась мимо, когда мы подстрелили одинокую птицу, упавшую рядом с остальной группой. Затем впереди собаки из низких кустов выскочил американский кролик и

помчался прочь по широкой дуге. Собака возвратилась спустя некоторое время с высунутым языком и надеждой на похвалу. Это же была великолепная погоня! Пес просто погнался за кроликом, когда ему надо было сконцентрировать свое внимание на птицах. Когда он прибежал назад, Эрнест нагнулся, схатил его за шкуру на спине и сильно встряхнул.

– Забудь о кроликах… забудь, ты понял меня? Потом он отпустил пса, встал и аккуратно перезарядил ружье.

Другая группа охотников наблюдала за этой сценой. Их собаки находились вдалеке. Очевидно, у них было разрешение охотиться на той же территории, что и мы. Мы были незнакомы, но кивнули друг другу. Один из местных, что был повыше, заговорил:

– У меня как-то была собака, неравнодушная к кроликам. Знаете, как я отучил ее от этого?

– Она из помета этого года. Мы обучаем ее, – ответил Эрнест.

– Моя псина гонялась за кроликами до поры до времени, но потом перестала. Знаете почему?

– Почему же?

– Да всадил в нее с шестидесяти ярдов восьмой номер картечи.

Человек из города начал было хохотать, но осекся. Эрнест только посмотрел на них. Больше мы не разговаривали. Внезапно мы пошли прочь. Я обернулся назад. Они продолжали пристально смотреть нам вслед.

Остальное время после полудня мы охотились на одиночных птиц, разлетевшихся из большой стаи, обнаруженной молодым псом. Вся стая неожиданно вспорхнула вокруг него, когда он в одиночку вышел на место, в то время как более взрослая собака держалась поодаль.

Из разлетевшихся по разным местам птиц мы настреляли еще семь. Эрнест подбил четыре, а я три. Для этого потребовалось много ходить, но молодая собака уже была более сдержанной в своих действиях. Когда перешли на другой конец поля, взрослая сука несколько раз показывала молодому псу, как нужно действовать и куда смотреть, подобно добросовестному посыльному из собачьего банка в момент ограбления.

Мы уже прилично устали и были полны хорошими впечатлениями об удачном дне, когда Эрнест перешел на другую тему разговора.

– Очень трудно объяснить, почему они сделали это, Барон, – сказал он, кивнув в сторону, где мы встретили других охотников, – ты думаешь, что они поступили лучше, но никто не имеет права властвовать над животным и убивать даже с целью

наказания. Преследование дичи не что иное, как инстинктивный порыв, и мне будет чертовски приятно, если ты это усвоил, Барон. Чем быстрее ты поймешь это, тем лучше будет результат, как и в других делах. Но эти сукины сыны поступили по-своему…

Он нашел тропинку, и мы пошли назад к автомобилю. Ноги ныли от усталости, царапины от колючек причиняли боль, и добыча была довольно тяжелой. На другом конце большого поля мы заметили собак, намного опередивших нас.

Начало следующего дня выдалось получше. Воздух был холоднее, и земля оставалась замерзшей до десяти часов утра. Тогда мы охотились в районе ферм рядом с большой рекой, и с нами была другая собака. Это был очаровательный рыжий сеттер, выращенный шурином Эрнеста Карлом Пфайффером.

По направлению к Миссисипи простирались затопленные земли, что сделало окруженные водой возвышенности просто бесценными для молодых птиц, появившихся на свет прошлой весной. У этого молодняка еще не было опыта выживания взрослых птиц. Но у них были те же потребности. И из-за своего рвения собираться стаями на вершинах выступающей из воды суши, дамбах и на заросших колючим кустарником островках они становились прекрасной добычей.

– Я пойду по этой канаве, а ты по другой, Барон. Мы встретимся на пересечении. Но присматривай за собакой. Она будет учить тебя в мое отсутствие.

Эрнест ухмыльнулся и пошел прочь. Я знал, что не только собака наблюдает за обстановкой.

Я слышал бабаханье его двустволки, периодически раздававшееся в спокойном воздухе. Большую часть времени стрелял только он. Я стрелял из своей одностволки двадцатого калибра. На второй день охоты то ли птицы летали более спокойно, то ли я стал стрелять лучше. В такой прекрасный день звук моего ружья казался позорным грохотом. Но птицы заманчиво и шумно вспархивали, и каждая падала с приносящей удовлетворение изящностью, а мелкие перышки и пух покачивались от легкого ветерка на поверхности воды.

– Пусть все решения принимает собака. У нее – опыт охоты больше, чем у тебя, – сказал Эрнест, когда мы встретились в боковом ответвлении канавы. Я заметил, что эта собака никогда не оглядывается назад и обычно приходит именно к тому месту, где упала подстреленная птица, будь это даже кустарник. – Я охотился с ней шесть недель, – сказал он, – но тебя она тоже уважает. Потому что ты подстрелил птиц, на которых она тебя вывела, когда ты шел и заставлял их покидать убежище. Продолжай стрелять в том же духе, а когда соберешь добычу, то

отдай ей головы.

Он нагнулся и погладил рукой по голове молодого пса. Собака возбужденно посмотрела вверх.

– Ты можешь сразить пулей кого-то совершенно спокойно, даже если он пытается убежать. Или поймать кого-то, когда он всеми силами пытается вырваться. Но ты всего лишь ощутишь старые примитивные чувства. Ты тоже это чувствуешь, не так ли, малыш?

– Да, но не всегда. Иногда я хочу, чтобы они спаслись от меня.

– Но не тогда, когда ты голоден. Но возможно, у меня большая страсть к ловле, нежели к еде. Могу тебе с уверенностью сказать, что лучше это ощущать, чем анализировать.

В тот день мы много говорили. Эрнест рассказал мне о том времени, когда отец взял его на охоту в районе фермы дяди Фрэнка в Карбондейле, штат Иллинойс. Охота прошла замечательно, а отец был поражен способностями Эрнеста.

– Но как-то мне тоже не повезло. – Он рассмеялся.

Он рассказал мне о мальчишке по имени Рэд, поколотившем его после того, как, постреляв голубей около амбара, он нес часть добычи соседу. Он рассказал также, что чуть не застрелил другого охотника из ружья, которое ему доверили нести во время ночной охоты на енотов.

За год до смерти отца он снова взял меня на охоту в район фермы дяди Фрэнка. Но у него были проблемы с лицензиями. Я спросил Эрнеста, почему мне не требуется лицензия в Арканзасе.

– Ты являешься членом семьи. Если ты находишься на своей земле или охотишься на территории, принадлежащей твоим друзьям, никто не задаст тебе никаких вопросов. Они посчитают меня сумасшедшим, если я попытаюсь купить лицензию. В других штатах все по-другому, но здесь такие правила.

Мы поговорили об эпизоде с цаплей, происшедшем в Мичигане. Я упомянул о том, что отец рассказал мне, как плохо он себя чувствовал из-за того, что не был там, рядом с Эрнестом, и не помог ему, когда случилась беда.

– Пусть это будет еще один урок, Барон. Старайся всегда держаться подальше от судов, не важно, будут ли на то причины. Они могут схватить тебя, одурачить, а потом ты окажешься по уши в дерьме. Вот так наши юристы применяют закон.

На третий день мы пробирались по труднопроходимой местности. И хотя она изобиловала колючими зарослями, говорили, что там полно птиц. Несомненно, птицы там были. Вид и звук потревоженной большой стаи, шумно вспорхнувшей в возбуждении, шокировали собак. Их бока мелко дрожали, мои,

вероятно, тоже, когда мы стреляли, перезаряжали, запоминали, где упала подстреленная птица и какую надо преследовать. Потом мы шли вперед так быстро, как только могли, чтобы не упускать из виду собак, пока те с шумом рыскали по колючему кустарнику. Нам нужно было знать, где они находятся, когда обнаруживали новую дичь и застывали в стойке. Под одним колючим кустом птицы были настолько крупные, что мы тоже ощутили их запах.

– Ты чувствуешь это, Барон? – Эрнест вдыхал воздух, его глаза смотрели куда-то вдаль.

– Хм. Похоже на запах птиц, но может быть, пахнет сыростью?

– Вот именно. В первый раз ты был ближе к истине. – Он поднял свою голову и закрыл глаза. – Они там!

Он жестом показал направо. Там три собаки собрались вместе у колючего куста, коричневатого от мороза в некоторых местах. Листья под колючками не позволяли увидеть дальше чем на фут.

Когда собаки стали продвигаться ближе, неожиданно страшный шум заставил нас выстрелить навскидку. Мы перезарядили и выстрелили снова, когда большая перепелка с шумом выпорхнула из-под этого невероятного колючего куста.

Затем наступила тишина. Собаки начали рыскать по подлеску, устраивая возню с ранеными птицами и притаскивая убитых к нам. Я пробирался осторожно, налегке и неудачно упал вперед, пытаясь дотянуться до птицы прямо передо мной. Я все-таки достал, сломав несколько колючек, вонзившихся мне в ноги. Эрнест смотрел, наблюдал за собаками, мною и вспоминал, где еще падали птицы. Мы не собирались потерять хотя бы одну, представляя, как их можно окунать в смесь хлебных крошек и яиц, а потом ставить на пропарку в кастрюле. Когда я возвратился с птицей в руке, вспотевший и счастливый оттого, что хотя и с трудом, но все-таки нашел ее и не упустил этого случая, Эрнест сделал глоток из своей плоской серебряной фляжки.

– Ты видел, что одна упала, а собаки ее потеряли? Хорошая была охота, Барон… Я просто ощущаю прилив сил. – Он похлопал себя ниже пояса. – Прекрасное чувство, когда ощущаешь их взлет, стреляешь и смотришь, как они падают.

Он отвернулся. Я видел, как он опрокинул фляжку. Затем он выдохнул, как человек, только что утоливший жажду чем-то более приятным по сравнению с обычной жидкостью. Он молча предложил мне. Запрокинув голову, я отхлебнул, и он убрал фляжку. Какая бы ситуация ни встречалась в нашей жизни, мы всегда оставались братьями.

В тот его визит в Оук-Парк у нас было много времени для обсуждения семейных проблем после смерти отца.

– Как тебе там живется? Ты можешь приехать в Ки-Уэст, если захочешь. Но будет проще, если ты останешься с матерью до тех пор, пока не закончишь колледж. Тогда ты сможешь свободно перебраться туда. И ты многое поймешь в жизни, сделав это по своей инициативе.

Вскоре после смерти отца, когда книга «Прощай, оружие!» дала ощутимый доход, они с Полин создали доверительный денежный фонд. Он внес тридцать тысяч, а Полин двадцать тысяч долларов, так что наша мать могла иметь достаточный доход на всю ее жизнь. Затем эта сумма должна была распределиться между Кэрол и мной по десять тысяч, нашими старшими сестрами Урсулой и Санни по пять, а Полин возвращались ее двадцать.

Наша мать была талантливой и в музыке и в искусстве, но была слишком далека от всех тонкостей управления домами, собственностью и от решения финансовых проблем. Ее доход, даже после создания Эрнестом доверительного фонда, серьезно пострадал во время Великой депрессии, и Эрнест беспокоился об ее существовании.

На станции, когда я как раз собирался сесть на поезд до Оук-Парк, Эрнест повернулся ко мне:

– Ты уверен, что денег хватит на обратный путь?

– Абсолютно, ведь ты дал на всю поездку.

– Лучше иметь запас на всякие непредвиденные обстоятельства.

Он вытащил из кармана рубашки увесистую пачку банкнот и отделил приличную часть. Эта способность испытывать радость от щедрости приносила ему невероятное удовольствие. Он хорошо помнил дни, проведенные в нищете, когда он только начал писать.

Я провел прекрасные каникулы, узнал много нового и проникся еще большим уважением к Эрнесту за его умение охотиться на птиц. Его исправленное очками зрение все равно было не идеальным. Но у него было удивительное чувство того, куда надо нацелить ружье и как быстро надо его вести, чтобы попасть в непростую цель, когда охотишься в низине на перепелок.

За первые четыре года жизни Эрнеста в Ки-Уэст они вместе с Полин каждый год навещали дом Пфайффера в Арканзасе. Они были в Канзас-Сити по случаю рождения каждого из их двоих сыновей и находили время для охоты на крупную дичь на западе страны. Они оставались во Флорида-Кис на время прекрасной зимней погоды, а весной и летом часто выходили на рыбалку.

Макс Перкинс, редактор Эрнеста в издательстве «Скрибнерс», был хорошим компаньоном в рыбной ловле. Но Макс был старше Эрнеста, а последний всегда был недоволен жизнью, когда рядом с ним не было духовного младшего брата. Ему был необходим кто-то, кому он мог что-то показать или чему-то научить. Он нуждался в слепом поклонении. Если младший брат мог продемонстрировать благоговейный трепет, то это существенно улучшало отношения. Я был хорошим младшим братом, когда находился рядом, но это не могло длиться постоянно.

Джейн Мейсон стала другим младшим братом, когда начались летние походы на ловлю марлина в сторону Кубы.

Когда Джейн и Грант усыновили двух мальчиков, Эрнест стал крестный отцом старшему из них, Энтони. Как крестный, он должен был показывать пример, и Эрнест всю жизнь оставался верным своим обязанностям.

В 1932 году Эрнест начал развивать еще одну дружбу, что глубоко повлияло на его творчество, равно как обеспечило его еще одним духовным младшим братом. Он начал общаться с Арнольдом Джингричем. Вопреки мнению, что эти двое были старыми военными приятелями, Арнольд и Эрнест даже не встречались до этого, но они переписывались в течение многих месяцев, когда Арнольд редактировал и готовил основной объем публикаций для «Аппарел артс», прекрасного и внешне привлекательного журнала, издаваемого в Чикаго.

Арнольд был примерно одного возраста с Эрнестом. Он провел свое детство в Мичигане, где его отец был большим мастером резьбы по дереву. А Арнольд полюбил ловлю форели с такой же страстью, как и Эрнест.

К осени 1932 года переписка между этими двумя писателями переросла в теплую дружбу, и они обсуждали идеи, которые могли лечь в основу великих произведений. Тогда Арнольд пообещал выслать Эрнесту полную подборку материалов «Аппарел артс», если Эрнест надпишет ему на память свое произведение «Смерть после полудня» первого издания, о котором он отзывался как о величайшей поэме, когда-либо видевшей свет. Это было интригующее предложение, потому что за несколько лет писательского творчества Эрнеста впервые кто-то реально предложил в некотором роде обмен ценностями вместо того, чтобы предложить писателю сделать просто подарок. В декабре того года Эрнест написал Арнольду, что он с удовольствием надпишет книгу, если тот вышлет ему свои материалы в Ки-Уэст в любое время в течение ближайших трех месяцев, когда он будет уверен, что получит их. Он добавил, что ему будет очень приятно иметь при себе копии журнала

Арнольда, и он с надеждой ждет их. Через непродолжительный промежуток времени пришла настолько тяжелая посылка, что служащий почты вспотел, пока выдавал ее мальчику, присланному забрать почту Эрнеста. Когда посылку принесли в дом, она оказалась заполненной журналами «Аппарел артс» весом по три фунта каждый.

– Если бы у нас были деньги, я бы помчался покупать эти кожаные куртки, рекламируемые на иллюстрациях, – сказал он Полин.

Подарок Арнольда положил начало дружбе, продлившейся долгие годы. Благодаря его великодушию я могу воспроизвести многие важные моменты в биографии Эрнеста. В начале 30-х годов Эрнест впервые вышел на народную, нелитературную публику с помощью нового журнала, организованного под редакцией Арнольда. Они впервые встретились во время приезда Эрнеста в Нью-Йорк в середине зимы, куда Арнольд тоже прибыл по делам. За выпивкой они обсуждали рыбалку и писательское творчество, пока Эрнесту не пришлось поторопиться обратно в отель, чтобы успеть упаковать вещи и сесть на поезд.

В конце той весны Эрнест сказал, что за время, прошедшее с момента их встречи, он написал три рассказа и около пятидесяти страниц романа. По его словам, работа шла замечательно, так как погода стояла прекрасная и он хорошо себя чувствовал. За день до этого он завершил работу над длинным рассказом, а сейчас сделал передышку, чтобы лично написать мистеру Джингричу.

Пародия на Уолтера Уинчелла, присланная ему Арнольдом, заставила Эрнеста встать на защиту Уинчелла. По его словам, написавший пародию Пеглер, может быть, и неплохой писатель, но ни на йоту не является журналистом, потому что Уинчелл лучший мастер в написании газетных статей. Эрнест признавал, что Пеглер пишет очень неплохо о спорте, но в этом направлении легко работать. А Уинчеллу приходилось пахать по шесть дней в неделю. И если он решил написать сентиментальную чушь о его семье в не самый лучший период жизни, то тем самым сформировал о себе впечатление на будущее.

Отвечая на комментарии Арнольда об Эзре Паунде, Эрнест высказал надежду на то, что ему удалось прочитать все до последней строчки из написанного Эзрой, а самым лучшим, на его взгляд, произведением является «Кантос», хотя это дело вкуса. Признавая то, что в «Кантос» были использованы некоторые утратившие актуальность шутки и было много другой чепухи, Эрнест отметил божественную поэзию, отличающую это произведение.

Ссылаясь на ежеквартальный план публикаций Арнольда,

Эрнест сказал, что у него есть две линии поведения относительно продажи материала. Если публикация была некоммерческой и издавалась ради поддержания переписки, он мог подарить материал или принять незначительный гонорар. Но, высказывая просьбу вернуть рукопись, он часто обнаруживал, что чистосердечный любитель писем уже продал ее кому-то от десяти до ста раз дороже суммы, выплаченной Эрнесту за рассказ или статью. А Эрнесту затем приходилось разрывать брошюру и использовать ее в качестве рукописи, когда приходило время публиковать сборник рассказов. Его второй линией поведения было предъявление всем коммерческим журналам требования выплачивать самую высокую цену, которую они кому-либо платили. Это заставляло их высоко ценить труд человека, а потом они начинали понимать, какой ты прекрасный писатель.

В своем письме Арнольд внес конкретное предложение: Эрнест не должен делать изменений в рукописи, а Арнольд будет выплачивать в виде аванса двести пятьдесят долларов за каждую отдельную статью, которую Эрнест соблаговолит написать. Эрнест ответил, что за последние двенадцать месяцев он несколько раз крайне нуждался в этих самых двухстах пятидесяти долларах. Хотя он знал, что уже мог бы получить неоднократно за свое творчество ту сумму, которую предлагал Арнольд. Что касается рассказов, то, по мнению Эрнеста, те, которые он еще не опубликовал, могли бы спровоцировать конфликт между новым журналом и властями. Кроме того, он хотел придержать некоторые произведения для публикации после смерти на случай оплаты похоронных услуг, поскольку у него не было никакого страхового полиса, кроме своей личной ответственности. И к чему это все приведет? К тому, что двести пятьдесят долларов – прекрасная сумма для карманных расходов, но совершенно несерьезная, чтобы о ней можно было вести переговоры, как выразился Эрнест.

Он сообщил Арнольду о том, что 12 апреля собирается дойти до Кубы на маленькой лодке и пару месяцев половить рыбу вдоль побережья в том случае, если он поедет в Испанию снимать кинофильм. Если не будут решены вопросы с организацией съемок, он будет рыбачить четыре месяца, а потом отправится в Испанию. А если вдруг ему потребуются двести пятьдесят долларов, он все бросит, напишет что-нибудь и телеграфирует Арнольду, если это будет приемлемо. Из Испании он планировал отправиться на озеро Танганьика, а потом в Абиссинию на охоту. Он полагал вернуться к январю.

Арнольд рассказал некоторые подробности о журнале Эрнесту. Он сообщил о том, что журнал приходится издавать

ежеквартально, поскольку для этого пока можно обходиться небольшим коллективом сотрудников. Но он надеется превратить его в журнал потребителя, который станет для американских мужчин таким же изданием, как «Вог» для женщин. Он рисовал в своем воображении прекрасных рекламодателей и обратил внимание Эрнеста на то, что, если он даст ему свои размеры, он попытается получить несколько образцов одежды для улицы, которые будут использованы для иллюстраций. И кроме того, они будут прекрасно смотреться на Эрнесте.

В связи с предстоящим отъездом Эрнеста в Африку Арнольд рассчитывал, что Эрнест напишет четыре журнальные статьи в течение следующего года, и обещал одинаковую оплату за каждую, можно даже авансом, если Эрнест пожелает. Он предложил готовить статьи в форме писем. Их легче писать, и они не отнимут много творческого времени у Эрнеста. Затем он задал несколько главных вопросов о самом начале его творчества и был поражен той страстью, с которой Эрнест устремился к литературному творчеству.

Отвечая в начале апреля 1933 года, Эрнест в первую очередь выразил восхищение Арнольду по поводу его письма, а потом энергично перешел к тому, что Арнольд должен быть в полной готовности на случай всевозможных грядущих доходов от рекламодателей журнала. Он сказал, что размер его воротника семнадцать с половиной, он носит куртки сорок четвертого размера, но сорок шестой смотрится на нем даже лучше. Он носит туфли одиннадцатого размера по полноте и брюки тридцать четыре на тридцать четыре. Он сомневается, что они смогут изобразить все эти размеры на фотографии, но если у Арнольда все же есть подобные вещи, то пусть отошлет ему посылку до востребования, а он дает обещание их носить.

На следующий год, когда я увидел его изящно одетым в куртку из оленьей кожи и занимающимся разделкой двух больших рыбин в доке Томпсона, у меня зародились некоторые сомнения относительно его позиции.

– Эй, Стайн! Ты что, планируешь демонстрировать модели одежды?

– Послушай, Барон, – сказал он, – ни слова больше об этом, или ты будешь плавать там, вместе с рыбьими кишками.

Глава 6

Любопытное событие произошло весной, когда Эрнест и Полин впервые начали готовиться к сафари. Однажды в середине апреля какой-то мужчина позвонил в дверь нашего дома в Оук-Парк. Я только что пришел домой из школы и обнаружил, что у матери сильная головная боль и она отдыхает на верхнем этаже. Идя к двери, я видел, как посетитель ходил взад и вперед по крыльцу, как будто чего-то боится или нервничает.

Незнакомец оказался высоким мужчиной с усами.

– Миссис Хемингуэй дома?

– Да, но она неважно себя чувствует. Могу я вам чем-то помочь?

– Мне хотелось бы с ней поговорить, – ответил он.

– Может быть, все-таки я могу решить ваши проблемы? Она не спустится сегодня ради чего-либо меньшего, чем визит пожарной команды.

Это была стандартная уловка для торговца.

– Ха-ха! Я что-то вроде этого. – Он нервно рассмеялся. – А ты кто?

– Я ее сын.

– Так, значит, ты Лестер. Это всего лишь дружеский визит. Я приду в другой день. Недавно я видел твоего брата в Пигготте.

– Неужели? Когда это было?

– В прошлом месяце.

– Я полагал, что после Рождества он находится в Ки-Уэст.

– …Возможно, это было раньше. Меня начало распирать от любопытства.

– Вы тогда собирались пойти на охоту?

– Нет, сезон уже закончился.

Из его слов я ничего не понял. Но потом он сказал мне, что его фамилия тоже Хемингуэй и он с востока. Он нервно пожал мне руку и сказал, что придет в другое время. Это был единственный раз, когда он появился в нашем доме. Но позже на той неделе в газете появилась статья о том, что Эрнест Хемингуэй возвратился в Чикаго и в книжном магазине Эванстона ставил свои автографы на книги для всех желающих. Мать сказала, что это не мог быть Эрнест. Он находился или в Ки-Уэст, или в Гаване, и он никогда бы не приехал в Чикаго, не повидав семью или не предупредив нас о своем приезде. И она оказалась права.

Незнакомец оказался обманщиком. Несмотря на свои усы, он был совершенно не похож на Эрнеста. Позже мы узнали о том, что этот самозванец разъезжал по всей стране и выдавал себя за

Эрнеста. Он ставил автографы на книги, занимал деньги и вообще поднимал скандал в отношении репутации Эрнеста. Эрнесту так и не удалось его схватить. Но последующие годы он очень сожалел об этом, поскольку это затянувшееся подражание вызвало поток счетов на имя Эрнеста.

Той весной 1933 года работа по многим направлениям шла полным ходом, и время бежало гораздо быстрее, чем хотелось бы Эрнесту. Он должен был сделать выбор.

– Как у тебя дела с фильмом? Ты думаешь, что завершишь работу над ним этим летом? – хотела знать Полин.

– Из того, что написал Майлстоун, следует то, что мы должны подождать до принятия решения. А сейчас нет времени, – ответил Эрнест, – мы можем попробовать еще раз в следующем году. В этом сезоне уже слишком поздно. Лучше хорошо подготовиться к поездке в Африку, нежели пытаться сделать две вещи наполовину.

Джейн Мейсон вместе майором Диком Купером навестили Эрнеста и Полин в Ки-Уэст. Эрнест и Дик устроили охоту на птиц на одном из необитаемых рифов в западном направлении, где было необычайное разнообразие пернатых. Они хорошо поладили между собой, и перед отъездом майор Купер дал Эрнесту несколько практических советов по экипировке для экспедиции на возвышенные места Африки.

Список включал в себя тяжелые, мощные ружья, сыворотку от укусов змей, химикаты для очистки питьевой воды, одежду для холодных ночей на больших высотах, поскольку дожди уже закончились, и определенное продовольствие и припасы, которые нельзя было приобрести в Африке. Самым важным в списке были боеприпасы. Нужны были пули как в твердой оболочке, так и мягкие, с различной массой и скоростью полета, что давало возможность охотиться на слонов, носорогов, бизонов и на всех остальных, менее крупных и с более тонкой шкурой, от львов до бородавочников.

Майор Купер владел кофейной плантацией на Танганьике и имел большой опыт охоты на всей британской части Восточной Африки. В последней войне он был награжден за отвагу, потом стал охотником и накопил колоссальный опыт охоты в лучших регионах, еще сохранившихся на континенте. Он порекомендовал Эрнесту взять Филиппа Персиваля в качестве проводника, который сначала был егерем, а потом стал профессиональным охотником. Мистер Пи, как все его звали, был настолько молчаливым и сдержанным на высказывания, насколько талантливым и знающим. От мистера Пи пришла информация о том, что ружья, особенно на крупных зверей, можно арендовать за

умеренную плату.

– Я куплю себе ружья. Я не хочу арендовать их, – сказал Эрнест.

Он бы проклял себя, если бы вдруг ему очень понравилось какое-то оружие, возможно спасшее ему жизнь, которое потом пришлось бы вернуть владельцу. Так как они сперва собирались до августа порыбачить на Кубе, а затем на испанском судне отправиться из Гаваны в Европу, то Эрнест решил отложить выбор оружия до своего приезда в Париж. Там он мог посетить хороших оружейников и экипироваться для экспедиции с ног до головы.

Эрнест также пригласил своего друга Чарльза Томпсона из Ки-Уэст погостить у него ближайшие месяцы. Чарльз был полон энтузиазма. Он показал себя как прекрасный рыбак и охотник на птиц. Он не принадлежал к литературным кругам, но был хорошим спортсменом, храбрым человеком и мог наслаждаться возбуждением от охотничьих затей, не действуя Эрнесту на нервы. У жены Чарльза Лоррейн были преподавательские обязательства, но существовала договоренность о том, что она приедет весной, а потом встретится с ними в Палестине. С Чарльзом и Полин экспедиция обещала быть впечатляющей и успешной. Детей должны были оставить с родственниками, а няня оставалась ответственной за остальные дела. В первый раз с момента их свадьбы Эрнест и Полин знали, что отправляются в приключенческую поездку с минимумом беспокойств и шансом на максимальное удовольствие. Им снова хотелось побывать в Испании, и они планировали оставаться там до закрытия Пиларской ярмарки в октябре.

У Полин и Чарльза Томпсона было много дел, за которыми надо было присматривать, так что они оставались в Ки-Уэст, пока в начале апреля Эрнест отплыл в Гавану на судне Джо Рассела. Добравшись туда, он обнаружил, что еще не наступил сезон для крупной рыбы. Он использовал время для работы над своим романом и написания нескольких коротких рассказов, дисциплинируя себя подъемом в пять утра и занимаясь творчеством по крайней мере до десяти, а часто и до полудня. Когда, наконец, рыба начала появляться на границе течения, он уже был готов для выхода в море, сложив плоды нескольких недель плодотворной работы на стол в своей комнате на четвертом этаже отеля «Амбос мундос» на Обиспо-стрит.

Той весной Эрнест и Арнольд Джингрич вели постоянную переписку, обмениваясь большим объемом информации. Они все больше и больше нравились друг другу, и их обоюдное доверие росло. Эрнесту не понравилось название журнала – «Эсквайр». Он считал, что это будет выглядеть слишком высокомерно во

времена депрессии, но сам замысел журнала произвел на него впечатление. К концу мая он был готов написать для нового журнала первое кубинское письмо и предчувствовал удовлетворение от своей работы, а также от рыбной ловли, когда поднимался ветер. Его распорядок был практически идеальным для ловли марлина, так как для этой рыбы лучше всего подходит рябь на воде, а часто днем ветер поднимался не раньше одиннадцати, когда творческая работа уже завершалась.

К концу мая Эрнесту удалось поймать двадцать девять марлинов. Но особенно удачным был тот день, когда он вытащил семь рыб, обходясь только одной удочкой, и он не знает никого, кому бы так же везло когда-нибудь. Когда он рассказывал мне о том дне следующим летом, он все еще пребывал в возбуждении.

– Ты только подумай, Барон, – говорил он, – семь здоровенных рыбин, лазурного цвета и приличного размера – от ста двадцати до двухсот пятидесяти фунтов. Я боролся с каждой один на один, но, конечно, Карлос помогал мне на кокпите. Я жутко простудился, поскольку стоял мокрый от пота на холодном ветру. Три дня у меня чертовски болело горло. Но я все еще считаю, что это, наверно, был мировой рекорд.

После этого Эрнест завел себе журнал, где ежедневно стал делать записи об улове, особенностях рыбалки, использованных снастях и их эффективности. Там были пометки, иногда комичные, о присутствующих гостях, о событиях и проявленных эмоциях. Он был в гораздо лучшей форме, чем до начала походов. Он отметил, что похудел на двадцать шесть фунтов после месяца непрерывной рыбалки в районе южной границы течения и борьбы с каждой попавшейся на крючок рыбой.

В конце июля, когда была завершена серия кубинских рассказов и сделаны фотографии, а подготовка к путешествию в Европу и Африку шла полным ходом, Эрнест находился в прекрасном расположении духа. Его волновали перспективы путешествия и освещения некоторых старых тем с точки зрения нового опыта, приобретенного за пять проведенных в Соединенных Штатах и на Кубе лет писательского творчества, охоты, рыбалки и заботы о растущей семье.

Путешествие в Испанию на судне «Рейна де ла Пасифика» было сущим пустяком. До отъезда Эрнеста Арнольд Джингрич оплатил ему за первое из двух писем, которые готовил к публикации в новом журнале, а Эрнест благоразумно положил деньги на свой счет в Лондоне. Когда они с Полин добрались до Мадрида, он обменял английскую валюту на песеты по очень выгодному курсу. Довольный своей предусмотрительностью, он написал Арнольду о том, что поделит с ним выгоду. Инфляция

сильно пошатнула американский доллар, как результат того, что президент Рузвельт оставил финансовую систему не обеспеченной золотом. Это был печальный фактор в завершении планов насчет сафари. Эрнест был сильно недоволен этим. Той осенью он написал мне в письме о том, что их деньги сильно обесценились, но он считает, что их все-таки хватит на поездку. Все дорожало гораздо быстрее, чем он мог предположить.

В ноябре, когда Эрнест и Полин приехали в Париж, их ждало много маленьких и приятных сюрпризов. В книжном магазине Сильвии Бич у Эрнеста была возможность увидеть первые экземпляры книги «Победитель не получает ничего», которые только что были получены от издательства «Скрибнерс». Ему понравилась обложка, которую ему еще не приходилось видеть, поскольку рукопись книги корректировалась по телеграфу и он не контактировал с книгопечатниками.

У него также был шанс увидеть первое издание «Эсквайра». Он был особенно впечатлен двумя статьями о боксе в этом журнале и написал Арнольду свои впечатления о презентации. По его словам, он был убежден в том, что треть журнала необходимо сделать «сопливой». Охота и рыболовство, как темы журнала, наименее сопливые, хотя он признал, что из-за рекламы приходится следовать определенному пути.

Последние две недели во Франции пролетели в лихорадочном темпе. Эрнест занимался сбором необходимых вещей для длительного путешествия, а также писал третью заметку для журнала Арнольда. Было написано просто невероятное количество писем, которые надо было разослать родственникам, в банки, детям, друзьям и редакторам. После ряда прощальных вечеринок и некоторых обязательных развлечений в кругу старых друзей, которые узнали о том, что он находится в городе, экспедиция отправилась на юг Франции, чтобы сделать короткую передышку на борту судна, направляющегося в Восточную Африку. Еще до прохода через Красное море их французский корабль сделал остановку в Порт-Саиде, где Эрнест съел нечто такое, что имело свойства кишечной бомбы замедленного действия.

К югу от Каира поездка сама по себе стала открытием. Эрнест взял с собой ряд справочных книг по путешествиям, но в них не было информации о многих регионах. Рассказывая о своих чувствах, когда они достигли высокогорий британской Восточной Африки, Эрнест позже сказал, что ни в какой книге он не прочитал полного и точного описания этой страны. Равнины просто бесконечны, говорил он, а жизнь чудесных животных настолько богата и разнообразна, как это, наверно, было тысячи

лет назад.

То, что Эрнест, Полин и Чарльз Томпсон особенно почувствовали после приезда, было ощущение высоты. Они находились на море семнадцать дней, и изменение было резким. Эрнест сильно устал и заявил, что у него не хватает бодрости духа, чтобы писать книги. Потребовалась пара ночей, чтобы прийти в себя. Ночью они укрывались двумя одеялами. Было холодно даже под лучами утреннего солнца, когда дул ветер с равнин Капити. В их первую неделю Эрнест сделал хорошие чучела голов газелей, подстреленных Томпсоном и Грантом, а также чучело конгони и импалы. Чарльз тоже хорошо стрелял. Полин, которую прозвали «старая добрая мама», здорово помогала в наблюдении за окружающей обстановкой и поддержании хорошего настроения.

Эрнест еще не знал о том, что был серьезно болен амебной дизентерией, которую он подхватил в Порт-Саиде. Недостаток бодрости стал серьезным признаком. Несколько недель он пролежал с соответствующими симптомами и высокой температурой. Однако в конце декабря он пошел охотиться на винторогую антилопу, а потом собирался на льва, бизона и носорога.

В Кении он встретил Альфреда Вандербилта и Уинстона Гэста, двух молодых и состоятельных американских спортсменов, собиравшихся добиться известности в скачках и поло в ближайшие годы. Альфред больше подходил для идеального младшего брата, чем Уинстон. Он был более впечатлительным, ему еще было что изучать в жизни, а во многих случаях ему требовался папа. Уинстон был более образованным, к тому же он успел подстрелить двух слонов и добыть с одного сто семнадцать, а с другого девяноста семь фунтов слоновой кости. Теперь они собирались в более богатые зверьем районы.

Эрнест обнаружил, что не теряет свой вес, несмотря на дизентерию, необходимость вставать в пять утра каждый день и целый день быстро передвигаться пешком. Он сообщил, что опять весит больше двухсот фунтов, но так смертельно устал, что вряд ли напишет письмо и тем более какой-то материал для читателей. Эрнест планировал завершить сафари через шесть недель. После он хотел отправиться на побережье Восточной Африки и порыбачить. Они планировали отправиться в Пембу, что в Занзибаре, и на берег в районе Момбасы. Там они хотели попытаться поймать огромную рыбу-парусник, которая, по словам Цейна Грея, достигала гигантских размеров в этом районе. Сам Грей не ловил рыбу в этом месте, но Эрнест имел серьезные намерения. Он уже заказал снасти у фирмы «Харди брадерс» в

Лондоне, а посылка должна была прийти как раз к тому моменту, когда они понадобятся. Африканский тур обходился довольно дорого, но он того стоил из-за полученной в разговорах с местным населением информации.

За следующие три недели Эрнест подстрелил льва, носорога и бизона. После дизентерии он чувствовал себя совершенно разбитым.

Эрнест терял до кварты крови в день, как рассказала мне Полин спустя месяцы. Но хотя кровотечение и потеря сил были колоссальными, лихорадка продолжалась недолго из-за своевременного лечения. Филипп Персиваль знал, насколько серьезно это заболевание, и сафари было прервано, чтобы Эрнест мог несколько дней провести в постели.

Потом, после чудовищных доз хинина и эмитина, когда Эрнест клялся, что не может заставить свою голову нормально работать, он начал обдумывать некоторые из своих лучших рассказов и написал пачку писем, чтобы наверстать упущенное со времен Найроби время.

Охота на равнине Серенгетти была грандиозной. Эрнест был очень доволен своим ружьем «Спрингфилд 30–06». Он много раз охотился с ними на лосей и антилоп на западе Штатов. А сейчас, используя более мощные патроны, он успешно подстрелил из этого ружья двух бизонов и несколько львов. Он полностью уверовал в точность и мощь выстрела этого ружья, даже при охоте на самых опасных африканских животных. У Чарльза тоже был «спрингфилд», и с помощью него он также произвел много удачных выстрелов. Оба охотника стремились добыть все, что было оговорено в охотничьей лицензии, предвкушая удовольствие от того, как они будут развешивать головы трофеев на стенах своих домов в Ки-Уэст.

Уровень своего мастерства они постоянно демонстрировали лишь при стрельбе из «спрингфилдов». Оказалось, что в Париже нельзя было найти идеального оружия на африканского зверя. Они оставили при себе более легкие американские винтовки, добавив «маннлихер» калибра 256 с очень слабой отдачей, как прекрасное оружие для Полин. В Найроби Филипп Персиваль им настоятельно советовал арендовать тяжелые двуствольные ружья калибром более 5 на случай защиты от нападающего зверя. Их приобрели в оружейном магазине напротив отеля «Нью-Стэнли». Чарльз выстрелил из своего арендованного ружья только два раза, из любопытства ощутить его мощь. Эрнест вообще не пользовался тяжелым ружьем за все время охоты.

Потом Эрнест мне рассказал, что наиболее острое ощущение он испытал, когда ранил черного африканского буйвола, а потом

подошел к нему слишком близко. Буйвол бросился на него, но Эрнесту удалось его убить, когда он был уже достаточно близко, чтобы растерзать охотника.

Полин больше всего поразили львы. Несколько раз они неожиданно встречались с прайдами, идущими по следу стада антилоп гну, насчитывающего, вероятно, более миллиона животных. Полин рассказывала, как один раз они медленно приблизились и, когда львы увидели их, все, кроме одного, вскочили и ушли прочь. Лишь один лев остался на месте и с любопытством разглядывал их. Казалось, он хотел подружиться, как потом сказала Полин.

Эрнесту удалось сделать несколько замечательных фотографий своей любимой старой камерой «Графлекс». Она была довольно громоздкой, но он не сомневался в качестве снимков, применяя пленку «Верихром», поскольку хорошо знал ее характеристики.

Когда первый курс лечения дал свои результаты, Эрнест заявил, что вполне готов снова идти на охоту. Никто из участников сафари не мог отговорить его от этой затеи. Он был одержим идеей добыть большую винторогую антилопу, к которой он мечтал подкрасться и убить в одиночку. И он добился своего, несмотря на периодические проявления болезненных и опасных приступов дизентерии. Когда он, наконец, утолил свою охотничью жажду и группа отправилась в Малинди, Эрнест снова стал терять вес. Тогда его уже во второй раз заставили принимать предписанное ему лекарство.

Когда охота в высокогорьях была завершена, Эрнест и Полин убедили Филиппа Персиваля сделать перерыв в охоте на опасных зверей, где он был настоящим специалистом, и присоединиться к ним на несколько недель половить крупную рыбу вдоль побережья. Уж здесь Чарльз и Эрнест могли выступать в роли учителей, а не студентов. Вся группа с нетерпением ожидала этого. К ним также примкнул Альфред Вандербилт.

– Это было замечательное время, – потом вспоминала Полин, – мистер Пи выглядел как настоящий рыбак, а судно, арендованное Эрнестом, оказалось самой комичной плавающей посудиной. Мотор глох каждый раз, когда мы приближались к рыбе. Казалось, он чует это каким-то образом. И судовой механик-индус не был в этом виноват.

Лишь однажды Эрнеста ввели в заблуждение при выборе снаряжения. Тогда не было большого выбора. Ему пришлось или взять единственное имевшееся в наличии судно, или бросить эту затею с рыбалкой. Но отказаться от рыбалки он не мог. Предварительная информация, полученная им, выглядела

довольно привлекательно. И его предыдущие дела с любым человеком из этого региона всегда проходили удачно. Судно описали как крепкий крейсер тридцать четыре фута длиной, с кабиной и скоростью около восьми узлов. Оказалось, что оно едва делает четыре, и то в те редкие моменты, когда оно способно было двигаться. Оно никогда не шло более получаса за все время, пока они его арендовали, а корпус оказался покрытым ракушками и водорослями.

Но на берегу они устроились прекрасно. А будучи на судне, Эрнест и Чарльз помогали Альфреду и мистеру Пи ловить большую рыбу-парусник, каранкса, люцианов, дельфинов и солнечную рыбу. Легче всего было ловить дельфинов, потому что они постоянно гонялись за стаями мелкой рыбешки недалеко от берега. Когда двигатель глох, а это происходило с фатальной регулярностью, дельфины бросались на все, что начинало двигаться и блестеть в глубокой голубой воде на небольшом удалении от них.

Сев на лайнер «Грипшолм» на его обратном пути в Европу после тура в Индию, для компании Хемингуэя наступило время спокойствия. Когда судно остановилось в Хайфе, на борт взошла Лоррейн Томпсон, которая вышла встречать их. Корабль был быстроходным, на нем было прохладно, и даже имелся плавательный бассейн. Уже в Париже Эрнест проявил свои пленки с кадрами, запечатлевшими и движение, и неподвижные сцены, и отослал фотографии в «Эсквайр», дав специальные пояснения, с какими комментариями каждое фото должно быть опубликовано. Он хотел быть уверенным в том, что ни у одного невнимательного читателя не сложится впечатление, что он вначале фотографировал животных, а затем убивал их.

Тогда Эрнест испытывал настоящее удовольствие, посвящая себя написанию писем вроде записок охотника, в которых нуждался новый журнал. Ему нравилось участие читателей, направляющих свои отзывы в раздел «Письма редактору». Поскольку планировали перевести журнал из ежеквартального к ежемесячному изданию, Эрнест предложил написать еще десять статей за такую же цену. Он предложил, чтобы его друзей Альфреда Вандербилта и Эвана Шипмана, имеющих большие познания в скачках на лошадях, попросили дать комментарии о настоящих скачках и породистых лошадях. В своем откровенном письме Арнольду он выразил надежду на то, что новый журнал начнет приносить прибыль, посетовав на то, что сам сейчас практически на мели, а подача такого хорошего материала за гроши ничего, кроме боли, не приносит. В этих письмах он давал весьма полезные советы, приобретение которых обошлось ему во

многие тысячи долларов. Кроме того, он планировал приобрести судно, которое ему действительно было необходимо, по цене порядка семи тысяч долларов. Дважды он был близок к заветной сумме, но каждый раз деньги куда-то утекали. Сейчас он знал, как получить половину необходимой суммы. А пока решение вопроса повисло в воздухе.

Когда в начале апреля экспедиция возвратилась в Ки-Уэст, Эрнеста уже ждали хорошие новости. Арнольд прислал чек на три тысячи долларов в качестве аванса за следующие десять писем. С этой суммой плюс то, что он мог заработать еще где-нибудь, Эрнест сделал заказ в нью-йоркской фирме «Уилер компани» на постройку и доставку ему рыболовного крейсера, о котором он так долго мечтал. Он обсудил особенности конструкции с представителями компании еще год назад, а сейчас знал, что еще было необходимо усовершенствовать. Ему пообещали доставку судна через шесть недель, поскольку строили еще несколько подобных основных корпусов кораблей обычной комплектации, оставалось только внести предложенные Эрнестом изменения. Судно должны были отправить по железной дороге до Майами, а затем спустить на воду для последнего этапа доставки.

Глава 7

Уже в Ки-Уэст, когда дом начал постепенно оживать в основном благодаря стараниям Полин, Эрнест немедленно приступил к серьезной работе. Он пребывал в «прекрасной эпохе», как он сам именовал этот период. Его подсознание, сдерживаемое столь длительное время, пока он наслаждался каждым мгновением тревожного ожидания, действия, восхищения природной красотой Африки, вновь всколыхнулось от потока воспоминаний. Он работал, последовательно развивая заметки, сделанные за время путешествия. Так начали складываться главы его новой книги «Зеленые холмы Африки». Он также работал над новым большим романом «Иметь и не иметь». Для этого, как дружелюбный и скрупулезный наблюдатель, он изучал жизнь Ки-Уэст и его населения, так же, как однажды он исследовал судьбы некоторых кубинцев.

Когда рабочий день заканчивался, все его мысли возвращались к новому судну. Он перепроверял измерения в соответствии с чертежами и продолжал вносить небольшие изменения, пока работа не была завершена окончательно. Это был стандартный тридцативосьмифутовый корпус с обшивкой из белого кедра и с остовом из согнутого, при помощи пара, белого дуба с близко расположенными шпангоутами. На самом верху носовой части располагался кокпит для хранения якорей, впереди него был люк для удобного доступа, а также вентиляции передней кабины, представлявшей собой каюту из двух отсеков. Далее располагался нос судна, два спальных места, ниша для столовой и еще двух спальных мест, с камбузом и местом для льда как раз под носовой частью палубы.

На другом конце кокпита Эрнест на фут снизил уровень кормы, чтобы уменьшить расстояние между уровнем моря и высотой борта. Поверх транца он установил громадный деревянный вал более шести футов шириной. Все это было сделано для удобства вытаскивания большой рыбы на палубу.

Новое судно приводилось в движение двумя газолиновыми двигателями. Семидесятипятисильный «крайслер» с редуктором вращал мощный низкооборотный винт, а сорокасильный «лайкоминг» с прямым приводом предназначался для ловли на блесну. На одном большом двигателе можно было выходить в море и возвращаться обратно. На «крайслере» можно было преследовать косяк рыб и спасти жизнь, в случае необходимости. Были предусмотрены топливные баки вместимостью триста галлонов, а также бак для питьевой воды на время похода

объемом сто галлонов. Судно было названо «Пилар», в честь святого места в Испании.

Как это происходит с большинством новых судов, были задержки с доставкой «Пилар». Когда судно было готово и переправлено в Майами, мне удалось достичь Ки-Уэст на маленькой лодке, которую я построил в Алабаме за предыдущую зиму. Вместе с Элом Дудеком из Петоски, штат Мичиган, проводившим зиму во Флориде, я перешел на ней через Мексиканский залив за двадцать три дня.

День, когда мы с Элом добрались до Ки-Уэст, был днем триумфа.

– О господи! Как я рад тебя видеть, Барон! – воскликнул Эрнест, улыбаясь до ушей.

Поход должен был продлиться десять дней, и уже более недели нас считали пропавшими в море. Наши неудачи выглядели комично, а факт того, что мы выжили на диете из воды отвратительного качества и половинки клубня картофеля в день вызвал у Эрнеста искреннее восхищение. Нас слегка пошатывало от этих приключений.

– Ты действительно сам ее построил? – спросил Эрнест.

– От начала до конца, – просиял я, – модель «Рэбл» от фирмы «Модерн механикс».

– Немного широковата, – заметил Эрнест.

Затем принялся подробно осматривать ее, вплоть до отдельных соединений. Это был небольшой предварительный осмотр перед критическим исследованием, которому он подверг свое собственное судно чуть позже на той неделе.

– Она выглядит чертовски хорошо для всего, что построили Хемингуэи, – произнес он в конце концов.

Эл и я решили оставаться на борту, пока Эрнест не заберет свое судно из Майами.

– Вы, ребята, заходите в дом, если только возникнут какие-нибудь проблемы, с которыми мы можем вам помочь, – сказал нам Эрнест. – Чарльз и Лоррейн пригласят вас на обед, а также и мы через несколько дней. Мне нужно быть в Майами для доставки нового судна, но когда оно будет здесь, то мы будем рыбачить каждый день, уж это я вам обещаю. Я попытаюсь получить разрешение для вас отогнать вашу лодку в базу для субмарин. Там она будет под присмотром.

Позже на этой неделе Эл и я были в составе группы приветствия, которая салютовала, улюлюкала и трубила в духовые инструменты, когда «Пилар» входила в гавань, ослепительно сверкающая новым лаком и блестящей черной краской. Это было первое судно Эрнеста со времен «Санни» на

Уоллун-Лейк. А собственный корабль так же отличается от арендованного, как жена от секретарши.

К счастью, в тот год я завел собственный бортовой журнал на своей лодке, а также записную книжку, которую заполнял примечательными событиями, впечатлениями, ощущениями и разговорами, происходящими день ото дня, пока Эрнест не спеша изучал свое новое судно. Ки-Уэст в начале 30-х выглядел совершенно иначе, чем в другие времена. Великая американская депрессия не затронула весь его сразу. Она ворвалась и сравняла многие семьи до уровня нищего существования. В конце концов даже федеральное правительство приняло ноту обязательства перед гражданами и стало контролировать деятельность FERA, организации, занимавшейся рабочими вакансиями и распределением денежных сумм, которые при всей своей незначительности немного помогали.

В городе многие люди жили на овсяной крупе и ронке, классической диете нищих людей, живущих на островах. Крупа стоила меньше десяти центов за фунт, а ронка, как разновидность семейства люцианов, была маленькой съедобной рыбешкой, которую можно было поймать с минимумом терпения в любом канале или около любого причала. Ронка получила свое название за издаваемый ею звук, как будто протест против извлечения из воды. Рыбаки, занимающиеся коммерческим ловом рыбы, в основном ловили морского окуня, люцианов и желтохвостов. Но морского окуня покупала единственная фирма, специализирующаяся на рыбе, по цене два цента за фунт. Охотники за акулами остались не у дел, а те, кто занимался макрелью, могли ловить только в зимние месяцы, когда рыба собиралась в косяки. И они использовали сети, которые едва могли себе позволить. Незаконная торговля спиртным считалась прибыльным делом, но для этого была необходима хорошо оснащенная лодка. Так что большинство жителей Ки-Уэст было тихо вовлечено в простой бизнес выживания. Самые жизнеспособные из них стали друзьями Эрнеста на всю жизнь.

Когда «Пилар» входила в док, на борту были представитель «Уилер компани», Бра Сандерс и новоиспеченный капитан Хемингуэй. Эрнест представил человека от фирмы-изготовителя и объяснил, что он сопровождал его ради проверки работы двигателей и эксплуатационных качеств. Он водил Полин, Томпсонов, Эла и меня по всему судну и все объяснял, пока мы только восторгались.

– О, граждане, это было замечательное путешествие, – сказал он нам, – глаза у Бра уже не такие, как в былые времена, но он превосходно чувствовал приближение сигнальных огней. Он

распознавал их еще до того, как они попадали в наше поле зрения на всем протяжении пути через канал Хаук. Вы только подождите до завтра, когда мы впервые отправимся на нем порыбачить. Вы увидите, как он справляется.

Эрнест скоро погрузился в окончательную проверку судна вместе с представителем фирмы, который не хотел терять и дня, чтобы успеть на паром до континента, а потом на нью-йоркский поезд. Даже перед однодневным выходом в море было необходимо сменить масло и дозаправиться.

На протяжении всего этого времени, как раз до первых вечерних глотков спиртного под тост за «новый ялик», как называл судно Эрнест, Бра не терпелось высказаться.

– Теперь вы, ребята, знаете кое-что о лодках… Ее ход великолепен, она легче, чем любое судно в округе, что на Багамах, что на Кубе. Она завывает, как будто ее большой двигатель работает на пределе, но это не так. Вот что значит понижающий редуктор. – Он задумчиво ткнул указательным пальцем в свое ухо и повернул его, как будто настраивая звук.

На следующий день мы услышали и увидели, на что способна «Пилар». Направляясь к выходу из судоходного канала, когда утренний ветер покрывал прозрачную голубую воду рябью, Эрнест начал вглядываться в карту, чего он не делал уже много лет. По сравнению с первым походом на большую рыбу, обстановка для него неожиданно изменилась от практически спорта для зрителей, когда другие выполняют тяжелую работу, до интенсивного напряжения, когда каждый ответственен за безопасность и лучшую эффективность нового судна.

Полин тоже была с нами, и внизу стояли корзины с сандвичами, фруктами, холодными напитками. Было много пива, льда и даже бумажные полотенца и салфетки, с помощью которых все поддерживалось в идеальной чистоте.

Это был сумасшедший день. Мы ловили рыбу на блесну в районе выступающих из воды скал на востоке, затем шли к Сэнд-Ки и западным скалам, потом снова повернули назад. Мы поймали барракуду, морского окуня и желтохвоста. Но большого марлина нигде не было видно, и ожидаемого волнения от погони и битвы с рыбой не случилось. Но это нисколько не расстроило Эрнеста. Он лучше стал чувствовать судно и очень гордился тем, как оно управляется.

– Эй вы, моряки, посмотрите на это! – прокричал он с носа судна.

Затем «Пилар» в крутом повороте накренилась на правый борт, затем на левый. На обратном пути домой со скоростью около десяти узлов наше судно несколько раз резко кидало.

Каждый одобрительно кивнул, оставшись довольным, что никто из нас не потерял равновесие и не выпал за борт.

Когда Эрнест дал газу обоим двигателям, казалось, что «Пилар» воспарила над водой. Она поднимала большую волну, и по всем стандартам в те времена это было большое судно.

– Какая у нас скорость, Стайн? – спросил я.

– Больше пятнадцати узлов, малыш. Ты не мог бы проверить воду на выпуске?

Я пошел на корму, посмотрел на непрерывный поток из обоих патрубков и дал знать ему, махнув рукой. Он усмехнулся, затем немного прикрыл дроссельные заслонки. Мы по-прежнему шли довольно быстро. А при такой скорости могли прийти в порт за половину потраченного на выход в море времени.

– Хочешь встать за штурвал? – спросил меня Эрнест.

– Конечно! Какой курс?

– Придерживайся направления на здание старой почты из красного кирпича, пока не подойдешь поближе.

Весь обратный путь Эрнест ходил по судну, проверяя вибрацию, контролируя температуру, открывая и закрывая люки моторного отсека. Он перемещался по палубе от кормы до носа и обратно, получая ощущение движения идущего судна, звуков его мотора в каждой его точке. Он повторял это несколько раз в последующие недели, когда мы выходили в море. Когда кто-то из нас спрашивал его о том, что он все-таки ищет или надеется найти, он говорил:

– Я хочу знать всю подноготную этого судна.

Он изучал его самым лучшим способом – посредством внимательного личного наблюдения за тем, на что способно судно, как оно реагирует на различное состояние моря и силу ветра, как ведет себя в умеренную погоду. Позднее его знания оказались бесценными при управлении «Пилар», когда стихия разыгралась не на шутку. Ни одно судно, имея такую величину и мощность, не могло бы так держаться в любых погодных условиях. «Пилар» великолепно держала курс, стойко сопротивляясь превосходящим силам ветра и волн.

Наши рыболовецкие экспедиции стали стилем жизни, о котором многие люди только мечтали. Полин сначала составляла нам компанию, но потом стала оставаться на берегу. Она понимала, что Эрнест настолько увлечен ролью капитана судна и поиском рыбы, что у него чертовски мало времени на все остальное. Все было уже не так, как в былые времена, когда рыбалка приносила ему величайшее личное удовлетворение. Все же Эрнест получал такое несомненное удовольствие от положения хозяина и лучшего инструктора по рыбной ловле, что

его утренняя работа успешно продолжалась, пока он сидел в комнате небольшого дома на заднем дворе. Его внутренняя дисциплина была железной, и, как-то ближе к полудню, уже выйдя в море, он объяснил мне свою собственную систему поощрений.

– Писать книги – чертовски тяжелая работа, Барон. Если я рано встаю и пишу что-то толковое, я получаю ощущение награды, зная, что вы ждете меня в доке перед отходом в море, и остаток дня я проведу на воде вместе с тобой. Если же я не сделаю свою работу хорошо, то весь день не принесет мне никакого удовольствия. Предвкушение помогает мне делать лучшее из того, на что я способен.

После того как мы, прихватив на борт наживку, провиант, пиво, лед и гостей, отдали швартовы, Эрнест начал обсуждать возможные варианты похода. Он хотел посетить те места, в которых ему уже доводилось побывать на других лодках. Но самое сильное влияние на его решение оказывала дневная погода.

– Ветер поднялся довольно рано, джентльмены, – сказал он. – Как насчет маршрута до американского мелководья, чтобы затем, не достигнув его, пройти вдоль течения?

Какое бы ни было предложение, мы все были единодушны в нашем согласии. В некоторые дни нам удавалось выманить завсегдатая бара Джо Рассела. Тогда Джози надевал настоящие рыбацкие штаны, непромокаемая ткань которых была покрыта засохшими пятнами крови после многих поединков с крупной рыбой. Затем мы пытались охотиться на всех марлинов, которые только могли нам попасться на северной стороне течения. Иногда Чарльз Томпсон составлял нам компанию, оставляя свой магазин под присмотром помощника. В свои молодые годы Чарльз знал больше о рыбной ловле в этих районах, чем многие местные рыбаки узнавали за всю свою жизнь.

Однажды, когда мы ловили на блесну на большой глубине около рифа в районе Сэнд-Ки, Чарльз внимательно наблюдал, когда что-то клюнуло на приманку на большой глубине.

– Черт побери, – воскликнул Эрнест, – если бы кто-нибудь вытянул леску, мы бы не зацепились за дно.

– Давай-ка повернем назад, Эрнест, – посоветовал Чарльз, – мне кажется, там морской окунь.

– Какой к черту окунь, мы зацепились за дно! Разве ты не видишь, как разматывается леска?

– И все-таки ты бы не мог дать полный назад? Эрнест последовал совету. Пока мы сматывали леску, нам оставалось только предполагать два варианта, когда еще несколько быстрых рывков судна помогли прийти к окончательному мнению, за

какое дно мы зацепились.

– Твоя правда, приятель. Дно всегда стоит на месте, – признался Эрнест.

В конце концов, когда леска вытянулась в прямую дрожащую линию, мы стали пристально всматриваться. Там, на глубине около шести морских саженей, мы смогли рассмотреть огромный колышущийся хвост, выступающий почти на три фута из дыры в рифе. Голова и жабры большого морского окуня прочно застряли в щели, и ему некуда было деваться. Несмотря на виртуозное обращение Чарльза с концом удочки, леска все-таки перетерлась о коралл до того, как рыбу извлекли оттуда. Без сомнения, это был великолепный окунь!

– Послушай, Карл, как ты догадался, что это окунь?

– Есть некоторые различия в том, как клюет рыба.

Он немного насупился, но мы уже знали о том, что сейчас он преподнесет нам еще один урок по искусству ловить рыбу в районе флоридских рифов.

Однажды утром Эрнест закончил свою работу раньше, чем обычно. Эл и я уже собрали необходимое и были готовы к выходу. Мы с нетерпением ждали этого момента, поскольку рано утром искупались на базе подводных лодок, а потом бродили по городу, перекусив сладкими булочками свежей выпечки и кофе. Это была наша основная пища, помимо грандиозных завтраков, которыми нас снабжала Полин при выходе в море.

– Совсем нет ветра, – заметил Эрнест. – Вы, парни, не желаете покрутиться вокруг того рифа?

Как всегда, мы были полностью согласны. Эрнест тоже не возражал. Он всегда питал интерес к неизвестному. И хотя расположение рифов в районе отмели всего лишь в семи или восьми милях от берега было хорошо известно, никто не знал их досконально, и даже на морской карте не было всех маркеров. Например, на ней не было полного перечня всех обломков кораблей после крушений.

– Около мелководья Косгроув затонул корабль. По всей видимости, о нем никто толком ничего не знает. Он уже сильно зарос кораллами и может оказаться еще больше, чем та куча балластных камней из трюма и всякого хлама на дне моря. Он находится рядом с основным рифом. Не хотите взглянуть?

Мы сгорали от нетерпения.

– Вам, парни, чертовски повезло по многим причинам, – продолжил разговор Эрнест, – вы видите настоящее море, пока из него еще не выловили всю рыбу, и у вас есть преимущество перед однодневным выходом на арендованном судне. Даже за древнюю развалину просят тридцать пять долларов в день.

Он часто напоминал об этом, но мы не возражали. Это все было правдой, а мы были очень благодарны за такую возможность. В те времена во всей округе нельзя было арендовать судно для исключительно спортивной рыбалки. Вместо этого рыбаков, занимающихся коммерческим ловом рыбы, можно было склонить за приличную мзду забыть собственные надежды заработать от трех до пяти долларов в день на выуживании глубоководных рыб. Но у немногих из них было снаряжение, кресла и манеры морского метрдотеля и прислуги, что считалось необходимым для организации быта группы спортсменов с севера Штатов. Те немногие, кто занимался этим делом, не считали его способом зарабатывать себе на жизнь. Они рыбачили где угодно, ради большого улова, когда была рыба.

Пока мы проходили судоходный канал, чтобы пересечь с краю отмели в районе рифа Литл-Сэнд, а затем на юго-восток по направлению к Косгроув, глубина медленно увеличивалась, но мельчайшие детали дна были отчетливо видны. Мы стояли, перегнувшись через бортовое ограждение, и смотрели прямо вниз, сквозь ровную поверхность воды. Это было настоящее открытие. Нам были отчетливо видны участки скал и водорослей, над которыми мы проходили. Их даже не было на морской карте. Можно было значительное время наблюдать случайную черепаху или косяк рыб, готовящихся к нересту, до того как они уплывали прочь, испуганные приближением судна и звуком его мотора.

Это был продолжительный, впечатляющий поход к рифу по ту сторону от Бока-Гранде. Мы увидели то, с чем многие рыбаки никогда не сталкивались, потому что море там редко бывает спокойным. Когда это все-таки случается, у вас может не оказаться возможности забраться высоко и оглядеться, как мы это делали с носа «Пилар» или с вершины ее кабины.

Мы покружили около рифа и пустились в обратный путь, а Эрнест направлял судно так, как хорошая собака пересекает в поисках дичи поле – по широкой, из стороны в сторону, траектории.

– Черт возьми! Нет ничего существенного под водой, кроме той подводной скалы, которую вы уже видели однажды. Вы, парни, когда-нибудь видели подобные места? Ищите прямые очертания. Там среди кораллов должны быть пушки. Мы видели там около дюжины несколько лет назад. А из дюжины хотя бы одна может оказаться бронзовой. А бронзовое оружие, пусть даже небольшое, стоит приличных денег.

Мы продолжали искать.

– Да черт с ним! – выругался Эрнест. – Я собираюсь заглушить мотор. Куда бы мы ни дрейфовали, начнем с этого

места. Мы поплаваем вокруг, может, что и высмотрим.

Это было подходящее решение. Ни одна живая душа не смогла бы предсказать, на что мы могли натолкнуться, двигаясь таким образом. Когда двигатель перестал работать, стало удивительно тихо, но лишь на мгновение.

– Эй, я что-то вижу! – закричал Эл.

– Где?

– Там! Немного дальше! Вот оно!

По его жесту Эрнест понял, куда повернуть штурвал. Инерция судна завершила остальное.

– Приготовьте крюк, – скомандовал Эрнест. Мы бросились выполнять приказ.

– Вот оно, без сомнения. Видите это?

Мы кивнули. Внизу, сквозь отблески поверхности воды, проглядывали продолговатые очертания, с одного конца шире, чем с другого. Одни лежали подобно куче игрушек, другие одиночно, на расстоянии друг от друга. Мы наблюдали это зрелище, пока судно продолжало плавное движение, захватывающее и невероятное, оно бы заставило любого аквалангиста наглотаться воды. Все же за бортом мы мало что могли сделать. Мы пытались накинуть петлю на ствол одной из пушек. Ее невозможно было сдвинуть с места, даже при помощи небольшой лебедки. Больше ничего из того, что мы видели, нельзя было поднять. Но Эрнест высмотрел красивый коралл под названием «морской веер». Это одно из тех кружевных, подобных губке образований, которые только и могут, что сгибаться от течения и надеяться на то, что проходящие мимо богачи не положат на него глаз.

– Давай-ка посмотрим, как ты достанешь это, Барон. – Он показал на коралл.

Я нырнул в воду рядом с ним, вниз головой и сильно работая руками для экономии времени. Когда я почти погрузился до своей цели, около восемнадцати футов в глубину, мне показалось, что узкая голова с впечатляющими челюстями мелькнула где-то в тени кораллов. Я лишь мельком взглянул на нее, выдернул морской веер и изо всех сил устремился наверх. Я вынырнул, швырнул веер и взлетел по кормовому трапу на борт «Пилар».

– Мне нужен гарпун!

– Я оставил его на берегу, – ответил Эрнест.

– Тогда дай мне ружье! Там внизу мурена с мордой еще более отвратительной, чем у мистера Макданиела!

Макданиел был ректором, когда Эрнест и я учились в колледже.

– Мы устроим охоту на него в следующий раз, Барон. Ты отлично все сделал.

Возвращение домой часто считают самой скучной частью дня. Но для меня это время во многом было наиболее интересным. Постоянно доносился завывающий рев двигателей. Мы шли на скорости, и не было времени пренебрегать безопасностью судна. Эрнест всегда старался стоять вблизи от панели управления. Он обычно стоял рядом с тем, кому было доверено управление судном, контролируя, насколько хорошо он справляется со своими обязанностями, советуя или приказывая изменить курс, если по какой-то причине это было оптимальным вариантом. Во время этих возвращений домой, между Эрнестом и мной завязывались долгие замечательные беседы. В тот самый день мы завели разговор о днях, проведенных в колледже, и о статьях, которые мы оба писали в газету «Трэпез».

– А какой был твой первый рассказ, который ты продал за деньги? – спросил я у брата.

– Был один такой, довольно забавный, – ухмыльнулся Эрнест. – Ты знаешь, никто раньше меня об этом не спрашивал. Он не внесен в список, потому что это было до того, как я издал книгу. Когда я работал в Торонто, мы с одним парнем бродили по округе поздно ночью и разговаривали. Мы заключили пари о том, кто из нас сможет за час написать рассказ, который потом бы купил какой-нибудь периодически издающийся журнал. Затем мы уселись и принялись строчить. Оба рассказа были проданы… но об этой продаже я предпочитаю не говорить.

Чуть позже он дружески хлопнул меня по плечу:

– Конечно, рассказ не был отмечен никакими призами. Он рассмеялся, вспомнив награду, когда я победил на национальном конкурсе коротких рассказов во время моей учебы в колледже.

– Ты серьезно подумываешь о том, чтобы стать писателем, Барон?

– Разумеется, я буду, – ответил я, неожиданно почувствовав уверенность в себе, потому что Эрнест очень целенаправленно учил меня.

– Чертовски тяжелое бремя ожидает тебя, – сказал он в заключение. – Что бы ты ни написал, все будут говорить о том, что ты используешь мою репутацию. Ты ведь догадываешься об этом, не так ли?

Я кивнул:

– Это уже возникало, даже во время того конкурса. Но все претенденты были пронумерованы. Никаких имен не упоминалось.

– Да знаю я, знаю. А будет еще хуже, но тебе не следует

слишком переживать о том, что говорят люди. Ты очень наблюдателен. Ты хорошо научился ловить рыбу, но тебе надо еще очень многому научиться, особенно если ты собираешься бросить колледж. Тебе необходимо много читать. Ты уже прочитал «Гекльберри Финна», не так ли? А Киплинга и большие рассказы Стефана Крейна? Сейчас тебе нужно изучать Толстого и Достоевского, Джойса и короткие рассказы Генри Джеймса, Мопассана и Флобера, особенно «Мадам Бовари». Когда ты закончишь с этим, попробуй Стендаля и Томаса Манна… У нас дома много всего этого. Возьми на время все, что тебе угодно, но только верни обратно. Я не раздаю своих книг, даже младшему брату, понял?

Мне все было понятно.

– Тебе следует попробовать работать в газете. Это лучший способ научиться хорошему стилю изложения. Но чтобы получить работу в любой газете, потребуется около года. В настоящее время ты мог бы продолжать заниматься мореплаванием. Ты много познаешь, но все это дается легко, потому что, я думаю, ты по-настоящему влюблен в это.

– По мне все, что вызывает внутренний трепет.

– И внешний тоже, Барон. Помнишь ту первую большую рыбу? Старайся запоминать все обо всем. Когда что-то дает тебе эмоциональную встряску, постарайся четко понять, что именно на тебя произвело впечатление, и запомни каждый штрих этого события, и только тогда ты сможешь рассказать, что это было. Если рядом кто-то находится, посмотри, потрясены ли они тоже, как сильно и почему. Чем больше сторон ты видишь в чем-нибудь, тем больше ты знаешь. Сейчас ты слишком обеспокоен тем, что другие люди подумают о тебе, возможно, потому, что ты молод. Если тебе повезет, ты поймешь, что других людей главным образом интересует впечатление, которое они производят. Во всяком случае, забудь о самом себе и постарайся проникнуть в сущность других людей, чтобы увидеть вещи с их точки зрения.

Я внимательно слушал Эрнеста.

– Дружище, если ты действительно хочешь стать писателем, тогда вперед, пиши. Чем больше ты пишешь, тем больше узнаешь о том, как надо это делать. Это единственный способ научиться. Я не собираюсь тебе помогать, если я смогу избежать этого. Я уже помогал многим парням, и буду помогать. Но это в основном расслабляло их. Совет совету рознь. Совет не сделает кому-нибудь его работу. Хороший совет сэкономит некоторое время и усилия. Самое главное – у тебя должна быть проницательность, чтобы распознать, который совет хороший. Когда ты поймешь это, ты можешь давать свои советы.

На следующей неделе приехал Арчибальд Маклейш.

– Джентльмены, побольше учтивости на борту! – инструктировал нас Эрнест. – Арчи – поэт, лауреат премии Пулитцера, а также редактор журнала «Фоче».

Мы регулярно рыбачили с полудня и вплоть до вечера, если позволяла погода. Нам удалось поймать несколько рыб-парусников. После тяжелой борьбы Эл выловил одну, весом более восьмидесяти фунтов. Когда рыбу вели вдоль борта, мы увидели, что ее нос был настолько коротким, что можно было одной рукой затащить ее на палубу. Эрнест внимательно осмотрел его – вдруг это какая-то разновидность рыбы.

– Дело не в этом, – подвел итог Эрнест, – одна сторона окончания носа более закруглена, чем другие. Должно быть, он сломался несколько лет назад. Без сомнения, это был воин. Каждый день ему приходилось искать свой завтрак с больным носом.

На следующий день снова стояла тихая погода. Когда Эрнест завершил свою утреннюю работу, они вместе с Арчи отправились в сторону дока. Корзина для продуктов была набита битком. Все остальное находилось на борту, и мы были готовы отчалить.

– Не могу сказать, какая погода ожидает нас там. По всей видимости, будет шквальный ветер. Барометр упал. Лучшее, что мы можем сделать, это пойти и посмотреть. – Эрнест не спускал глаз с барометра, наблюдая за стрелкой.

Уже в судоходном канале с востока по воде пошла протяженная, невысокая, вкрадчивая зыбь. Было душно, когда мы выходили, и показалось, что облака на юге меняются и становятся более плотными. Но там, где мы находились, ослепительно сверкало солнце, как это обычно бывает в безветренный день в северных тропиках.

В глубине вода все еще оставалась мутной после вчерашнего ветра, и сквозь нее было плохо видно. Но с другой стороны большого рифа мы увидели первую рыбу того дня – большую рыбу-молот. Когда я говорю – большая, то подразумеваю от пятнадцати до шестнадцати футов. Мы разбросали приманку прямо перед ее носом и обошли вокруг, полагая, что она просто дремала, когда мы проходили первый раз. Ничего хорошего в этом не было, и, только когда мы направились прямо на нее, она скрылась в глубине.

– Ты, наверно, этого не ждал, – заметил Эрнест, – но, тем не менее, это не обычный день.

Позже мы видели какую-то большую рыбу, плывущую мимо наживки вблизи от рифа, где просматривающиеся под водой темные пятна становились отвратительного желто-коричневого

цвета около поверхности. Эта рыба также отказалась клевать, хотя наша приманка была более доступной и больше, чем мелкая рыбешка, которая мелькала то здесь, то там, вокруг кораллов.

Другая большая акула, еще крупнее первой, медленно плыла на поверхности в сторону юга. Мы пошли дальше, ритуально разбросав ей приманку. Эрнеста откровенно раздражало то, как любой морской хищник игнорировал предлагаемую нами пищу.

– Сходи вниз и принеси мне «вудсман», – сказал он. Я быстро вручил ему автоматический кольт калибра 22, из которого он отменно стрелял. Он подтянул ремень, зарядил магазин и, вставив его, оттянул назад затвор и загнал первый патрон в ствол.

– Давай сделаем еще круг, Эл. Мы догоним ее и пойдем параллельным курсом, пока я буду проверять, есть ли у нее иммунитет от свинцовых пилюль.

Пока акула была все еще впереди нас и мы могли ее отчетливо видеть, Эрнест открыл огонь. Она была совсем недалеко, и в ее могучее тело попадала каждая выпущенная пуля. Никто не считал вслух, но он, должно быть, попал в большую акулу семь или восемь раз, выше и ниже вдоль спины, до того как ее крупный хвост ожил, и спинной плавник снова скрылся в морской пучине. Следов крови не было. Та большая голова-молот, около четырех футов в ширину, просто дала команду на погружение, и остальное тяжелое, длинное тело подчинилось ей.

Двигаясь в районе рифа, мы прошли мили, пытаясь ловить на блесну, но безрезультатно. Неожиданно налетел шквал, мы проводили его взглядом, но он не принес ни дождя, ни прохлады.

– А может быть, искупаемся? – предложил Арчи.

– Хм. Хорошо. Я заглушу двигатель. Но подождите, пока мы перестанем дрейфовать, тогда можете занимать очередь в дозорные с ружьем. Это на тот случай, если акулы захотят порезвиться вместе с нами.

Через минуту бортовой трап был спущен. Эрнест первым прыгнул с кормы. Эл и я остались наблюдать за обстановкой, другие нырнули в море. Это был настолько теплый день, что вода воспринималась как прохладный подарок, когда она касалась наших тел. Так приятно было расслабиться, но все же неподалеку от бортового трапа, чтобы при первой же опасности быстро подняться на борт. Уж если беда приходит, то, как всегда, неожиданно. Арчи был отменным ныряльщиком. Но и он не тратил лишнего времени, чтобы вернуться на судно.

– А какая вероятность появления акулы…

– Никто не знает, – ответил Эрнест, – вот что действительно интересно. Серо-голубая или любая другая акула, которая постоянно блуждает, редко выходит на поверхность. Те рыбы,

которых мы видели ранее, были просто сыты. А та, у которой разыгрался аппетит, выжидает на глубине, откуда она может контролировать большое пространство. Когда она видит что-нибудь интересное, например всплески вокруг судна, она быстро устремляется из глубин. Подобно тем, которых мы видели, когда ловили рыбу-парусник и вытаскивали ее наполовину обглоданной. В начале в синей глубине появляется маленькая точка. А потом – ам! Вот она, в натуральную величину! И если она не схватила тебя с первой попытки, она сделает круг и попробует достать тебя на поверхности. Тогда еще можно палить из ружей. Шум, попадание пуль, может быть, шок, возможно, застанут ее врасплох. Но никто не может предсказать, как хорошо она оценивает дистанцию, насколько проворно ты действуешь и сколько времени прошло после ее сытного последнего обеда. Вот почему я настаивал на дежурстве с ружьями. Чем бы я расплачивался, если пришел домой без рыбы, без команды и без гостей моего судна?

После этого короткого разъяснения он продолжал нырять, но с еще большей осторожностью. Скоро Эрнест объявил:

– Давайте нырнем по последнему разу. Мы достаточно охладились, чтобы половить на блесну в реке Стикс.

Шквалы все еще бушевали на удалении в Гольфстриме. Было настолько душно, что по каждому из нас струйками бежал пот, пока наше судно покачивалось на длинной зыби, а мы наблюдали за наживкой и ждали.

В конце концов с запада стремительно прилетела крачка, заметила наши приманки и нырнула за одной. Это был для нее удачный момент, когда она пробовала достать каждую из них, парила над ними, выкрикивая свое «криии-крииии» между атаками.

– Проклятая морская пичуга пытается сожрать нашу наживку. – Эрнест готов был взорваться от раздражения.

– Она не причинит ей вреда, не так ли?

– Нет, если я заставлю ее встать в очередь. Принеси мне пистолет, Барон.

Это была демонстрация мастерства стрельбы. Эрнест позволил каждому из нас сделать попытку. Крачка была взбалмошной и невероятно трудной, подвижной мишенью для стрельбы из пистолета. Затем пришел черед Эрнеста. С третьего выстрела крылья птицы бессильно сложились, и она с тихим всплеском упала в воду. Она осталась плавать там, а мы продолжали свой путь. Удачного выстрела никто не ожидал.

– Кто-нибудь, достаньте птицу. После такого дня нам хоть что-то надо принести домой…

Мои руки были свободными, и я не исполнял никаких обязанностей по судну. Так что я нырнул за борт после того, как убрали приманку. После четырех или пяти гребков я схватил птицу рукой и повернул обратно. «Пилар» закладывала широкий круг, а Эрнест что-то кричал. Затем судно еще больше накренилось, и я понял их намерение подобрать меня, но корпус разворачивался настолько медленно, что окружность траектории разворота прошла бы мимо меня. На обратном пути они осознали это.

Я пустился вплавь с птицей в руке. Ее тело было еще теплым, и кровь продолжала сочиться в воду.

– Оставайся на месте! – Они показывали, кричали и махали ружьем. – Мы подберем тебя в следующий заход.

Большой черный корпус судна быстро стал уменьшаться вдали, когда они принялись повторять маневр. Они выжидали, пока не будет уверенности в том, что судно точно подойдет ко мне своим бортом.

В итоге они очутились рядом со мной, бортовой трап уже был спущен. Мне помогли забраться на кокпит, и я вручил птицу капитану. Он отшвырнул ее в сторону.

– На мгновение мне показалось, что мы тратим слишком много сил на эту птицу. – Он треснул меня по спине и протянул пиво. – Когда я что-то предлагаю, не всегда расценивай это как приказ. Ты понял меня?

Я понял. В его фразе было больше приказа, нежели предложения, но он заметил опасность слишком поздно.

Несколько дней спустя, когда Арчи пришла пора возвращаться на север Штатов, я обнаружил, что он оставил свою шапочку для плавания на судне.

– Добрый знак, – сказал Эрнест, – говорит о том, что он хочет вернуться.

– Кажется, он прекрасно провел время, – ответил я.

– Послушай, Арчи один из самых интеллигентных людей, каких я знаю. Он был лучшим пловцом в команде Принстона. Чего у него не отнять, так это прекрасного воображения. Иногда ему даже трудно его отключить. Он чертовски хорошо соображает. Вот такой он, этот Арчи.

Одно из наиболее впечатляющих событий того сезона произошло после полудня, 23 мая, когда Эрнест привез на своем судне самую большую атлантическую рыбу-парусник, которую когда-либо ловили на удочку или спиннинг. Эта рыба не была официальным рекордом, поскольку приглашенный гость поймал ее на крючок и боролся с ней четырнадцать минут. Но это была настоящая схватка.

Как-то один священник, любитель рыбалки и интересующийся творчеством Эрнеста, приехал к нему в гости. Он знал множество историй, и Эрнест вместе с Полин наслаждались его обществом. Его немедленно пригласили на утреннюю рыбалку.

В тот день погода проявляла лень и не менялась, было абсолютное безветрие, и по морю катились длинные, медленные волны. Было два часа тридцать минут после полудня, когда Эрнест спустился вниз после длительной утренней работы и легкого ленча в своем доме. Он пояснил, что собирается показать священнику все прелести спортивной рыбалки.

– Отец Макграт, это мой младший брат, Барон, – познакомил нас Эрнест, – для своего возраста он прекрасно управляется с багром.

Я широко улыбнулся, и мы пожали руки.

Мы шли в восточном направлении, за рифом поймали барракуду и морского окуня, но течение оставалось спокойным, пока редкая зыбь не начала затемнять воду между длинными спокойными волнами. К половине четвертого мы расправились с новыми сандвичами и половиной ящика пива, поместив очередную партию бутылок охлаждаться. Эрнест любил хорошо подготовиться к жаркому дню, и иногда его настроение становилось лирическим.

– Солнце и морской воздух настолько иссушают наши тела, что потребление пива совершенно не требует усилий. Плоть нуждается в питательной жидкости. Вкус жаждет, чтобы она была охлажденной. Зрительный нерв приходит в восторг от ощущения прохлады, распространяющейся от близости неба, когда ты делаешь глоток. А когда ты осушишь все залпом, твоя кожа неожиданно расцветет тысячами счастливых капелек испарины.

Священник был согласен. Разговор продолжался на другие нравоучительные темы. Когда мы шли в западном направлении, все-таки подул ветер. Как будто кто-то щелкнул выключателем. На расстоянии начала плескаться рыба, птицы стали прицеливаться к вышедшей на поверхность наживке, и неожиданно у священника резко клюнуло. Эрнест был единственным, кто заметил приближавшегося саргана.

– А-а-ай! – Отец Макграт уже больше не мог оставаться невозмутимым, когда рыба-парусник описала в прыжке длинную дугу, а потом еще раз преодолела в полете сто пятьдесят ярдов.

– Вытягивайте ее, отец! – крикнул Эрнест. – Я считал. Она сделала семь прыжков. Вы видели ее.

– Более того, я чувствую ее! – успел ответить искусный священник между прилагаемыми к удочке усилиями.

– Сматывайте удочку как можно быстрее, отец. Мы пойдем навстречу ей, а вам необходимо выбрать леску, так что если она сделает…

Рыба снова повторила прыжок, взметнув кучу брызг. Но все дело в том, что она шла в нашем направлении. В леске образовалась значительная слабина.

– Крутите катушку изо всех сил. – Эрнест был настойчив. – Ее воздушный пузырь надувается от этих прыжков. Я сомневаюсь, что она сможет уйти под воду, вероятно, мы возьмем ее на поверхности, как…

И снова рыба прыгнула. Сейчас она шла прямо на нас. Один, два, три прыжка, и потом опять.

– Это уже на четыре больше, – произнес Эрнест, – мне это не нравится. Что-то напугало ее. Продолжайте сматывать леску…

Он перестал говорить. Леска ослабла. В том месте, где мы ее видели последний раз, образовался водоворот. Отец Макграт продолжал сматывать леску, теперь она шла значительно легче. В итоге показался поводок и грузило. Леска была обрезана.

– Ее схватила акула, отец. Но это была великая битва. Если б не эта помеха, вы бы уже держали ее в руках.

Отец Макграт тяжело дышал, был мокрым от пота и постоянно сгибал свою левую руку, как будто не чувствовал ее. Мы дали ему самого холодного пива, и каждый похлопал его по спине, после того как он сделал первые несколько глотков.

– Жаль, что я не выбирал леску быстрее. Насколько большой она была?

– Без сомнения, больше шестидесяти, вероятно, семьдесят пять фунтов. Вы были великолепны. Что с вашей рукой… с левой? – Эрнест был воплощением вежливости.

– Артрит.

– О боже… Простите меня, отец. Вы, пожалуйста, предупреждайте нас в следующий раз. А сейчас давайте забросим еще одну приманку. Когда у вас клюнет, помните – пусть катушка разматывается, пока вы медленно считаете до десяти, так рыба лучше заглотит наживку. Как пиво?

Менее чем через минуту-другую приманку схватила большая рыба коричневого оттенка. Мы все видели этот момент.

– Может быть, марлин, – сказал Эрнест, – отпустите катушку. Считайте медленно, а когда дойдете до десяти, поставьте на тормоз, пусть она проглотит приманку.

Отец был взволнован, но он понимал всю ценность призывов к действиям и четко следовал инструкциям. Когда он окончательно затормозил катушку, Эрнест стоял рядом, как опытный наставник.

– Пусть она еще потерзает наживку, отец. Держите удочку повыше, если она прыгнет.

Вдалеке, казалось, что в трехстах ярдах, но может, и в половине этого расстояния, действительно большая рыба-парусник выскочила из воды и, продолжая лететь по инерции, перевернулась в воздухе.

– Вот это рыба! Какая красота! Тащите ее, отец! – Эрнест стоял рядом, советуя каждую секунду.

Священник взмок от пота со страстностью грешника, приблизившегося к вратам ада. На него действовало волнение в голосе Эрнеста. Частью было чувство того, что такая добыча попала на крючок, рыба, которая была намного длиннее его самого и в значительно лучшей физической форме, чтобы проводить тест на силу и выносливость.

Затем рыба-парусник вновь совершила прыжок. В общем счете она прыгнула двадцать раз, с некоторым успехом, если оценить ее способность сбросить рыб-прилипал со своего брюха. Но у нее не было шанса выплюнуть острый крючок из своей пасти.

– С каждым прыжком она только раздувает свой воздушный пузырь, – сказал Эрнест, – сейчас у вас будет еще одна хорошая схватка на поверхности. Она не сможет уйти под воду.

Мы наблюдали за быстро теряющим силы священником. Напряжение, струящийся пот и больная рука – все это было слишком для человека, непривычного к сильному напряжению.

– Эрнест, ты должен мне помочь! Я больше не могу справляться с этой рыбой!

– Посмотрите, она ваша! Это рыба-парусник, а не марлин, как я вначале подумал. Она может быть рекордного размера. Если я окажу помощь, вам этот рекорд не будет засчитан.

– Но у меня нет сил продолжать, – сказал отец Макграт.

Он повел удочкой из стороны в сторону и попытался встать из кресла.

В тот момент Эл и я сочувствовали обоим. Священник был просто не в состоянии продолжать то, что, должно быть, стало самым захватывающим спортивным событием в его жизни. Эрнест неимоверно страдал оттого, что в момент такого поразительного клева удочка находится не в его руках. Он был готов перехватить удочку. Но он знал, что справедливой оценки уже не будет.

– Хорошо, – мрачно произнес он, – мы вытащим эту рыбу, если возьмем снасти в свои руки.

Когда он взял в руки удочку, его опять захватило волнение.

– Какая прелесть! – Он продолжил борьбу с рыбой, стараясь измотать ее.

Эл и я держались подальше. Священник сейчас нуждался в помощи. Мы должны были одновременно управлять судном, быть готовыми к новым маневрам, держать в поле зрения рыбу, леску и любых акул, которые могли появиться с любой стороны. Эл и я сменяли друг друга, один брал на себя управление, пока другой наблюдал за обстановкой с вершины кабины, затем снова менялись местами. Эрнест твердо решил вытащить эту рыбу, если это было в человеческих силах. Отец Макграт периодически отдыхал в затененных креслах, стоящих поверх топливных баков, перескакивая на сторону Эрнеста, если рыба меняла направление.

Эрнест свирепо изматывал рыбу. Он дважды отдавал команду кардинально изменить курс судна на сближение.

– Мы идем не в ту сторону! Смотрите, как она движется! – выкрикивал он, бешено выбирая провисшую леску.

Это было правдой. Рыба плыла в сторону судна по своей воле. Казалось, вот она, удача, но неожиданно произошло то, чего страшно боится любой охотник за крупной рыбой. Эрнест выбрал последнюю слабину в леске, когда рыба остановилась в двадцати футах от правого борта. Затем она неожиданно ринулась под днище судна.

– Она перешла на другую сторону! – завопил я.

Когда леска пошла вниз, Эрнест подтвердил факт непечатным, но наглядным комментарием. Затем он ослабил тормоз на катушке, чтобы немного отпустить леску.

– Где она сейчас?

– На другой стороне, почти симметрично! – Никто из нас еще не знал, к каким переживаниям все это приведет.

– Эл, послушай! – позвал Эрнест. – Повисни на мне. Я хочу пропустить леску под днищем и не допустить, чтобы винт оборвал ее. Скажи мне, если рыба начнет движение. Поставь на нейтрал, Барон!

Нейтральная передача на «Пилар» была весьма условным понятием, потому что винт вращался всегда, медленно или быстро, если двигатель продолжал работать. Муфта сцепления еще не успела износиться. Это не имело значения, за исключением ситуаций, подобных этой.

Эрнест низко наклонился с кормы. Держа удочку одной рукой, он сделал ею широкое круговое движение под водой и вывел с левого борта. Затем он начал выбирать слабину. Леска все еще оставалась целой. Она прошла невредимой под винтом. Большая рыба-парусник была на крючке, но вела себя очень беспокойно. Когда она снова ощутила давление крючка, то с внезапной резкостью продолжила затяжную борьбу.

– Повезло же, однако, – произнес Эрнест, вытирая пот со лба.

Затем он снова начал изматывать рыбу, монотонно изматывать, ведя рыбу кругами по сходящемуся с нами курсу. Когда он подтянул ее, он стал осторожнее, пытаясь смирить ее со своей судьбой. В это время темный плавник рыбы лежал сложенным в спинном желобке. Яркие полосы вдоль его боков сверкали искаженным узором в колышущейся поверхности воды. Казалось, он вращал своим большим глазом и оставался в нерешительности на том небольшом расстоянии, где его уже можно было достать острогой.

– Поставь снова на нейтрал! – крикнул Эрнест. Потом он повернулся: – Надень перчатки, Эл, и подтяни ее поближе, только осторожно. Будь готов отскочить, если она дернется…

Его прервал тяжелый всплеск. Большая рыба-парусник снова нырнула под днище. К счастью, Эрнест отпустил тормоз катушки, иначе леска порвалась бы тут же. Поэтому она натянулась и прошла в стороне от винта.

– Попробуем еще раз, – сказал Эрнест.

Он прошел на корму, опустил удочку вниз так, что катушка оказалась в воде, и сделал медленное дугообразное движение, после чего она оказалась с левого борта. А рыба уже задавала темп нашему движению. Пока Эрнест подтягивал леску с еще большей осторожностью, рыба совершила еще один рывок. Но она продолжала оставаться на крючке. Поведение лески снова говорило об опасности прохождения под днищем судна. Мы все глубоко дышали.

– Прекрасная маневренность, – произнес отец Макграт, радостно улыбаясь от восхищения.

– Она еще не созрела, – предупредил Эрнест. Потребовалось еще двадцать минут невероятных усилий, хотя он вытаскивал ее очень аккуратно. Нас всех удивляло то, что леска не лопнула, когда прошла под судном в последний раз.

Наконец представилась еще одна возможность подтянуть рыбу поближе к борту. Рыба изрядно устала, но все еще находилась в хорошей форме. Любопытно было наблюдать, как рыба, удерживаемая большим спиннингом, зеленым снизу, с завывающей от больших оборотов катушкой, схватила проплывающую мимо кефаль.

В то время, когда Эл осторожно установил приспособление для направления снасти, рыба была уже достаточно близко от борта. Выбросив вперед руку с острогой, он некоторое время боролся с извивающимся, вздрагивающим телом, пока ее большая голова не показалась рядом с обшивкой судна. Мы все энергично схватили ее за нос и, пока вытаскивали, содрали себе ладони. На кокпите, когда из рыбы извлекли острогу, она начала яростно

биться, пока ее не треснули прямо по лбу деревянным «средством убеждения».

Я все еще изучал большую рыбину с безмолвным восхищением, когда энергичный голос Эрнеста произнес:

– Может быть, мы поймаем еще одну.

Он уже насадил новую приманку, чтобы на обратном пути в направлении Сэнд-Ки и Ки-Уэст еще раз попытать счастья.

Рыба-парусник была самой большой, которую когда-либо доводилось видеть Эрнесту, а у него-то было гораздо больше опыта, чем у нас. Ее длина превышала девять футов. Насколько я помню, девять футов один и три четверти дюйма. У нас на борту не оказалось никаких весов, так что каждый выражал свое мнение относительно ее веса. Все единодушно полагали, что в ней более ста фунтов.

– Как долго я боролся с рыбой? – хотелось узнать священнику.

– Мы точно не засекли время, отец, – ответил Эрнест, – но я думаю, что около четырнадцати минут. Вся борьба с ней заняла около часа.

Уже стемнело, когда мы добрались до базы подводных лодок. Нас встретил Чарльз Томпсон, и мы погрузили нашу добычу на задний бампер его зеленого цвета «родстера». Она сильно выпирала с обеих сторон, и мы опасались повредить рыбу при проезде через ворота военно-морской базы. Я пообещал, что буду присматривать за рыбой до тех пор, пока она не окажется в холодильной камере. Остальные отправились в большой дом на Уайтхед-стрит праздновать событие. Когда я приехал, пиршество было в разгаре. Когда я сообщил, они подпрыгнули от восторга.

– Сто девятнадцать фунтов! Это настоящий рекорд, отец! Вам следовало бороться с ней до конца.

– Если бы я продолжил, мы, несомненно, упустили бы ее. Я бы не продержался больше и минуты, тем более не вытащил бы леску из-под днища.

– Я уверен, что вы бы справились. – Эрнест мог позволить себе некоторую скромность.

В тот день он совершил несколько феноменальных маневров.

– Рыба вела бы себя лучше, если бы знала, что вы поймали ее на крючок, отец. Давайте после обеда спустимся вниз и снова взвесим ее, но уже при свидетелях, а заодно проверим весы. Завтра утром мы можем отвезти ее Элу Пфлегеру.

В тот вечер перед восемью свидетелями рыбу официально взвесили на проверенных весах через четыре часа после поимки. Она потянула на сто девятнадцать с половиной фунтов. Окружность туловища составила тридцать пять дюймов. Сейчас,

более четверти века спустя, эта рыба-парусник по-прежнему остается самой большой рыбой, пойманной в Атлантическом океане на спиннинг. Она выставлена напоказ в главном офисе «Майами Род и Рил клаб».

Тем вечером священнику было необходимо вернуться в Майами. Утром вокруг дома началась большая суматоха. Эрнест спустился вниз из своей рабочей комнаты посмотреть, чем был вызван этот шум. Полин вместе с нами только что просмотрела выпуск «Майами геральд». Там, в центре первой страницы, был рассказ о том, как поймали атлантическую рыбу-парусник рекордного размера. Рассказ был подписан псевдонимом Очевидец.

– И кто же… – Эрнест погрузился в размышления, продолжая читать. Его глаза начали сужаться.

– Ради всего… я же хотел воздать ему хвалу за этот улов.

Конечно, Эрнест заслужил это, но последнее слово было за священником.

Сезон был в разгаре, и рыбалка становилась все лучше. Раньше у Эрнеста никогда не было первоклассного оборудования, и сейчас он впервые за это лето вышел на американскую сторону Гольфстрима. Эл вернулся в Мичиган. Различные гости, например оперный певец Джон Чарльз Томас, приезжали провести время и поучаствовать в рыбалке.

Утренняя работа Эрнеста продолжала приносить ему удовольствие. Он был не склонен к изменению своего дневного распорядка, основательно полагая, что любая перемена может означать конец удачи в его «доброй эре» прозы, без усилий выходящей из-под пера.

К середине июня он был на сто сорок седьмой странице своей новой книги «Зеленые холмы Африки». По его словам, он уже три раза переделывал рукопись. Уже несколько недель стояла прекрасная погода, с короткими перерывами дул спокойный восточный ветер. По вечерам становилось настолько прохладно, что приходилось надевать свитер. И хотя Эрнест испытывал вдохновение от своего творчества, он начал ощущать определенное разочарование от рыбалки. Он страстно желал вернуться в Африку, хотя все еще страдал от подхваченной там амебной дизентерии.

– Чертова проблема, – говорил он и доставал бутылку касторового масла.

Курс лечения требовал приема многочисленных маленьких доз этого отвратительного лекарства в течение трех дней после приступа. Так что он держал одну бутылку на борту судна, а другую дома. Он запивал ее виски или бренди, но чаще отдавал

предпочтение последнему.

– Он охлаждает твой пыл, когда ты слишком торопишься, – говорил Эрнест.

Весной приезжал Джон Дос Пассос, а Сидни Франклин нанесла визит в середине июля. Несколько раз в вечернее время мы выходили половить тарпона вместе с Джимом Салливаном, хорошим другом Эрнеста с давних времен, который владел автомагазином в Ки-Уэст, а также с Кэнби и Эстер Чамберс, двумя забавными, но чуткими друзьями из Ки-Уэст. Кэнби писал прекрасные статьи для журнала, хотя серьезно переболел полиомиелитом. Эстер довелось работать в Красном Кресте в Европе, а сейчас она посвятила свою жизнь своему большому квакеру, который был замечательным шутником, хотя его жизнь проходила в инвалидном кресле. На нем Кэнби здорово передвигался.

– Закатывайте меня, – говорил он, и ближайший к нему мужчина придерживал его за ноги, пока Кэнби шел на руках. Таким способом он мог зайти на борт «Пилар» и усесться в одно из кресел для ловли на блесну.

Никогда нельзя было предсказать, что могло произойти на рыбалке в Гольфстриме, около рифов или в обходных каналах, если на капитанском мостике стоял Эрнест. В воскресенье, когда с нами на борту находился лейтенант Джексон, Эрнест совершил несколько прекрасных маневров. Лейтенант Джексон был комендантом базы подводных лодок, которая тогда славилась как судоремонтный завод. В Гольфстриме на его наживку клюнул дельфин, и он за минуты борьбы с ним потерял несколько фунтов веса. Это был самец дельфина, с выступающим лбом, как на карикатуре вашингтонского бюрократа, и он весил более сорока фунтов, как мы узнали уже на берегу, спустя несколько часов. С самого начала лейтенант знал о том, что клюнула рыба, равная по силе человеку, а может, и больше. Через двадцать минут борьбы он часто и тяжело дышал, переживал и чуть не выпадал из кресла.

Всегда с интересом относясь к борьбе, Эрнест решил вмешаться.

– Судно идет вам на помощь, лейтенант. Судно будет двигаться навстречу рыбе, так что она пойдет прямо в ваши руки.

– Эрнест, вам следует взять удочку. Она собирается…

– Чушь. Изматывайте ее из стороны в сторону, еще и еще.

– Но говорю вам, у меня уже нет сил.

– Нет, еще хватит. Вы вытащите ее, если продержитесь еще несколько минут. Смотрите, сейчас она облегчает нам задачу.

Эрнест, мастерски обманывая лейтенанта, заставлял его

почувствовать, что все сейчас закончится, хотя на самом деле еще требовалось некоторое время. Несколько минут спустя мы подошли с одного бока настолько точно и сбросили газ так удачно, что я всадил острогу в большого дельфина скорее случайно, чем за счет своего умения. Он был почти шесть футов в длину, довольно молодой и в прекрасной физической форме.

В тот день мы поймали восемь дельфинов, каждый не менее двадцати пяти фунтов, а также девять пеламид, несколько барракуд и скумбрий. Семь рыб-парусников мы упустили, ведь гости не были знакомы с техникой лова на ослабленную леску.

На обратном пути домой Эрнест был болтлив после скотча, но ощутил, что необычное чувство тоски стало зарождаться в нем. Что-то действительно съедало его, и ему нужно было вырвать это из своей души. Он любил все до определенного момента, а потом это переставало представлять для него что-либо хорошее уже навсегда. В нем сидело давнее стремление поехать в Африку, и он начал понимать, как мало он заботился о том, что было для него так важно всего лишь несколько часов назад. Я делал много пометок в своем блокноте в те дни, поэтому я могу сейчас воспроизвести те события.

– Послушай, Барон, – начал он, – в течение последних нескольких месяцев мы узнали многое о рыбе-парус-ник. Нам их ловить гораздо легче, когда мы ловим на блесну, двигаясь в западном направлении. Это потому, что они идут в этом направлении. А вокруг этих районов, – он указал три области на морской карте, – у нас клюет постоянно. Здесь все дело в рельефе дна, а не в течении, поскольку мы и так в нем находимся. Ты не можешь ловить рыбу в океане вслепую, как ты делал это в горном ручье. Я думаю, что рыба движется в западном направлении, чтобы пройти через Гольфстрим между маяком Ребекки и Тортугасом. Тем же путем танкеры идут в Тампико. За это лето мы поймали больше, чем прошлой зимой все профессионалы из знаменитой рыболовецкой компании Флориды. Сейчас у рыб лучшие условия для кормежки, и мы уже начали формироваться как экипаж настоящей рыболовецкой машины. – Эрнест похлопал по борту «Пилар».

– Машина что надо, – согласился я, – я лишь надеюсь, ты не разочаруешься в экипаже или придумаешь еще какое-нибудь занятие по душе.

– Я никогда в тебе не разочаруюсь, Барон, потому что ты энергичный и тебе наплевать на трудности. Но почти все это чушь собачья по сравнению с Африкой. Лишь там я понял, что мне нужно.

– Когда подцепил дизентерию, – съязвил я.

– Черт с ней, с дизентерией. У меня только одна жизнь, и, ради Христа, я хочу побывать там, где мне интересно. Я не ощущаю никакой романтики на Американском континенте. Он меня нисколько не вдохновляет. Сейчас я просто хочу сколотить достаточно денег, чтобы вернуться в Африку. Я упорно работал, написал несколько хороших рассказов и буду продолжать заниматься этим, хотя на прошлой неделе у меня все из рук валилось. Но сейчас я могу говорить об этом в прошедшем времени. Сейчас я прихожу в норму, и писатель во мне еще как будто не умер.

– Может, тебе взять на борт Гертруду Стайн? Она покажет тебе, как управляться с делами, – подшутил я над ним.

– Ну конечно, – рассмеялся он, – уж порядочек будет отменный. – Он замолчал на мгновение, затем продолжил: – Я действительно учился у этой женщины. И в то же время я учился у Джойса и Эзры. Гертруда была прекрасной женщиной, пока у нее не появились эти странности. До этого она была чертовски хороша. Но потом она начала думать, что любой хороший человек странен сам по себе. С этого момента она изменилась в худшую сторону и убедила себя в том, что человек со странностями непременно должен быть хорошим. Но пока с ней не случилось этого помешательства, я многому научился у нее. – Эрнест сделал большой глоток. – У Андерсона я тоже кое-чему учился, но непродолжительное время. А Лоренс показал мне, как описывать ландшафт.

На минуту Эрнест замолчал, вслушиваясь в рокот двигателей и наблюдая за поверхностью воды. Затем он произнес:

– Но боже, книга, которую Стайн издала в прошлом году, полна злобного вздора. Я всегда был к ней чертовски терпеливым, до тех пор пока не получил пинка под зад. Ты думаешь, она действительно верит в то, что научила меня, как нужно писать те названия глав для книги «В наше время»? Она считает, что она или Андерсон показали мне, как надо писать первую и последнюю главы романа «Прощай, оружие!». Или книга «Холмы, подобные белым слонам», или описание фиесты в «И восходит солнце»? Вот черт. Конечно же я обсуждал с ней книгу. Но это было через год после того, как я ее написал. Я ее даже не видел с 21 июля, когда я начал писать, по 6 сентября, когда работа была завершена. Но что меня действительно взбесило, это когда она дала мне понять, что я хрупкий. Черт побери, если когда-то за свою жизнь я и ломал свои кости, так это было во время ранения, или тот перелом руки на западе Штатов, когда перевернулся «форд». А эти шрамы оттого, что врачам пришлось вырезать разорванную плоть. Хирургу было необходимо подпилить концы

костей, чтобы сложить их вместе. Без сомнения, старина Гертруда не понимает, что такое хрупкая натура.

Последовала еще одна непродолжительная пауза. Потом он добавил:

– И в довершение всего она назвала меня трусом. Но ты знаешь… Я все равно оставался терпимым и добрым, даже после того, как она перестала быть мне другом. Ты мог бы сказать, что тот прошлый год не был для меня самым счастливым из-за Стайн и Макса Истмена из издания «Нью репаблик». Но во всяком случае, я писал хорошо. Даже не знаю. Может быть, это частично привело к тому, что сейчас Африка для меня кажется чертовски привлекательной.

Эрнест громыхнул кубиками льда в своем пустом стакане:

– Ты не приготовишь мне еще выпивки, Барон?

Глава 8

Как-то утром того лета Эрнест поздно пришел на борт судна. Его сопровождал крупный, серьезного вида молодой мужчина, с осторожностью оглядывавшийся вокруг.

– Сегодня никакой рыбалки, Барон, – сказал мне Эрнест. – К тому времени, когда мы достигнем Гольфстрима, поднимется сильный ветер.

Не было заметно, что это его расстроило. Он почему-то ухмылялся.

– Познакомься с новым товарищем по плаванию, это Арнольд Самуэлсон. А это мой младший брат.

Арнольд будет жить на борту, – продолжал Эрнест, – он пришел сюда учиться писательскому искусству. А сейчас, ради бога, наведите порядок на судне, а не то я вас обоих вышвырну отсюда.

Арнольд приехал сюда на попутных машинах, чтобы расспросить Эрнеста об особенностях профессии писателя. Я узнал, что он несколько лет проучился в государственном университете на Среднем Западе, работал на уборке урожая и в газете, прежде чем добрался до Ки-Уэст. Он решил, что его жизненный опыт позволит ему хорошо писать, и если кто и может поделиться с ним полезной информацией, так это Эрнест. За все годы писательского творчества к Эрнесту никогда не приходил незнакомец и не говорил настолько многословно:

– Вы знаете, как это делать, а как насчет того, чтобы показать мне?

Арнольд был настолько искренним, что Эрнест не нашел ничего против его пребывания на борту. Полин была в восторге от него, потому что он был таким добродушным.

Так что он стал единственным признанным учеником Эрнеста. За свою игру на скрипке Арнольд быстро получил прозвище Маэстро.

Арнольд имел определенную популярность как вдохновитель комичных, но все же полезных советов молодым писателям, которые Эрнест опубликовал на следующий год в «Эсквайре» под заголовком «Монолог с Маэстро». Раньше Маэстро никогда не был на борту судна, но за шесть месяцев, проведенных на «Пилар», он узнал достаточно о писательском творчестве, чтобы публиковать статьи о рыбалке с Эрнестом.

В первую неделю пребывания Арнольда Эрнест хотел понаблюдать за его действиями и оценить, какую ценность он представляет собой как палубный матрос. Так что мы

продолжили рыбалку. Но после первых двух дней Арнольд сильно обгорел на солнце, как это случилось с нами несколько месяцев назад.

– Пойдемте-ка в дом, джентльмены, – сказал Эрнест на следующий день, – мы немного отдохнем от солнца и немного побоксируем. Нет ничего лучше, чтобы поддержать свою форму для рыбалки.

Когда мы пришли, Чарльз Томпсон был уже там. Мы прошли на теневую сторону дома и постоянно меняли партнеров по тренировке, чтобы каждый мог попробовать силы с каждым. Арнольд был очень сильным, но его реакция была недостаточно быстрой, чтобы увернуться от серии хитрых ударов. Чарльз, как и Эл, двигался быстро, а у Эрнеста была не только быстрота удара и сила, но и хитрость.

– Давай, вперед! Шевели руками! – С кем бы из нас Эрнест ни боксировал, он был полон советов, предостережений. – Ну давай же, ударь меня! Посмотрим, сможешь ли ты!

Я сделал движение вперед и нанес прямой удар. Но мгновенно последовал ответ с правой такой силы, что в глазах все поплыло.

– Это для того, чтобы отучить тебя бить со всей дури. И прекрати улыбаться. Не надо строить из себя шута, когда боксируешь. Нужно быть хорошим противником. Держи левую руку повыше!

Чарльз не уступал Эрнесту в быстроте реакции, но его удары были значительно слабее. Мы провели несколько дней прекрасных состязаний, боксируя после полудня, пока Арнольд снова стал готов к выходу на солнце.

Перчатки всегда были скользкими от пота. Поэтому в конце нашего мероприятия возникали трудности со шнуровкой, а все, как правило, были в перчатках. После того как мы все уже были изрядно измотаны, Эрнест вел нас наверх в душ. Возможно, это нарушало порядок в доме, но, несомненно, освежало и восстанавливало силы.

Летнее солнце палило неистово, и экипажу «Пилар» было приказано не снимать одежды днем во время похода к Гольфстриму. Ты мог носить все, что угодно, лишь бы руки и ноги были закрыты. А Эрнест следил за тем, чтобы уже в первые минуты после отправления лица были тщательно смазаны мазью на основе оксида цинка.

– Это делается вот так, – говорил Эрнест и размазывал пальцем белую мазь по своему носу и вокруг рта.

Это было лучшим средством от загара. Вид Эрнеста во всем его макияже на фоне черной палубы «Пилар», без сомнения,

вызвал бы шок у любого незнакомца. И хотя этим мерам предосторожности мы следовали ежедневно, чувствительная кожа на носу Эрнеста продолжала обгорать. У него была большая склонность к загару, чем у остальных членов команды. Возможно, отчасти это было из-за того, что он время от времени отправлял нас посидеть в тени, а сам продолжал оставаться на солнцепеке. Или он посвящал рыбалке слишком много времени, так что кожа на его носу не успевала заживать.

14 июля, на годовщину взятия Бастилии, у Эрнеста было готово более двухсот страниц его новой книги, и он с великим нетерпением снова страстно желал побывать на Кубе. Карлос Гутиеррес, который багрил для него рыбу в течение трех лет рыбалки на Кубе, ежедневно посылал сводки в Ки-Уэст через гаванский паром. Он сообщал о ситуации в Гольфстриме и о коммерческой ловле марлина местными рыбаками.

Арнольд, он же Маэстро, уже совершил несколько выходов в район Гольфстрима и доказал свою выносливость, но ему еще предстояло научиться ходить по палубе судна, не теряя равновесия. Ни один человек не рождается с этой способностью, и балансирование на палубе небольшой лодки есть не что иное, как приобретенное только путем практики качество. Напряжение рук и ног Маэстро, когда он собирал себя в кулак, борясь с непредсказуемым движением моря, было достаточным для того, чтобы сердце любого наблюдателя выпрыгнуло из груди. Он постоянно боялся очередного падения на зад после очередного просчета. Все же он был настолько благонамеренным, что нравился всем окружающим, вызывая добрую симпатию. Он очень хотел увидеть Кубу и в итоге пошел, как самостоятельный член экипажа, когда 18 июля Эрнест принял окончательное решение отправиться в Гавану. Помощник капитана с парома выполнял обязанности штурмана. Но легкое с первого взгляда путешествие таило в себе опасности. Дважды они перегревали оба двигателя из-за того, что впускные патрубки системы охлаждения забивала присутствовавшая в водах Гольфстрима трава. Но с наступлением ночи судно все-таки достигло Гаваны.

Спустя несколько недель после ухода Эрнеста в наш дом в Ки-Уэст зашел странный посетитель. Этот зрелого вида мужчина был блондином в белом костюме с ярко-красным поясом на брюках. Ему открыла дверь Лилиан Лопес-Мендес, очаровательная француженка, жена колумбийского художника.

– Ричард Галлибуртон, искатель приключений, – представился он. – Мне бы хотелось, чтобы мистер Хемингуэй рассказал мне о том затонувшем в зыбучих песках корабле, о котором он как-то упоминал в своих статьях. Сейчас я пишу для

агентства печати.

Лилиан не очень хорошо знала английский, поэтому позвала меня. Я сказал, что Эрнест в данный момент находится в Гаване. Потом подошла Полин, представилась и объяснила, что Эрнест не планировал возвращаться ранее чем через несколько недель, но его можно застать после рыбалки в отеле «Амбос мундос» на Обиспо-стрит.

– Я всего лишь хотел поговорить с ним, узнать некоторые особенности местного колорита, – сказал Галлибуртон и ушел.

В следующие дни его видели в нескольких местах в районе Ки-Уэст. Он постоянно задавал вопросы. В следующую среду, когда судно «Р и О» отправлялось в Гавану, Полин и я пошли проводить Лилиан. Ричард Галлибуртон тоже был там, но уже без своего красного пояса. Он также направлялся в Гавану.

Позже мы узнали о том, что знаменитый искатель приключений немедленно пошел в отель Эрнеста. Тяжело дыша, он назвал себя по телефону и добавил:

– Я только что прибыл на судне из Ки-Уэст вместе с вашей сестрой.

– Да что вы говорите, – возразил Эрнест, – мои четыре сестры сейчас за тысячу миль отсюда.

Потом Галлибуртон описал Лилиан и Полин, меня и Бамби, Патрика и Джиги. Эрнест не испытывал удовольствия узнавать, какая тщательная исследовательская работа была проделана над ним. Он знал Галлибуртона как автора книг «Великолепное приключение» для путешественников, и у него уже сложилось определенное мнение об этом человеке. И когда Галлибуртон попросил разрешения прийти «приватно поболтать перед обедом», Эрнест рассвирепел:

– После душа я спущусь вниз, в вашем распоряжении будет пятнадцать минут. В баре я послушаю, что вы хотите мне сказать.

После того как Эрнест остыл не только физически, но и эмоционально, он спустился вниз в вестибюль. Он отвел в сторону менеджера Маноло Аспера и указал ему на человека, жестикулирующего в баре:

– Дайте ему комнату, если вы обязаны это сделать, но только не на моем этаже.

Маноло кивнул.

Затем Эрнест прошел в бар, положил свою большую руку на плечо Галлибуртона и сделал быстрое заявление собравшейся толпе друзей, знакомых рыбаков и продавцов лотерейных билетов.

– Джентльмены, – сказал он по-испански, – я хочу, чтобы вы все удовлетворили желания Ричарда Голопопкина, знаменитого

американского искателя приключений и… (здесь он использовал особенное испанское слово). А теперь – каждый за себя!

В поднявшемся гаме Эрнесту удалось уйти от дальнейшей ответственности за события. Мистер Галлибуртон больше его никогда не беспокоил.

Спустя месяц я шел под парусом вдоль кубинского побережья и неожиданно вдалеке увидел знакомые очертания «Пилар». Эрнест заметил нас за несколько миль. Дело уже шло к вечеру, и после нескольких дней мотаний по Гольфстриму, когда шквалы попеременно налетали на нашу лодку и шли дальше, оставляя нас невозмутимыми, но насквозь мокрыми, мы были рады с кем-нибудь переговорить.

– Будьте готовы принять холодное пиво! – прокричал Эрнест.

Мы поймали четыре бутылки, перекинутые Эрнестом со своего судна, когда проходили рядом. Потом мы под хорошее пиво «Кристалл» провозгласили тосты за наше прибытие в кубинские воды и прокричали друг другу последние новости. На борту «Пилар» лежал марлин, но Эрнест еще закинул приманку перед тем, как увидел нас. Я познакомил его со своим компаньоном по плаванию, Джейком Климо.

– Лучше хватай трос, Барон! – в заключение прокричал Эрнест. – Мы отбуксируем вас в гавань, иначе в такой штиль вы застрянете здесь на несколько часов. На входе в гавань ветер переменчивый. Мы вам покажем, где встать на якорь… Подними карантинный флаг. Завтра ты можешь официально зайти в порт.

Мы закрепили конец троса у себя на лодке и скоро набрали скорость, получив возможность убрать паруса до заката солнца. Позже нам сказали о том, что наша лодка была самым маленьким судном с иностранной регистрацией, когда-либо входившим в кубинский порт.

На следующий вечер у нас была вечеринка на борту «Пилар». Там была Джейн Мейсон, и я так же быстро оказался во власти ее очарования, как многие молодые мужчины до меня. Я так здорово набрался, приканчивая ее напитки и торопясь приготовить новые для нее, что она обратила на меня внимание. На следующее утро Эрнест вел себя жестко, но доброжелательно.

– Сейчас ты капитан своей лодки и находишься в иностранном порту, Барон. Ты должен научиться справляться со своим похмельем, а иначе тебе подмешают слабительное в спиртное и украдут твой корабль.

Следующие дни были посвящены рыбалке. Нам удалось поймать замечательного марлина. Во время ленча Эрнест направил судно вдоль берега в направлении Мариэля или Джаруко, а затем становился на якорь. Перед едой мы купались и

тренировались в нырянии против течения вдоль корпуса «Пилар». После двадцати минут развлечения сандвичи казались просто райской пищей.

В тот год настоящая миграция саргана началась не ранее первой недели сентября. За двадцать девять минут Эрнест справился с марлином весом двести сорок три фунта. Затем он вытащил полосатого марлина на сто тридцать фунтов всего за три минуты. Рыба была молодой, но сопротивлялась отчаянно.

– Несколько сезонов назад мне требовалось около часа на такую рыбину, – сказал Эрнест.

Насчет большой он признался:

– А с этой я бы боролся по крайней мере два с половиной часа. Их красиво поймали, впрочем, как и остальную рыбу. Просто у нас теперь больше опыта.

Эрнест показал мне несколько писем от читателей «Эсквайра», в которых они сомневались в достоверности его материала. Я видел то, что он делал, и знал о том, что все это чистая правда.

– Почему они так реагируют? – спросил я.

– Это тот тип людей, которые слышат эхо и думают, что порождают звук, – ответил он, – они слышат или читают мои шутки и воспринимают их за чистую монету. Подобно Хейвуду Брауну, который заклеймил меня обманщиком в боксе. Он, вероятно, подцепил эту идею, читая Гертруду Стайн, и эта мысль понравилась ему. Затем он выдавал это как свое умозаключение. Меня это сильно раздосадовало и, скорее всего, на этом еще не закончится. – Эрнест сделал еще глоток и добавил: – Молодой человек, я могу обманывать только так, как это делают писатели-фантасты. Я придумываю ситуации таким образом, что они кажутся правдоподобными. Но ты меня знаешь от и до по рыбалке, охоте, боксу. Я добиваюсь желаемого?

– Как никто другой.

– И мы будем придерживаться этого, Барон. Но я не могу отвлекаться на чье-то злопыхательство и должен продолжать свою книгу. Эта книга дает возможность заработать денег, и это хорошо. Потому что деньги обеспечивают независимость. У меня была возможность заняться бизнесом на Танганьике. Это дало бы детям шанс спокойно расти… Тебе следовало это понять. У меня нет времени беспокоиться об этой позорной чуши. Мне нужно до седьмого пота работать над книгой.

Джейк и я решили отправиться под парусом на Гаити, и Эрнест вышел нас проводить.

– Я поручу нашему агенту уладить ваши таможенные формальности, – сказал он, – думай головой и следи за

сохранностью судна. И помни, все время будь наблюдательным. Это школа для писателя.

Вскоре Эрнест отправился в Ки-Уэст пополнить запасы продовольствия и привести в порядок дела. Он вернулся назад в Гавану в конце сентября, чтобы завершить последние главы рукописи книги «Зеленые холмы Африки». Под конец он писал от двадцати до двадцати пяти страниц в день, хотя обычно он делал около пяти ежедневно. Его рукопись составила четыреста девяноста две страницы, и он планировал начать на следующий день новый рассказ.

Поскольку работа над книгой была завершена, даже морские шквалы после полудня не могли удержать Эрнеста от рыбалки. Косяки рыб мигрировали по течению Гольфстрима, и он рассчитывал поймать хорошего марлина. В середине октября он занес инфекцию через рану в указательном пальце правой руки, которая развилась в серьезное заражение крови, что здорово напугало его. Палец сильно вспух, а потом опухоль в нем стала спадать, и осталось общее воспаление. Он печатал письма одной рукой на пишущей машинке, и они были более комичными, чем когда-либо.

Я написал о развитии событий на восточной стороне острова, где у нас возникли противоречия с местными властями. Он в ответ сообщил местные новости. Он сказал, что Джилберт Селдес написал о нем статью в «Эсквайре». Это звучало иронично, поскольку, когда Селдес был редактором издания «Дайл» в Европе, он отверг главы книги Эрнеста «В наше время» и, сделав это, посоветовал ему заняться работой в газете и оставить все иллюзии насчет писательского творчества. Эрнест сохранил то письмо с отказом. Он считал, что оно дает ему хороший удар по ребрам, когда ему это необходимо. Тогда у Эрнеста было что сказать забавного и особенно порочащего. Но его рука болела еще настолько сильно, что приходилось ограничиваться написанием только личных писем. Когда воспаление давало о себе знать, он продолжал отмачивать ее в растворе английской соли.

Ужасный ураган обрушился на южное побережье Кубы. В конце октября Эрнест вернулся на «Пилар» в Ки-Уэст. Он погрузился в работу, помогая своему другу Луису Куинтанилле, испанскому художнику, в организации показа гравюр в галерее Пьера Матисса в Нью-Йорке. Выставка планировалась на ноябрь. Сам Куинтанилла находился в мадридской тюрьме, обвиненный в участии в революционных событиях во время октябрьского восстания. Эрнест написал предисловие к каталогу и поручил Джону Дос Пассосу составить остальной текст. Эрнест оплачивал проведение выставки, и уже профинансировал издание каталогов,

которые, по его убеждению, были «чертовски изумительными». В письмах всем своим друзьям он пояснял, что к нему могут отнестись предвзято из-за дружеских отношений с Куинтаниллой, но это лучшие исполненные сухой иглой гравюры, которые он когда-либо видел. Он также оплатил пошлину на гравюры, затраты на рекламу и пообещал приобрести пятнадцать экспонатов, если выставка не обеспечит достаточного объема продаж. Но он беспокоился насчет денег. В течение весны и лета он одалживал из своего резервного фонда нескольким друзьям, но никто из них не вернул обратно.

В ту осень в Ки-Уэст однажды сильно похолодало, что привело к гибели на мелководье многих рыб, от ронки и люцианов до каранкса и альбулы. Но это нисколько не повлияло на спортивную рыбалку на больших глубинах и в водах Гольфстрима. Эрнест уговорил Арнольда Джингрича, и вместе они поймали тунца, рыбу-парусник и большую барракуду. И Арнольд снова решил неотложные финансовые проблемы Эрнеста.

За неделю до Рождества Эрнест отвез Полин и детей в Пигготт, чтобы семья могла отметить там старинный праздник. Но в общем эта зима проходила в работе и беспокойствах. Эрнест хотел помочь Куинтанилле отделаться минимальным сроком. И последствия амебной дизентерии его снова серьезно беспокоили. Он работал над книгой, сокращал и уплотнял текст и решил публиковать по частям в журнале. У него были предложения от издательств «Скрибнерс» и «Космополитен». Приехал Макс Перкинс, но все время его пребывания Эрнест чувствовал себя совершенно разбитым от дизентерии. Лечение с помощью касторового масла, эметина и других медикаментов казалось еще хуже, чем сама болезнь. Но он на полном серьезе сказал Полин:

– Я уверен, что не хочу умереть от болезни, от которой умирал скот в Техасе.

В конце февраля на Кубе вспыхнуло серьезное восстание. Правительственные войска вывели из тюрем более трехсот людей, которых там недолго продержали, и расстреляли их. Эрнест знал некоторых казненных и был очень мрачен. Мои письма с острова, описывающие уличные бои, добавили некоторые подробности и, в этой связи, еще больше беспокойств.

Из-за кубинского восстания Эрнест решил рыбачить следующей весной в районе Бимини. Несомненно, большая рыба водилась в южной и восточной сторонах Гольфстрима. К тому же британские воды не особо затрагивала кровожадная политика. Эрнест узнал, что там есть неплохой отель, и пригласил друзей посмотреть, как им там понравится. Приехал Дос Пассос. Арнольд

Джингрич сказал, что попытается. Мейсоны намеревались прийти из Гаваны на своем судне.

Пока планы только обретали форму, Эрнест получил письмо от Цейна Грея, который стал в начале 30-х годов наиболее известным приверженцем охоты на крупную рыбу. Грей мог пробудить интерес к рыбалке у кого угодно, и он разжег в Эрнесте страсть к этому виду спорта еще в ранние годы. Но творчество Грея было лишь в самых общих чертах сравнимо со статьями Эрнеста в «Эсквайре», содержащими бесконечные практические советы о том, как, когда, где и с помощью каких снастей можно поймать различных прелестных обитателей глубин.

В своем письме Грей просил Эрнеста присоединиться к нему в гигантском мировом круизе по рыбной ловле. Он полагал, что они могут снять про это фильм. Эрнест должен был использовать свою известность. Грей доставал оборотные средства, предоставлял судно и снасти на тысячи долларов. Затем они могут провести серию личных выступлений перед публикой и, по его подсчетам, поделить между собой, как минимум, половину миллиона долларов.

Эрнест расценил это как одно из наиболее искренних предложений, которые он когда-либо получал. С некоторым изумлением он понял, что заставил Грея проявить беспокойство о записях, в которых он столь любезно заявлял факты, без проверки их достоверности. И это укрепило в Эрнесте веру в нарастающую потребность некоторой международной организации для отслеживания подобных вещей.

В 1935 году весна выдалась ранней. Эрнест больше не мог ждать с отправкой. 7 апреля его судно было полностью загружено провизией, баки с горючим заправлены, все механизмы смазаны, помпы охлаждения двигателей проверены. Было собрано огромное количество рыболовных принадлежностей и улажены все формальности, чтобы покинуть воды Соединенных Штатов. Итак, он отправился в путь.

Но спустя несколько часов он возвратился. Его ноги были в крови, и все лучшие планы рухнули.

Случилось так, что в тот момент энтузиазм Эрнеста возобладал над его рассудительностью. В то утро «Пилар» должна была отправиться в длительное путешествие мимо рифов, затем пересечь Гольфстрим в направлении Багамских островов. Вместо того чтобы следовать своей цели, Эрнест решил немного расслабиться и по пути половить на блесну.

Когда судно было уже на приличном расстоянии от порта, на одну из наживок клюнула акула. В борьбе с ней, равно как и в вытаскивании на борт, были заняты весь экипаж судна и,

естественно, капитан. Как и большинство акул, этот экземпляр оказался на редкость живучим. Когда Эрнест достал свой автоматический кольт «вудсман» калибра 22, акула почти полностью лежала на кокпите и вела себя смирно. Когда он выстрелил ей между глаз, как раз в то место, где должен быть ее мозг, акула конвульсивно дернулась, возможно от легкого движения мощного плавника. Ее голова сместилась с линии огня. Предназначенная для нее пуля попала в овальную, шириной всего полдюйма, металлическую полосу, окаймляющую край кокпита. По совершенно идиотскому невезению пуля раздробилась на несколько маленьких кусочков горячего свинца, срикошетивших в голени Эрнеста.

Кости не были задеты, однако большинство частичек пули попала в его левую ногу. Никто не был виноват в несчастном случае, это не было чей-то беспечностью, просто глупая случайность. Никто не мог предугадать, когда может дернуться акула, находящаяся еще в полном здравии.

– Черт побери! – воскликнул Эрнест. – Это можно занести в учебники. Проклятая акула уделала меня, и это мне урок на всю жизнь.

– Что будем делать? Ты истекаешь кровью.

– Тресните ее дубинкой. Заберем эту тварь в Ки-Уэст. Посмотрим, как скоро мы сможем добраться до морского госпиталя.

На берегу доктор Уоррен из морского госпиталя дал Эрнесту антибиотики и извлек маленькие осколки пули. Но он предписал Эрнесту постельный режим. Он не хотел доставать большой осколок пули из левой ноги из-за неудачного расположения.

Три дня Эрнест должен был не вставать с кровати из-за возможного развития инфекции. В этот период крайнего разочарования его сильно приободрило письмо Диманова. Он сообщил, что его произведение «И восходит солнце» раскуплено в России тиражом 57 000 экземпляров, а роман «Прощай, оружие!» начал печататься в русском издании «Иностранная литература». Русские хотели перевести «Зеленые холмы Африки» и заявили, что готовы опубликовать все, что бы он им ни прислал.

Произведение «Зеленые холмы Африки» вышло в Англии 3 апреля, и Эрнест получил копии «Таймс» и «Санди таймс» с очень приятными отзывами.

– Там ты можешь писать о несоревновательных видах спорта, и они называют это литературным творчеством, если это то, что им нужно. А здесь они посмотрят на тему и скажут, что ты не можешь писать серьезно о подобной ерунде. У нас ты должен писать о забастовках или прогрессивных общественных

движениях, иначе о тебе и не узнают, – сказал он.

Но, тем не менее, он чувствовал себя прекрасно. После полученных ран не было осложнений.

– Если мне придется еще раз выстрелить, я не буду искать лучшего места, – был его стоический комментарий.

Он написал забавную статью для «Эсквайра» и вновь отправился в сторону Бимини, твердо решив в течение этого продолжительного двухсотмильного путешествия не отвлекаться на рыбалку.

Той весной в районе Бимини Эрнест поймал двух больших тунцов, каких там еще никогда не ловили. Их вес составил пятьсот четырнадцать и шестьсот десять фунтов, и акулы не успели их повредить. Он использовал технику, освоенную им при ловле марлина. Не делая передышек в борьбе с рыбой, он вытаскивал ее на борт, когда она еще двигалась достаточно быстро, чтобы избежать акул, которые любили отхватывать большие куски от теряющих силы рыб. Летняя миграция рыбы продолжалась, и Эрнест надеялся установить мировой рекорд, оценивая каждую добычу по весу.

Одним майским вечером, как раз перед возвращением в Соединенные Штаты, Эрнест затеял жаркий спор с человеком, имени которого он не знал. Это произошло в биминском доке. До того как словесная перепалка окончилась, к ним присоединились Бен Финни, Хоулард Ланс, Билл Фейган и несколько других капитанов рыболовецких судов.

Картина была впечатляющей. Эрнест возвратился после удачной дневной рыбалки, хотя у него и не было большой рыбы, чтобы продемонстрировать свой успех. Что-то он поймал, по всей видимости тунца. Но его пришлось брать с большой глубины, что заняло пару напряженных часов, и в конечном итоге он сорвался, скорее всего из-за акулы. К заходу солнца Эрнест возвратился. Когда гости сошли на берег, на судне был наведен порядок, а снасти подготовлены для грядущего дня. Уже совсем стемнело. В доке виднелась всего пара огоньков. Лишь иногда он освещался прожекторами судов, возвращающихся из Кэт-Кей, где проводились строительные работы. Позже Эрнест рассказал мне о том случае в мельчайших подробностях. Он все еще был рассержен.

– Эй, ты тот самый парень, который заявляет, что выловил абсолютно всю рыбу?

Эрнест услышал голос из темноты, но сразу не смог разглядеть, кто говорит. Он не был уверен, что обращаются именно к нему, и вел себя настороженно.

Затем голос повторил, но уже громче:

– Послушай, ты тот самый парень…

– Я ловлю свою долю, – ответил Эрнест, которому удалось заметить в доке крупную фигуру в белой рубашке.

– Ну а где же твои доказательства улова? Я полагаю, мы все скоро узнаем о чудовищном рекорде, который ты сегодня чуть было не установил, когда…

– Слышишь, ты, я даже не знаю, как тебя зовут и, тем более, твою мать!

– Оставь мою мать в покое! Давай выясним, если…

– Если что? Если она у тебя действительно была? Давай спросим у этих парней!

Собравшиеся вокруг мужчины разразились хохотом. Диалог продолжался. Незнакомец явно лез на рожон:

– Я хочу узнать, ты дурачишь нас своими байками, как и…

– А ты, я вижу, специалист в одурачивании. Может, тебе нужно еще выпить? Почему бы тебе не пойти пропустить еще одну рюмочку?

– Ну уж нет! Ты что-то там высказал насчет моей матери? Я требую сатисфакции, и я получу ее, или опозорю тебя на весь док! Кто-то сказал, что ты трусишка, я сейчас это проверю! – Весь его вид был настолько вызывающим, как будто он позировал для картины.

– Послушай, – сказал Эрнест, – ты не знаешь меня и понятия не имеешь, куда лезешь. Ты не больше чем хвастун. А ты бы смог повторить все, что сказал мне сейчас, перед своими друзьями в Нью-Йорке? А сейчас это полная чушь!

– Ага, хочешь избежать этого разговора? Именно это я подумал! Все так и есть на самом деле!

Эрнест в три прыжка вскочил на причал. Его удар последовал незамедлительно.

– Я полагал, что он в стельку пьян, – потом рассказывал мне Эрнест, – и я нанес ему несколько хороших ударов с левой, но он остался стоять на ногах. Я не мог в это поверить. Он был рассержен и, конечно, выпивший, но это нисколько не отражалось на его рефлексах до того момента. Затем он набросился на меня сверху, схватив, как неряшливый судья на линии, и пытаясь нанести удар снизу. Я дал ему дважды в голову, изо всех сил, и он отпустил меня. Я немного отступил и вложил всю свою силу в завершающий удар. Он упал, его задница и голова шлепнулись о настил причала одновременно.

Эрнест был обеспокоен тем, что он совершил. В номере «Комплит англер» он принял душ и обнаружил, что во время драки на пристани содрал ногти на больших пальцах ног.

Друзьям он сказал, что всего лишь подрался на поединке. Но он еще больше обеспокоился, когда дошли слухи, что человек, с которым он вступил в словесную перепалку, а потом избил, был известен под именем Джозеф Кнапп, владелец издательства «Колльерс уоменс хоум компанион», журнала «Американ» и других.

– Это было то, что называется сокращением сотрудничества с журналами, – заметил он, – это было первой дракой без перчаток со времен моего детства. Должно быть, шестьдесят человек наблюдали за этим, и не было никаких ставок.

Эрнест, конечно, иронизировал, но все же был серьезно озабочен тем, что мог повредить голову своего противника. Примерно в четыре утра следующего утра яхта мистера Кнаппа «Сторм Кинг» отправилась в Майами для оказания медицинской помощи ее владельцу. Кнапп очень откровенно рассказал об инциденте. Он сообщил капитану Биллу Фагану о том, что очень сожалеет о своем вызывающем поведении, и получил по заслугам. Он был тяжелее Эрнеста, и на его ногах были ботинки, но его спортивная подготовка оказалась хуже, чем у противника. Негритянская музыкальная группа, выступающая в окрестностях Бимини, стала очевидцем этих событий и сочинила замечательную песенку. Ее можно было частенько слышать на островах спокойными вечерами, когда ром начинал свое действие и светила луна.

В начале июня Эрнест прилетел в Ки-Уэст навестить Полин и ребятишек. Полин оставалась там, потому что Патрик и Грегори были еще слишком маленькими, чтобы везде следовать за своим отцом, к тому же надо было присматривать за домом. Затем Полин отправилась в Сент-Луис забрать Бамби, который был на летних каникулах после школы.

Эрнест возвратился в Бимини порыбачить до конца лета. Он написал Арнольду Джингричу, в подробностях объяснив график самолетных рейсов. В последующие недели они обменялись множеством писем через капитана самолета, дважды в неделю совершавшего полеты из Майами. Арнольд постоянно откладывал свой приезд, но в конце концов появился, чтобы увидеть потрясающую рыбалку своими глазами.

– Одним из моментов, повлиявших на мое решение, был шанс услышать ту песенку, – комментировал Арнольд.

Позже приехала Полин и остановилась с детьми на возвышенности. Тогда Эрнест поймал огромного марлина, оторвавшего крючок, когда его вытащили на палубу. По оценкам Эрнеста, он был более двенадцати футов длиной, двадцать два раза выпрыгивал из воды, пока его тащили на леске, размотанной

на половину мили. Эрнест боролся с ним двадцать восемь минут. Он использовал тунца весом от восьми до десяти фунтов в качестве наживки и добился большого успеха. Заключая пари с «богатыми мальчиками» по поводу улова, он выиграл триста пятьдесят долларов. Но потом его мастерство и везение стали общепризнанными, и ставок больше не было.

За неделю до дня рождения Эрнесту опять крупно повезло. За четыре дня он поймал марлина весом триста тридцать фунтов за двадцать пять минут. Рыбу, потянувшую на триста шестьдесят четыре фунта, он вытащил за тридцать две минуты, пятьсот сорок фунтов – тридцать минут и двести семьдесят восемь фунтов – за двадцать две минуты. Все происходило в честной борьбе. Самую большую рыбу он поймал на свой день рождения. Она выпрыгивала восемнадцать раз из воды, и дважды приходилось отпускать леску более чем на четыреста пятьдесят ярдов.

После драки с Джо Кнаппом в тех местах у Эрнеста было много боксерских поединков, равно как и выходов на рыбную ловлю.

– Если кто был навеселе или начинал вести себя опасно, то приглашали меня, – позже вспоминал Эрнест. – Потягайся-ка с ним, капитан, говорили мне. После той потасовки мне менее чем за три недели пришлось драться четыре раза. Дважды мы использовали перчатки, а остальные бои провели без них. Я победил во всех поединках с нокаутом. Я полагаю, что Бимини то самое место, где я мог бы стать чемпионом в тяжелом весе. Самый крупный и крутой островитянин, цветной парень, продержался не больше минуты, но он не владел техникой бокса. Это был позор. Вот если бы ты увидел его обученным и натренированным.

На Бимини Эрнест и Майк Лернер скоро стали друзьями. Майк прибыл на остров ранее и поймал несколько больших марлинов. Известия об этих уловах захватили воображение многих американцев. Как иностранный порт, Бимини расположен в удобной близости от Соединенных Штатов, находясь всего в сорока пяти милях, через Гольфстрим. Эрнест инвестировал несколько сотен долларов в землю этого острова, поскольку ему нравилось это место.

– Сейчас мы владеем частью Багамских островов, – сказал он мне позже. – Она не так велика, зато своя.

До отъезда у Эрнеста был серьезный разговор с Майком Лернером и другими по поводу создания официальной группы для оценки и регистрации рыболовных рекордов. Впоследствии эта группа стала ядром Международной рыболовецкой ассоциации при финансовом содействии Американского музея

истории природы, секретарем которого была Франческа Ламонте. Мисс Ламонте и Эрнест стали хорошими друзьями. Во время рыбалки в районе побережья Кубы Эрнест уже брал на борт ихтиологов из Филадельфийской академии наук. Они изучали повадки марлина в Гольфстриме. А один из видов рыб, неомаринте хемингуэй, был назван в честь его открывателя – Эрнеста.

Эрнест планировал возвратиться в Ки-Уэст в конце августа. После ремонта и установки нового оборудования он хотел половить рыбу в районе Гаваны в течение трех недель. Он помнил о том, какими великолепными косяками мигрировала рыба в сентябре год назад. Но ему пришлось ждать доставки на Бимини запасных частей из-за угрожающего повышения расхода топлива главным двигателем.

Снова приближался сезон ураганов, и Эрнест решил, что самой безопасной гаванью будет наиболее знакомая. Погода стояла сырая, и он чувствовал себя беспокойно. С годами Эрнест выработал в себе «чувство куропатки», и вдруг ему стало просто невтерпеж поскорее отправиться в путь. В последнюю неделю августа, когда была решена проблема с запасными частями, Эрнест быстро пересек американские воды по направлению к Ки-Уэст, держась подальше от рифов. Он хотел обезопасить судно от любого возможного шторма, и лучшим для этого местом была база подводных лодок в Ки-Уэст. Его предчувствие оказалось абсолютно верным.

В тот год на День труда с востока обрушился сокрушительный ураган. Эрнест обмотал корпус «Пилар» канатами, а двойные бридели удерживали судно с четырех сторон, чтобы оно не разбилось о пирс внутри базы. Канаты разорвались, но судно (между прочим, незастрахованное) вынесло удар стихии без повреждений.

Когда шторм прошел, все виды сообщений между Ки-Уэст и материком были прерваны. Лишь через день стало известно о причиненном ущербе. На протяжении трех миль была размыта железная дорога. Сотни ветеранов Первой мировой войны, живших в одноэтажных бараках около Индиан-Ки, утонули, когда ураган и потоки воды обрушились между Исламорадой и Матекумбе.

В начале того лета я перегнал свою лодку с Кубы в Ки-Уэст. Оттуда я направился на север, поскольку в то время работал корреспондентом «Чикаго дейли ньюс». Эрнест написал, что Чарльз Томпсон завел мою лодку в небольшую бухту, и там она была в безопасности от разбушевавшейся стихии. Три года спустя, когда я проводил отпуск в Ки-Уэст, среди мангровых зарослей на

необитаемых рифах нам все еще попадались армейские ботинки утонувших ветеранов.

Осенью друзья пригласили Эрнеста провести зиму в Кении и заодно поохотиться. Он также хотел побывать в Абиссинии, чтобы написать об итальянском военном вторжении. Он работал неустанно, и сама поездка его привлекала, но он решил отказаться от этой затеи. Друзьям он объяснил, что однажды уже видел, как воюют итальянцы. И если он не проявлял к этому особого интереса в двадцать лет, то не видит причины обращать на это внимание в тридцать восемь. На самом деле в тот момент ему было тридцать шесть. Большую часть своей взрослой жизни Эрнест намеренно искажал свой возраст в большую сторону, создавая образ более зрелого человека, чем он действительно был.

В течение октября и ноября Эрнест и Дос Пассос совершили две поездки в Нью-Йорк, останавливаясь в гостях у Джеральда Мерфиса. Двери дома Мерфиса уже многие годы были распахнуты для Дос Пассоса и других серьезных писателей. За исключением этих поездок, Эрнест продолжал напряженно работать в Ки-Уэст над дальнейшими главами романа «Иметь и не иметь», а также короткими рассказами. Этот зимний период был плодотворным. В апреле следующего года он завершил работу над несколькими короткими рассказами, дописывал шестидесятую страницу большого произведения и написал половину романа. Гарри Бартон из «Космополитен» приехал в Ки-Уэст, чтобы сделать серьезное предложение по приобретению авторских прав на его будущий роман, а также приобрести серию коротких рассказов по очень высокой цене.

24 апреля 1936 года Эрнест на «Пилар» направился в сторону Гаваны на весеннюю рыбалку. Весной ему всегда хорошо работалось. Он успевал сочетать и творчество, и спортивные развлечения. У него было больше материала для произведений, чем он предполагал найти.

Слово «пират» все еще серьезно воспринималось каждым человеком, имеющим отношение к мореплаванию. Возможно, пиратство шло на спад, но оно по-прежнему продолжало существовать, особенно проявляясь во времена депрессий. Той весной в Гаване Эрнест впервые столкнулся с настоящими пиратами.

«Пилар» стала объектом пристального внимания и зависти еще во время первого визита два года назад. По мере того как сверкающее черной краской судно становилось все более известным и круг друзей Эрнеста увеличивался, его начали принимать за состоятельного человека. У него были богатые

друзья, владеющие огромными сахарными плантациями. Они часто навещали его прямо на борту судна. Некоторые даже стали перегонять собственные яхты с реки Альмендарес в главную гавань, поближе к яхт-клубам, где они обычно вставали на якорь. Яхтсмены были привлекательной добычей для нищих, живущих в Регле, самом преступном районе гаванского порта.

Эрнест завел знакомства со всеми членами ассоциации «Пилот», но он не мог знать всех нищих, отирающихся в порту, всех уборщиков мусора и воров, рыскающих в поисках добычи на гребных шлюпках, яликах и небольших катерах, высматривая доверчивые экипажи грузовых кораблей. Эти водные пираты не шли на убийства. Они просто отказывались этим заниматься, прекрасно понимая, что частые пропажи людей рано или поздно приведут к полицейским расследованиям, которые будут препятствовать их деятельности.

– Местные воры знамениты своей гордостью и умением, – говорил Эрнест своим гостям, – а в прошлом году они устроили соревнование. Если в двух словах, то победивший в этом состязании вор удостаивался почета среди своих компаньонов. Он должен был продемонстрировать на ипподроме свою способность снять подковы с бегущей лошади.

Той весной из-за спада в экономике, нажитых Эрнестом врагов и его весьма дорогих рыболовных снастей был брошен клич – захватить «Пилар». Тот, кто первым ограбит судно, станет самым крутым в Регле.

Весть об этом намерении распространилась настолько далеко, что дошла до друзей Эрнеста, и они предупредили его. Он продолжал стоять на якоре, на своем тридцативосьмифутовом судне всего лишь в сотне ярдов от причалов Сан-Франциско, среди других рыболовных катеров.

Он знал, что ему не придется рассчитывать на кого-либо еще. А убрать «Пилар» означало испортить все представление. Так что следующие несколько ночей он был начеку. После того как он с другом на весельной лодке вечером добирался до «Пилар», он отправлял его назад на берег с большим мешком на корме лодки, напоминающим сгорбившуюся фигуру, следовавшую вместе с ним.

В конце концов уловка удалась. Однажды вечером после раннего ужина на берегу Эрнест тайком вернулся на борт и начал свое молчаливое наблюдение из верхней кабины. Тем временем его друг вернулся назад в порт.

Шли часы, и Эрнест терпеливо ждал, настороженно прислушиваясь к ночным звукам. В итоге он услышал шум, которого так ждал. Это были тихие шлепки весел

приближающейся лодки. Вдруг все стихло. Судно качнулось под ним, когда небольшая лодка приблизилась к его борту совершенно бесшумно. Раздался легкий щелчок, когда Эрнест передернул затвор своего кольта 45-го калибра. Когда темная фигура неожиданно появилась на кокпите, четко выделяясь на фоне огней кафе на берегу, Эрнест выстрелил.

Звук выстрела еще продолжал звенеть в его ушах, когда незнакомец прыгнул за борт. Перебежав к корме, Эрнест осветил поверхность воды мощным прожектором. На глаза попался лишь потрепанный ялик, быстро уходящий прочь.

После этого был брошен другой клич – оставить черное судно в покое.

Тем летом «Пилар» была втянута в еще одну пиратскую акцию. Когда Эрнест возвратился в Ки-Уэст, к нему приехал Арчи Маклейш составить компанию в рыбалке. Как-то раз они вдвоем вышли в море без остального экипажа. Эрнест считал Арчи первоклассным поэтом и джентльменом. Много раз они рыбачили вместе, и у них было много общих друзей.

Но в тот день рыба не клевала. Их разговор постепенно перешел в ругань, и обстановка накалилась. Я слышал, что Эрнест разозлился и даже не хотел пропустить рюмочку и успокоиться. В отношениях возникла неприятная напряженность, и они решили продолжить дискуссию на берегу. Эрнест направил судно к ближайшему рифу между Бока-Гран-де и Снайп-Кис. «Пилар» оставили на мелководье, и Арчи первым сошел на берег. Через пару мгновений Эрнест развернул судно. На полном ходу он отправился прочь.

Возвратившись в Ки-Уэст, Эрнест все еще продолжал недовольно ворчать. Его возбужденное состояние вызвало беспокойство у Полин.

– А где Арчи? – спросила она.

Когда она узнала, что его высадили на необитаемом острове, это не вызвало у нее никакого одобрения.

– Ты не должен был так поступить, Эрнест, – сказала она, – тебе нужно немедленно вернуться и забрать его. Он может сойти с ума от насекомых и отсутствия питьевой воды.

Эрнест возразил, что Арчи, скорее всего, уже подобрало проходящее рыболовное судно и он сейчас возвращается в Ки-Уэст.

– Меня не волнует, что ты говоришь. Ты должен это сделать немедленно.

Полин, как никто другой, могла отстаивать свое мнение в разговоре с Эрнестом. В итоге Арчи вернулся в Ки-Уэст. Но с тех пор дружбы между двумя мужчинами уже не было.

Тем летом Эрнест вернулся на Бимини. Джон Дос Пассос и его жена вместе с Эрнестом наслаждались рыбалкой, хотя Дос часто был загружен работой и пропускал подобные праздники. Эрнеста прозвали Дос Бельдюга за его любовь к этим мясистым представителям семейства люцианов. Его судно было настолько популярным, что не могло вместить всех желающих примкнуть к нему на дневную рыбалку. Тем, кому не хватало места на «Пилар», а зачастую и Дос, отправлялись на небольших моторных лодках и закидывали удочки среди рифов между скалой Пикет и Бимини.

Джейн Мейсон снова забрала свою яхту «Пеликан» из Гаваны. Флойд Гиббонс из газетного издательства «Хирст» решил остаться на все лето из-за потока новостей о рыбной ловле. Полин прибыла из Ки-Уэст вместе с детьми. К тому времени Патрик и Джиги уже достаточно подросли, чтобы иногда выходить в море с отцом. Бамби уже стал опытным рыбаком еще несколько лет назад, но он по-прежнему не переносил морскую болезнь и в некоторые ветреные дни ему приходилось оставаться на берегу, пропуская лучшие моменты для рыбалки.

В то лето на борту «Пилар» царила особая, незабываемая атмосфера. Друзья часто находили общий язык. Но Эрнест порой мог вспылить, но сердился больше на себя, чем на остальных. Совершенно непредсказуемо он проявлял вспыльчивость.

Проигрыватель, разбитый по неосторожности, был частью судовой обстановки. Некоторые записи, прослушанные неоднократно, назойливо звучали в ушах гостей судна. Среди мелодий были «Эксперимент», «Штормовая погода» и выступление Джимми Дюранта. Потом следовала песня «Злой ветер, убирайся прочь…». Песни стали настолько неотъемлемой частью жизни на «Пилар», что гости и члены экипажа открыто выступили за их уничтожение. Эрнест был слишком бдителен и очень любил эти песни, чтобы позволить выкинуть записи за борт. Гости поняли, что в прозрачной воде гавани он, скорее всего, их найдет. В итоге был выбран следующий план избавления. Те, кому было поручено ставить музыку, роняли диски один за другим и наступали на них ногами, пока нагибались, чтобы поднять их с палубы, когда судно шло полным ходом. Все можно было списать на неудачное управление «Пилар».

У местной песенки на Бимини была легко запоминающаяся мелодия. Эрнест иногда напевал ее.

В нашей гавани жирный есть свин,
Вечерком он нас позабавит,
Начнет он махать кулаками,

И удар его будет крученым,
Просто пьян этот сукин сын.

Было несколько предположений о том, к кому относится эта песенка. Большинство людей считали, что это не про Эрнеста, хотя он прославился, боксируя с кем угодно. Он никогда не дрался, за исключением случаев самообороны. Однажды утром, когда только взошло солнце, он и Том Хини, бывший чемпион Британии в тяжелом весе, встретились по взаимной договоренности на пустынном западном пляже Норт-Бимини и провели несколько раундов в перчатках. Это была дружеская встреча без времени, очков и судей. Случайно Эрнест посмотрел наверх. На верхней тропинке длинной линией выстроились наблюдатели.

– Послушай, Томми, – сказал он, – пойдем-ка отсюда. Мы устраиваем тут бесплатное шоу, после которого надо ползать на коленях со шляпой в руке, прося подаяния.

Хини согласился. Они сняли перчатки и отправились купаться.

В течение июня и первой половины июля удача в рыбалке начала уходить от Эрнеста. Его, как никогда, осаждали благодарные зрители. Но когда клев был изумительным, он вместе с другими большую часть времени посвящал подготовке наживки. А когда приманка была готова, большие марлины и тунцы были к ней равнодушны. Когда все же рыба клевала, то либо обрывалась леска, либо рыбу съедали акулы, а то и лодка, полная зевак, путала лески при неудачном маневре. И такое случалось часто. Эрнест не скрывал своего раздражения.

Джейн Мейсон пришла из Гаваны вместе с Карлосом Гутиерресом. Он собирался помочь Эрнесту багрить рыбу, а в этом деле ему не было равных. У него были невероятные познания в области рыболовного промысла. Но каким-то образом он навлек на себя недовольство Эрнеста. У последнего абсолютно не было никакой жалости к себе. Он не считал жалость хорошим качеством и не применял ее по отношению к другим. Через некоторое время это вылилось в особую форму поведения, которую лучшим образом описывает фраза «посмотрим, сколько он или она смогут поймать». И не важно, был ли это его помощник, член экипажа, жена или друг. Всем доставалось сполна.

– Папаша может быть более суровым, чем Господь в тот день, когда все человечество плохо ведет себя, – сказал мне Роберт Капа, когда мы были наедине.

По эмоциональности Карлос очень напоминал Эрнеста, поэтому такое отношение задевало его очень сильно. До знакомства с Эрнестом он рыбачил более тридцати лет на открытой лодке в южной части Гольфстрима. За это время он узнал практически все о ловле марлина. Он говорил на старом испанском наречии, был прекрасным моряком, любил море и людей, посвятивших свою жизнь водной стихии.

Это время было неприятным для Эрнеста во многих отношениях. Досадно было то, что другие суда ежедневно возвращались с крупной добычей, когда его удача была непредсказуемой. В итоге он обрушился на Карлоса с потоком обвинений. Чувствуя слабое место, где можно подавить чувство собственного достоинства, Эрнест сказал Карлосу такие фразы, которые тот не рассчитывал услышать ни от кого на свете. С той неумолимостью, с которой стрелки заведенных часов завершают круг, пришел черед Карлоса ощутить на себе тяжесть гнева Эрнеста.

Вначале Карлос не поверил своим ушам. Затем его загорелое лицо посерело. Он заплакал. Заставить такого человека расплакаться только за счет высказанных ему прямо перед гостями фраз означало полностью уничтожить его человеческую гордость. И что было еще хуже, человек, сказавший эти вещи, был его кумиром. Согнувшись, Карлос рыдал.

Джейн Мейсон на своем судне отвезла Карлоса обратно в Гавану. Он был у нее капитаном, пока Эрнест не нанял его к себе несколько лет назад. Спустя несколько недель после их возвращения Карлос по-прежнему чувствовал себя несчастным. Настолько велико было влияние Эрнеста, что Карлос захотел вернуться к нему.

– Дон Эрнесто, – объяснял он, – поймет меня, как никто другой.

Глава 9

Последние несколько месяцев Эрнест узнавал из новостей о резком ухудшении обстановки в Испании. Но сообщение, полученное 18 июля, о восстании нескольких испанских генералов против выбранного правительства, особенно встревожило его. Эрнест прекрасно понимал, что могут натворить эти люди, если военные подразделения встанут на их сторону. Последовавшие затем сообщения подтвердили его предположение.

Началась война в Испании.

Но тем летом Эрнест четко следовал своим писательским планам. Нужно было завершить роман. Он сконцентрировался на завершении работы над книгой, но мысли об Испании не покидали его. В те первые месяцы войны в Испании он был полностью погружен в творчество. Но он успевал прочитывать ежедневные газеты, наблюдая и анализируя развитие самых последних событий. После завершения дневной работы он подолгу говорил с друзьями о войне. В декабре книга «Иметь и не иметь» обрела конечные формы. Теперь у него было время сделать что-то хорошее для Испании.

В январе он подписал соглашение с Джоном Уилером, президентом Североамериканского газетного альянса, представляющего самые крупные издания в Соединенных Штатах. В ближайшие месяцы Эрнест намеревался поработать для отдела новостей синдиката военным корреспондентом в Испании. Ему собирались выплачивать по пятьсот долларов за каждую телеграмму объемом от 250 до 400 слов, и тысячу долларов за письменное сообщение в 1200 слов. Кроме того, у него было эксклюзивное право на использование этой информации для газетных публикаций.

С момента подписания контракта в январе и до марта, когда он прибыл во Францию, чтобы пересечь границу, Эрнест был занят звонками и перепиской с Вашингтоном и Нью-Йорком, общался с друзьями, организуя содействие и разрешение для разных проектов.

Вначале было намечено снять документальный фильм о том, какая была жизнь в типичной испанской деревне до войны и как война разрушила и изменила ее.

Он знал, что сам должен добывать деньги для реализации этого плана. Он особенно надеялся на свою способность подготавливать сообщения настолько красочные и драматичные, что издатели по всей стране начнут скандировать «Еще, еще!».

Он не собирался оставаться в Испании слишком долго. Его контракт предусматривал работу от двух до трех месяцев, и он должен был высылать сообщения, когда они стоили того или по запросу от синдиката. Синдикат оставлял за собой право ограничивать материал, передаваемый по телеграфу, если, по мнению руководства, события не требовали дальнейшего освещения. Самое важное, что соглашение давало возможность Эрнесту писать рассказы и статьи для журналов или книги.

Эрнест сосредоточился на получении поддержки своего друга Сидни Франклина, тореадора из Бруклина, говорившего по-испански даже лучше, чем он сам. У Франклина были миллионы друзей и почитателей в Испании. У него были и возможности, и репутация. Но он был настолько политически наивен, что, когда началась война, его первый вопрос Эрнесту был о том, на чьей стороне мы воюем.

Первая большая кампания Эрнеста была против государственного департамента. Он проиграл в первой попытке, когда после недель ожидания мисс Рут Шипли, глава паспортного отделения, отказала в выдаче документов Сидни Франклину. Он собирался выступить в роли помощника корреспондента при освещении событий войны в Испании. Эрнест выступил с аргументом, что Джек Демпси использовал корреспондента ночи напролет, чтобы не упустить ни одной детали боя быков. Он чувствовал, что красавец Сидни, победивший множество великолепных быков, окажет особенную помощь в освещении конфликта и сборе информации. А уж это Сидни Франклин умел.

Эрнест все еще надеялся, что Сидни получит официальное разрешение на въезд в Испанию, когда 12 марта он составил свое первое сообщение для синдиката из Европы. Он рассказал о подготовке к перелету в республику Испания и о своем друге. Тот недавно выехал из страны с очень деликатной миссией, и с ним у него только что состоялся разговор. По его сведениям, около ста тысяч солдат Германии и Италии примкнули к повстанцам.

Его вторая телеграмма сообщала о поражении Сидни Франклина в поединке против бюрократии. Эрнест говорил бесстрашно, поскольку, как и все реалисты, он понимал, что на многие дела в этом мире не нужно разрешения свыше. Нужно лишь знать, как действовать, и иметь для этого достаточно мужества. Замечательно, когда есть разрешение, рассуждал Эрнест, но не обязательно его получать, ведь жизнь всего одна. А Франклину отказали во въездной визе в Испанию. Правительство Франции, строго сохраняя нейтральную позицию, не пропускало через границу никого, кроме проверенных дипломатов и корреспондентов. Мелкие чиновники рассказали Эрнесту, что они

даже отказали сестре Красного Креста, собиравшейся отвезти ящики со сгущенным молоком для находящихся неподалеку детей беженцев.

18 марта Эрнест на самолете добрался до Испании. Он приземлился в Барселоне сразу после бомбардировки. Он продолжил свой путь вдоль восточного побережья до Аликанте и в итоге добрался до Валенсии. Там все еще в пригороде можно было достать свежее мясо, а жители с энтузиазмом наблюдали за ходом военных действий.

На следующей неделе Эрнест сам перебрался на линию фронта в Гвадалахаре, где правительственные войска разгромили итальянцев. Это была их первая победа за восемь месяцев борьбы против захватчиков. Под холодным дождем вперемежку со снегом он продолжал свой путь, несмотря на артобстрел. Его сильно взволновал вид мертвых итальянских солдат. Они верили, что их отправляют нести гарнизонную службу в Африку, но вместо этого попали под прицельный огонь легкого и противотанкового оружия, который разил их так называемые непобедимые механизированные колонны.

Спустя неделю Эрнест написал аналитический обзор сражения при Бригуэге, где началось отступление итальянских войск. Он был убежден в том, что это самое большое поражение итальянцев со времен битвы при Капоретто в Первую мировую войну. Он описал местность, где происходило сражение, использованное оружие, брошенные технику, документы и трупы. Средние танки разбили более легкие. Боевой дух правительства был на высоте.

– Однажды утром я получил письмо от одних людей из Голливуда. Они просили меня сделать все возможное для Эррола Флинна, который собирался приехать и посмотреть на войну своими глазами, – позже рассказывал мне Эрнест. – Я решил, что он может оказаться полезным в плане получения ссуды в Америке. И когда ближе к вечеру он приехал в Мадрид, я начал подготовку к грандиозной поездке на следующий день. Мне необходимо было выбить пропуска, достать машину, шофера и бензин. Я был вынужден обращаться за помощью, а это я просто ненавидел. За покровительство надо платить, а когда ты в долгу у кого-то, ты не можешь говорить правдиво.

Тем не менее все было подготовлено. Затем Флинн захотел пройтись по барам. Нам это неплохо удалось. В отель мы вернулись к полуночи. Перед отправкой на линию фронта нам следовало хорошо отдохнуть. На следующее утро я проснулся в шесть и позвонил в его комнату. Никто не ответил. Я спустился вниз, и мне сказали, что сеньор Флинн освободил номер в

гостинице, собираясь покинуть Мадрид. По словам клерка, он выглядел прекрасно, но казалось, что сильно торопился. Отель был обстрелян противником, но все же это была довольно спокойная ночь.

Я обзвонил всех, извиняясь за изменение планов, и стал ждать известий о Флинне. Информация пришла вечером 5 апреля. Как сообщили, Флинн находится на отдыхе, после того как получил травму головы от упавшей штукатурки при осаде Мадрида.

Эрнест торопился с подготовкой к съемке документального фильма. В Испанию прибыл Джорис Айвенс, будущий директор картины, и кинооператор Джон Ферно.

Большая часть сцен для фильма была снята на окраине Мадрида в деревне Моралес, но этого было недостаточно. Чтобы снять на пленку настоящее сражение, Эрнест привез операторов и самое портативное оборудование на позиции, откуда при хорошем для кинопленки освещении можно было снимать танки во время боя. С ними был Хэнк Горрел из «Юнайтед пресс». 9 апреля они наблюдали за второй атакой республиканцев. За четыре дня планировалось ослабить давление неприятеля на Университи-Сити. До того как наступили сумерки, по ним неоднократно стреляли. Им повезло обнаружить замечательную точку для наблюдения сверху за ходом боя. Но отдельные пули начали отрывать щепки от оконных рам рядом с ними. Пришлось срочно менять место, пока снайпер не завершил пристрелку и не уничтожил их группу. До того как стало темнеть, они отсняли много замечательных кадров, установив камеру на третьем этаже пострадавшего от взрыва бомбы дома, откуда они могли вести наблюдение, оставаясь незамеченными.

Несколько дней спустя они снимали атаку пехоты и танков, которая в дальнейшем помогла освободить Мадрид. Эрнест слал в синдикат сообщения, живописно рассказывая о свисте пуль и снарядов, запахе дыма и вспышках рвущихся снарядов.

22 апреля Эрнест вместе с несколькими сотнями тысяч других людей в Мадриде попали под бомбардировку, продолжавшуюся одиннадцать дней. Он описал различные типы стрелкового оружия, начиная от ружей и заканчивая минометами и артиллерией крупного калибра, и объяснил, какой вред они могут причинить людям и строениям.

– Когда Сидни Франклину все-таки удалось приехать к нам в Мадрид, обстановка была уже менее напряженной, – вспоминал Эрнест. – Сидни был величайшим хапугой, организатором и торгашом, и он оказал неоценимую помощь голодным людям Испанской республики. Он мог выторговать у незнакомца корзину

яиц с такой легкостью, с которой мы прикуриваем сигарету. Он был неподражаем.

У самого Эрнеста был талант доставать свежее мясо. Взяв взаймы у приятеля ружье, Эрнест на машине корреспондентов отправлялся из отеля «Флорида» на другой конец города к фронту Пардо. Через несколько часов у него уже было четыре зайца, утка, куропатка и сова, которую он по ошибке принял за вальдшнепа, когда та летела между деревьев.

– Я решил, что взлетает стая куропаток и что мне очень повезло с добычей. А на самом деле на соседнюю возвышенность упал артиллерийский снаряд, – рассказывал потом Эрнест.

В начале мая того года он составил свое последнее сообщение из Мадрида и начал готовиться к возвращению во Францию, а затем и в Соединенные Штаты. Он написал около дюжины рассказов, часть которых была передана через правительственную цензуру. Он написал несколько статей для журналов и возлагал большие надежды на снятый фильм, который должен был выйти под названием «Испанская земля». Эрнест собирал заметки, чтобы лично озвучить эту картину.

Когда Эрнест снова вернулся в Нью-Йорк, то вновь погрузился в работу. Он снова планировал совершить осенью поездку в Испанию. Он имел представление, сколько всего нужно подготовить, чтобы путешествие прошло успешно. Он намеревался принять участие в подготовке фильма, чтобы важные кадры не были обрезаны. Ему нужно было заниматься озвучиванием, а также подготовкой картины к показу. Целью этой затеи было привлечь деньги для полевых госпиталей, медицинской помощи и другого содействия Испанской республике, а также для тех, кто боролся за ее существование.

Он делал все, что было в его силах, для создания фильма, составив при этом дополнительный материал для синдиката новостей. Он обсуждал свои проблемы по телефону с Арнольдом Джингричем и поделился с ним своими новыми планами. Затем он отправился в Ки-Уэст навестить Полин и детей, по которым он так соскучился за последние месяцы.

В конце мая, как раз перед поездкой на Бимини, Эрнест написал мне письмо. Он говорил, что пример Испании очень поучителен. Он видел руины Гвадалахары, видел многие сражения, ходил с пехотой в атаку и заснял на пленку наступление противника. В Мадриде он провел девятнадцать дней под жестокой бомбежкой, а синдикат новостей выплачивал ему такие гонорары за материал, что, по его мнению, его жизнь не стоит и четверти этой суммы. Но его очень раздражали те ограничения, которые ему создавали, и что синдикат

предписывал ему высылать сообщения лишь раз в неделю. Приходилось в одной телеграмме комбинировать рассказ о двух сражениях. Он вновь планировал вернуться в Испанию летом. Эрнест хотел посмотреть, как это все освещается в газетах, и проверить свои личные предположения.

К тому времени я уже почти два года проработал в качестве корреспондента «Чикаго дейли ньюс» и редактора еженедельной региональной колонки. Вскоре после того, как я начал работать в этой газете, я познакомился с Мэри Уэлш, заместителем редактора по связям с общественностью. Поскольку региональное отделение и отдел по связям с общественностью находились по соседству, у нас часто было время поговорить. Мэри была веселой миниатюрной блондинкой из Миннесоты в изумительных чулочках, любившей сидеть во время разговора на столе, закинув ногу на ногу.

– Послушай, должно быть, замечательно иметь знаменитого брата. Расскажи-ка нам про него, – подтрунивала она надо мной.

– Он не помог мне написать ни одну из моих статей. Он варится в своем соку.

Мэри прочитала все доступные произведения Эрнеста и восхищалась им.

– Скажи мне, какой он все-таки на самом деле? – часто спрашивала она меня.

Тогда у меня была небольшая парусная лодка, и иногда мы вместе выходили в море. Она в шутку называла ее «наша лодка». Наши отношения были совершенно невинными и главным образом строились на ее грандиозном почитании Эрнеста. После она переехала на восток страны и работала в издательстве Льюса. Годы спустя в Европе она встретила своего кумира.

Лето 1937 года было временем принятия решений для Эрнеста. Он говорил с друзьями и знакомыми, делая все возможное для организации помощи и привлечения финансов для Испанской республики. Во время рыбалки он познакомился со многими весьма состоятельными людьми Америки. Он сосредоточил на них свое внимание, понимая, что если они могут формировать общественное мнение, то их помощь Испании будет быстрой и эффективной посредством подвластных им фондов.

Но его постигло разочарование. То, что казалось ему предельно ясным, для других оставалось темной и исполненной подводными камнями затеей. Когда он просил некоторых из своих друзей оказать помощь медикаментами и облегчить страдания людей на обеих сторонах конфликта, те не предпринимали никаких действий. Некоторые боялись, что их содействие будет только на руку коммунистам, которые, как

известно, стояли на стороне испанского правительства в борьбе против немцев, итальянцев и мятежных испанских генералов.

– Я чувствую, что предаю свой класс, – спустя годы поведал мне один из моих друзей. – Эрнест был чернее тучи от злости. Он быстро договорился о встрече с другим моим знакомым. Там ему удалось добиться крупного денежного пожертвования. С того времени дружбы между нами больше не было.

Некоторые друзья Эрнеста были так же благосклонно расположены к правительству Испании, как и он сам. Уильям Лидз, обладатель огромной океанической яхты «Моана» и унаследовавший жестяное производство, очень хорошо отнесся к предложению Эрнеста. Тем летом в Гаване Билл Лидз пригласил Эрнеста на свою яхту обсудить то, что необходимо было сделать. Лидз уже принял решение использовать «Моану» на благо общества и оборудовать яхту под плавучий госпиталь, поставив ее на якорь на Галапагосских островах, где совершенно не было медицинских учреждений.

– Давай поговорим о яхте позже, – сказал Эрнест. – Послушай, Билл, это жестокая война, очень жестокая. Ты понимаешь меня?

Билл кивнул, а Эрнест продолжал говорить:

– Там ты можешь быть полковником, Билл. Ты будешь командовать подразделениями. А я буду твоим капитаном. А нука, джентльмены, постройтесь!

Эрнест пригласил жестом владельца сахарного производства Торвальда Санчеса, Отто Бруса из Пигготта и несколько собравшихся вокруг друзей, внимательно слушавших разговор.

– Порядок, Билл! Вот и мы, в одной шеренге. Здесь четыре водителя «скорой помощи». Ждем твоих приказов, мой полковник! Помни, Билл, на войне случаются самые непредсказуемые вещи. Внимание! А сейчас, Билл, подразделение готово к смотру!

Группа добровольцев неподвижно застыла, а Эрнеста просто распирало от гордости. Билл Лидз прошелся вдоль шеренги. На его яхте экипаж был гораздо многочисленнее этой группы. Но он смотрел на них с изумлением.

– Отличное подразделение!

– Так точно, полковник! – Эрнест протянул руку для приветствия, а новоиспеченный командир салютовал поднятым кулаком. Среди всеобщего хохота Лидз едва смог прийти в себя. Ему помогли усесться и принесли выпивку.

– Билл, я предупреждал, что война полна неожиданностей. Теперь ты это знаешь.

Лидз кивнул, держа в руке бутылку. Но тем не менее, он

выделил достаточно денег для покупки дюжины полевых госпиталей, укомплектованных хирургическим оборудованием и медикаментами, чтобы помочь страдающим раненым обеих воюющих сторон. Но все это так и не попало в Испанию. Груз был задержан во время транспортировки согласно американскому акту о нейтралитете, запрещающему отгрузку любого оборудования в Испанию.

Тем летом Эрнест подписал второй контракт с Североамериканским газетным альянсом. Это было сделано ради подтверждения устного договора между Джоном Уилером и Эрнестом. Условия оплаты остались прежними, но в этом контракте были достигнуты особые соглашения по периодичности подачи материала. Теперь Эрнест мог отсылать несколько сообщений за короткий промежуток времени, если, по его мнению, развитие событий требовало этого. Но его гонорар не мог превысить тысячи долларов в неделю, независимо от количества подготовленного им материала. Синдикат обладал исключительными правами на его сообщения, оставляя ему свободу действий в любых других направлениях. Была обоюдная договоренность, что если военные новости потеряют свою актуальность к концу августа, то следующие три месяца не будет необходимости в освещении событий.

Премьера фильма состоялась в Белом доме. Перед просмотром Джорис Ивенс вместе с Эрнестом приехали из Нью-Йорка. Их пригласили на обед с президентом. Все прошло замечательно, и гостям предложили провести ночь в Белом доме.

– У них настоящие фрукты в комнатах для гостей, Барон, – рассказывал мне Эрнест, – не восковые муляжи, как на магазинных витринах, а сочные груши, яблоки и персики в больших чашах. Я утащил пару яблок, когда уходил. У них был восхитительный вкус.

Кое-что еще произошло тем летом. Это оказало сильное воздействие на карьеру Эрнеста и его личную жизнь. Когда он находился в Ки-Уэст, Марта Геллхорн, молодая писательница, опубликовавшая одну книгу и преуспевающая в работе с журнальными изданиями, пришла, чтобы взять интервью у Эрнеста для какой-то статьи. Марта была высокой блондинкой из Сент-Луиса с очаровательными ножками, отменным чувством юмора и способностью к писательскому творчеству. Она зашла в бар «Слоппи Джо» и, увидев имя Эрнеста на одном из стульев, спросила, действительно ли он приходит сюда.

– Когда он в городе, то приходит всегда, – ответил Скиннер, крупный и проницательный негр, управлявший баром, когда его владелец Джо Рассел был в отъезде. – Сейчас около трех часов.

Если он здесь, то сейчас должен прийти.

Эрнест вошел спустя несколько минут, огляделся и остался доволен увиденным. Их познакомили друг с другом, и они разговорились как старые друзья еще до того, как опрокинули первый стаканчик. Эрнесту понравилась идея написать статью. Он вел себя открыто, деликатно и по-детски непосредственно.

Марта, в свою очередь, была мгновенно очарована Эрнестом. Он говорил так же хорошо, как и писал, и мог выглядеть забавным, если хотел того. В то же время он был твердо убежден в том, что одного таланта в искусстве недостаточно. Его нужно использовать для того, чтобы изменить мир к лучшему, а это включает в себя борьбу за свободу человека, где бы она ни была ущемлена. У него были великие планы относительно его второй поездки в Испанию, и он убеждал Марту присоединиться к нему и все увидеть своими глазами, если для нее это действительно будет возможно. Марта в своей первой книге наглядно показала некоторые моменты человеческой жестокости и уже согласилась с мнением Эрнеста в том, что писатель должен делать все возможное со своей стороны для отстаивания человеческих прав и достоинства.

В середине августа в Нью-Йорке, готовясь к поездке в Испанию, Эрнест зашел в кабинет Макса Перкинса в издательстве «Скрибнерс» и случайно встретил Макса Истмена. Макс был критически настроен по отношению к писательской позиции Эрнеста, утверждая, что в его произведениях есть душок нереальности. Его критику считали обычным комментарием, который всегда проскакивает в письмах читателей к редактору издания. На этот раз они впервые встретились в одной комнате. Дружелюбность скоро уступила место непристойной брани и, пока Макс Перкинс оставил их наедине на некоторое время, произошел непродолжительный обмен физическими энергиями, после чего каждый отправился делать свое заявление для прессы. Истмен заявил, что он боролся, в то время как Эрнест боксировал, но, тем не менее, одержал победу. Эрнест утверждал, что он поставил Истмена на место, и у него есть книга с кровавым пятном, как доказательство его меткого удара. В офисе Перкинса после этого царил полный беспорядок, что дало литературному миру повод для острых шуток и повторялось в газетных колонках и на вечеринках еще несколько месяцев.

За лето, проведенное на Бимини, Эрнест сделал окончательную правку книги «Иметь и не иметь», запланировав ее публикацию на осень. В качестве прототипов героев он использовал образы своих друзей, которые, по его мнению, представляли ценность для общества, несмотря на всю свою

эксцентричность. Если Эрнесту кто-то не нравился, он расправлялся с этой персоной, как медсестра с мухой, случайно влетевшей в больничную палату.

Его новая книга, где он впервые показал переход от наслаждения жизненным опытом к оправданию собственной жизни, по его словам, была самым важным произведением, которое он когда-либо написал. До этого его не волновало, как проходит жизнь, поскольку он был плодотворен в своем творчестве, и ему было наплевать на жизни других людей.

В то лето он обратился к Лиге американских писателей при Карнеги-Холл. По его словам, он сделал «единственное политическое заявление» и рассказал о том, что он видел в Испании, как это повлияло на него и что он намерен предпринять по отношению к фашизму.

Его выступление было серьезным и произвело впечатление. Когда Эрнест принимал ответственное решение, он всегда был на высоте. С того момента он активно стремился претворить свои убеждения в жизнь. В конце лета, когда он снова вернулся в Нью-Йорк, готовый к более продолжительной поездке в Испанию, ему удалось собрать около сорока тысяч долларов с помощью своего издательства и других источников. Эти деньги он намеревался передать правительству Испании на медицинские нужды.

До своего отъезда Эрнест устроил несколько вечеринок с друзьями. Разговаривая с Джоном Уилером, он сказал, что сделает одну статью для синдиката бесплатно и что ему очень приятно вновь быть полезным многим крупным ежедневным газетам страны, включая «Нью-Йорк таймс». Его сообщения вновь появятся в колонках его альма-матер – «Канзас-Сити стар». И поскольку война продолжается, у него будет возможность узнать больше о ее воздействии на судьбы всех его друзей и знакомых в Испании.

Первое сообщение Эрнеста во время его второго визита было с арагонского фронта. Там ему предоставилась возможность побеседовать с опытными, подготовленными американцами, выжившими в первый год конфликта. Он отметил, что на смену раненым солдатам, трусам и романтикам пришли настоящие, преданные воины. За то время, пока Эрнест находился в Штатах, эти люди захватили Куэнцу и Бельчите, используя индийскую военную тактику, которая вновь доказала свою ценность для пехоты во время сражения. В Бельчите он встретился с Робертом Мерриманом, бывшим профессором Калифорнийского университета, а тогда штабным офицером пятнадцатой бригады, возглавлявшим атаку на старую фортификацию. Запах разлагающихся трупов был настолько сильным, что солдаты

похоронных отрядов работали в противогазах.

Затем Эрнест сосредоточился на анализе арагонского фронта, где возникло безвыходное положение. Он настолько доступно описал цели обеих сторон в этой войне, что даже читатели, совершенно незнакомые с военным искусством, могли понять все тонкости событий.

Неделю спустя его сообщение прошло испытание на укрепленном районе мятежников Мансуэто, который возвышался над равниной, как большой корабль на морской глади. Это была настоящая крепость, выдержавшая многие атаки за прошедшие века. Сейчас ее занимала противоборствующая сторона. Эрнест полагал, что это укрепление сыграет историческую роль еще до конца войны.

Военный опыт Эрнеста и те знания, которые он в себе накопил, по его мнению, можно было отлично изложить в драматическом произведении. То, что он никогда не писал в таком стиле, нисколько не тревожило его. Он был мастером диалога. Всю свою жизнь он был драматургом, находясь в вечном поиске переломных моментов и кризисов, в противоположность другим людям, стремящимся к безопасности и сохранению прежнего положения в обществе. Он сделал несколько черновых набросков, продолжая советовать и помогать в съемке дополнительных сюжетов к фильму в деревне около Мадрида.

Его романтическая жизнь испытала неожиданный подъем, когда в столицу приехала Марта Геллхорн в качестве официального корреспондента. Марту и Эрнеста просто притягивало друг к другу. Будучи романтиками по натуре, они стремились внести свой вклад в борьбу против тирании. Каждый из них очень высоко ценил другого. Они оба проживали в отеле «Флорида», где обычно останавливались все корреспонденты. Комбинируя средства на питание, развлечения и общение, Эрнест превратил свою комнату в одно из немногих мест (хотя время от времени он менял место своего проживания), где друзья и незнакомцы могли выпить, иногда перекусить и даже пообедать. Они могли послушать хорошую музыку на портативном, с ручным приводом, проигрывателе под стук клавиш пишущей машинки, выбивающей фразы и предложения, которые потом прочитает весь мир. Эрнест работал не только над своим материалом, но и над статьями Марты. Она, в свою очередь, перепечатывала его сообщения. Они комбинировали свои замыслы, и иногда их фразы шли вперемежку в какой-нибудь журнальной статье.

К тому времени Эрнест знал всех корреспондентов в пределах видимости и слышимости от своего номера в отеле. Он крепко подружился с Гербертом Мэттьюсом из «Нью-Йорк таймс» и

Сэфтоном Делмером из «Лондон дэйли экспресс». В начале октября они вместе приехали на брунетский фронт на «форде» Делмера с открытым верхом. Эта машина была хороша малым расходом бензина, а прикрепленные флаги делали ее слегка похожей на дипломатический автомобиль.

Это сходство машины Делмера явилось источником смертельной опасности, когда трое подвыпивших мастеров слова спустились по второстепенной дороге в районе Брунета. Их не только заметил противник, но и посчитал за шишек большой важности.

– Они подумали, что это машина высшего руководства штаба, – сказал Эрнест, когда они услышали залп, а потом ощутили, как серия шестидюймовых снарядов рванула на том месте, где они были мгновением ранее.

Машина не пострадала, поскольку удалось переехать на другую сторону возвышенности, скрывшись из поля зрения противника. Вся троица, из которой, по словам Эрнеста, Делмер выглядел как монах, Мэттьюс как Савонарола, а он как веселый Уоллес Бири, тоже осталась в невредимости благодаря сумасшедшей езде по бездорожью.

Эрнест отметил, что эта война ведется на фронте длиною восемьсот миль, что составляет протяженность самой страны. Между укрепленными городами, пережившими осады времен Средних веков, линия фронта была подвижной. Города нужно было обходить, окружать, заходить в тыл и уничтожать до того, как фронт действительно переместится. А люди и вооружение обеих сторон могли справиться с задачей только при большом сосредоточении сил, настолько хорошо были спроектированы средневековые оборонные сооружения для противостояния врагу.

В конце сентября Эрнест, Герберт Мэттьюс и Марта Геллхорн совершили авантюрную поездку через северные горы, чтобы изучить этот потерянный для прессы участок фронта. Они были первыми американскими корреспондентами, которым разрешили въезд в этот район. Готовясь к поездке, они приобрели одеяла, спальные мешки и взяли продовольствия столько, сколько смогли унести. Используя грузовик в качестве базы, они отправились на высокогорные позиции на лошадях. Они разбивали лагери, готовили пищу и, передвигаясь по этому неприветливому району, иногда покупали хлеб и вино у крестьян.

– Эрнест и Марта прекрасные компаньоны в путешествии, – позже рассказывал мне Герберт Мэттьюс.

Перед ночлегом мы всегда находили что-нибудь из спиртного. Но даже в этих походных условиях Эрнест всегда любил насладиться сном в мягкой пижаме.

Той осенью Эрнест отпустил бороду. Он доработал статьи для «Эсквайра», давал советы по съемке фильма, написал несколько замечательных эпизодов для драмы «Пятая колонна» и покорил сердца некоторых женщин Мадрида. Наиболее восприимчивой, отзывчивой и восторженной оказалась Марта Геллхорн. Они стали настолько значимы друг для друга, как люди, ежедневно видящие смерть, окруженные героической атмосферой и занимающиеся творческой работой.

Полин каким-то образом догадалась или почувствовала из писем Эрнеста, что от старых отношений не осталось и следа. Эрнест, как и она, по-прежнему оставался убежденным католиком, такое же стойкое религиозное убеждение было привито Патрику и Грегори. В середине 1937 года Испания четко разделилась на две части. У каждой было много существенных плюсов и минусов. Либерально настроенные читатели и писатели Америки были полностью на стороне Испанской республики и ее борьбы против фашизма, возглавляемого Гитлером, Муссолини и Франко.

Полин твердо решила отстаивать то, что у нее есть, надеясь удержать это. В начале декабря она собиралась приехать в Париж на рождественские праздники и там встретиться с Эрнестом. Из-за декабрьской непогоды поездка оказалась довольно тяжелой. Но Полин приехала, полная решимости сохранить их брак.

Эрнест был настолько занят, что не отсылал сообщения по телеграфу уже два месяца. Но 19 декабря, наблюдая за атакой республиканцев на Теруэль в течение трех дней, он отправил телеграмму, полную радужных надежд и с подробным описанием событий. Тогда правительственные войска практически полностью захватили город, побеждая не только врага, но и зимние холода. Пока остальной мир ждал ответных действий генерала Франко, силы правительства захватили инициативу и, при нулевой температуре, сильных ветрах со снежными шквалами, совершили поразительный марш-бросок и захватили плато на высоте четырех тысяч футов.

23 декабря Эрнест красочно описал осень в Теруэле, освобождение дороги между Барселоной и Валенсией и о еще большей, чем прежде, безопасности Мадрида. Вместе с Гербертом Мэттьюсом Эрнест объезжал места, где гражданские лица вообще не должны были находиться, пробираясь под жесточайшей бомбардировкой и обстрелом.

Они видели, как подвижные группы пехотинцев приходили и уходили с таким запасом взрывчатки, что это повергало в шок любого человека. Быстро добившись разрешения проследовать за одним из отрядов, Эрнест, Мэттьюс и Делмер пошли по пятам за

молодыми подрывниками, которые собирались подготовить подход к городу. Красные вспышки и клубы черного дыма от их мин и гранат были единственными ориентирами для писателей, наблюдавших за продвижением группы.

Вскоре после этого Эрнест сделал все необходимое для вылета из Испании в Париж, чтобы отпраздновать Рождество. После нескольких дней пребывания в столице Франции он и Полин возвратились в Нью-Йорк, а затем в Ки-Уэст, оставив многочисленных друзей, знакомых, бизнесменов и просто симпатизирующих им людей.

У Эрнеста было невероятное количество работы, требовавшей завершения, но мысли об Испании не покидали его. Он знал, что ему снова придется вернуться туда. Но он не хотел обсуждать эту тему с кем бы то ни было. Эрнест относился к этому настолько серьезно, что старался избегать любых разговоров о будущих планах.

Он понимал, что зимняя погода в ближайшие месяцы сведет действия обеих воюющих сторон к простому патрулированию и рейдам. В Испании у него были громадные, но еще не полностью созревшие планы. Он начал вырабатывать свою собственную тактику действий, подобно хорошему генералу, который не верит и не полагается на ценность информации своих советников. И как большинство исторических личностей, он добивался своего без посторонней помощи. Он достиг нового уровня.

Находясь в Испании осенью 1937 года, Эрнест иногда испытывал острую душевную боль и угрызения совести, вспоминая свой сад в Ки-Уэст. В своих сообщениях он описывал разрушения от артобстрелов и то странное чувство, приходящее к нему, когда он смотрел на поле, покрытое колышущимися голубыми цветами, которые быстро вырастали после того, как взрывы и огонь уничтожали все живое.

Трагедии в семьях многочисленных друзей были и его личным горем. Когда он приехал в дом своего друга Луиса Куинтаниллы, великого испанского художника, он ужаснулся. Нескольким членам семьи Луиса удалось выжить. Но от дома остались одни стены. Все прекрасные картины, на которые ушли годы работы, были уничтожены. Их останки висели на полуразвалившихся стенах комнат. В одном углу он заметил несколько больших кожаных переплетов. Он быстро подошел, в надежде, что некоторые из книг еще уцелели. Он дотронулся до одной, потом взял другую, но они рассыпались в его руках. Огонь превратил их в пепел.

Роберт Капа приехал в Испанию транзитом через Центральную Европу в качестве фотографа. Он побывал там, где

был Эрнест, пил то же самое, что Эрнест, и шутил в его стиле. В общем, зарекомендовал себя отличным парнем. И в конце концов он познакомился с девушкой, в которую просто влюбился. Для этого невысокого, смуглого и независимого человека влюбиться было настолько невероятно, как для Аль-Капоне удалиться от мирской жизни в монастырь.

Когда Капа что-то делал, то весь мир знал об этом. Его девушка по имени Герда была нежным созданием, пробудившим все самое лучшее в этом венгре, мастере своего дела. Для Роберта она стала самым любимым человеком в жизни. Как-то они вместе ехали на машине посмотреть атаку республиканцев, и машина неожиданно застряла на дороге. Вдруг танк дружественной стороны начал совершать маневр и, неправильно оценив дистанцию, буквально срезал часть автомобиля, мгновенно убив девушку. Эрнест помог Капе преодолеть этот трагический период его жизни.

Когда волна арестов захлестнула Валенсию, Эрнест узнал, что его хороший друг профессор Роблес был заключен под стражу, спешно допрошен и казнен. Вскоре приехал Джон Дос Пассос, подозревая, что этот человек мог пострадать из-за своих взглядов на жизнь. Это заняло несколько дней, и это были мучительные дни, после чего Эрнест окончательно был уверен в случившемся. Само событие, задержка в получении информации и казнь хорошего и невинного человека стали еще одной раной в душе Эрнеста. Это возмутило его еще больше, чем смерти тысяч людей на обеих сторонах конфликта, которых он совершенно не знал.

Эрнест мог улыбнуться, увидев толстых сеньорит, пустившихся бегом в поисках укрытия при виде пикирующего самолета. Но в его глазах застывал ужас при виде убитых детей. Ира Уолферт рассказала мне, как однажды Эрнест произнес после длительного молчания:

– О господи! Эти маленькие белые лица подобны растоптанным цветам. Они так невинны и так чисты, но их уже не будет с нами никогда…

Когда Эрнест рассказывал мне об этом, он упомянул несколько забавных военных событий. Он поведал мне о своей первой встрече с венгерским генералом Лукашем из 12-й Интернациональной бригады.

– Он устроил в мою честь грандиозный банкет, Барон, – Эрнест рассмеялся, – но мне стоило неимоверных усилий сохранять беспристрастное лицо. В центре внимания были самые красивые деревенские девушки. Он их также пригласил на эту вечеринку.

Однажды вечером он приехал в Мадрид посмотреть фильм с

участием Марлен Дитрих. Как раз в тот момент фильма, когда Мату Хари должны были расстрелять, неподалеку от кинотеатра разорвался снаряд. Все здание содрогнулось, но, по словам Эрнеста, все офицеры остались на местах и разразились хохотом от такого совпадения.

Находясь в Ки-Уэст ранней весной 1936 года, Эрнест интенсивно работал над окончательной редакцией книги «Пятая колонна», а в мыслях уже рождалась идея нового романа, пропитанного предательством, мужеством и жертвоприношением, всем, с чем он столкнулся за последние месяцы в Испании.

Воды в районе Ки-Уэст были по-прежнему прекрасны для рыбалки, но душа Эрнеста к этому не лежала. «Пилар» стояла на якоре, а у Эрнеста не было ни времени, ни желания отправиться на Бимини или в Гавану, где можно было поймать не только крупную рыбу, но и повстречаться с воротилами американского бизнеса. В былые годы Эрнест показывал им, как получать удовольствие в жизни от рыбалки и морских исследований. Но в 1938 году ему на это было наплевать. Он делал все возможное и зависящее от него, чтобы помочь народу Испании.

В марте я приехал в Ки-Уэст. Эрнест был необычайно рад возможности снова поговорить со мной. Мы писали друг другу письма и звонили по телефону, но из-за нехватки времени и разделявшего нас расстояния наши встречи происходили редко. Я прислал ему газетные вырезки моих лучших рассказов, написанных для чикагской газеты, а он, в свою очередь, отправил мне копии своих статей для других периодических изданий.

Прошлой осенью наша сестра Санни и я под нашу совместную ответственность передали с возвратом семейные фотографии и записи для журнала «Тайм». Его редакция готовила статью об Эрнесте и его последней книге с фотографией на обложке журнала. Мы не стали обсуждать это с Эрнестом, но и не держали это в тайне. Правдивый рассказ о коллективе редакции, о нашем с ней сотрудничестве был лучшим оправданием с нашей стороны. К счастью, Эрнест был великодушен и реалистичен.

– Ну, Барон, ты просто превзошел самого себя! Ты купился на старый журналистский трюк – если не расколешься сам, то мы узнаем все от твоих соседей. Черт побери. Ну ладно, я не сержусь. Одна из фотографий была вообще не моей. Наверно, совершенно другие люди занимались сопроводительными надписями. А что там с рецензией на книгу?

Я объяснил, что литературный редактор чикагской газеты убедил меня написать критическую статью на книгу «Иметь и не иметь». Эрнест был взволнован, но я не мог понять почему.

– Это была хорошая статья в прекрасном стиле, – отметил я.

– Конечно, она была написана откровенно, – сказал Эрнест, – но никто так не считает. Именно потому, что ты написал ее, они уверены в предвзятости. Так что больше никогда не соглашайся рецензировать какие-либо из моих книг. Сейчас ты достиг профессионального уровня. Ощущай это и продолжай работать в том же духе всю оставшуюся жизнь. Профессионал никогда не иссякает в своих силах. Этим парням только дай палец, так они проглотят тебя всего. А твои неудачи вызовут всеобщий хохот. Эрнест подтолкнул ко мне банку с кетчупом.

– Возьми-ка еще креветок, братишка! Они хорошо идут под пиво.

Мы ели креветки и пили пиво, блаженствуя под теплыми лучами солнца в тот погожий весенний день. Затем Эрнест поднялся.

– Профессионал пишет всякую чушь, что дает ему средства для существования. Он выражает правду так, как он ее видит. Конечно, тебе следует избегать исков по делу о клевете, – он рассмеялся, – но ты должен говорить правду своей аудитории, иначе читатели не будут уважать тебя. Если ты что-то не можешь сказать откровенно, то лучше промолчи. Или правда, или молчание, и не важно, фантастическое это произведение или хроника реальных событий. Чем откровенней правда, тем более она ценная. Ты чувствуешь, что есть несколько тем, о которых не стоит упоминать. Может быть, о том, что принесет беспокойство твоей матери, президенту или твоей церкви. Но не будем отводить взгляд. Я мог открыть правду любому человеку своим словом или поступком. Если это не сделаю я, то это совершит кто-то другой. И любой вздор могут принять за истину, а это чертовски плохо. А любое утверждение против не достигнет цели.

Следующие несколько дней мы много общались, купались, один раз выходили на рыбалку и поглотили изрядное количество спиртного. Эрнест за день «уговаривал» от пятнадцати до семнадцати стопок виски с содовой. Держался он великолепно. До того как снять себе квартиру, у него остановились немецкий писатель Густав Реглер со своей супругой. У Густава на спине была ужасная рана от шрапнели. Туда спокойно умещались два кулака. Он был ранен в самом начале испанской войны и выжил только благодаря отменной медицинской помощи.

Эрнест давал наставления новому мальчику-слуге. Он без устали носился, готовя выпивку для всех пришедших гостей.

– Ему это на пользу, – объяснял Эрнест, – научится приносить быстро, даже если опаздывает и не справляется.

Мальчик по имени Льюис был светловолосым, шустрым и отлично держал равновесие.

– А сейчас мы увидим, как он боксирует в перчатках, – сказал Эрнест однажды вечером.

Мы быстро зашнуровали перчатки. Льюис у кого-то одолжил экипировку. Молниеносность движений его длинных рук и легкое перемещение по рингу вызывало восхищение Эрнеста.

– Глянь-ка на него, Барон! Как ему удаются ложные выпады!

Молодые Грегори и Патрик в жизни все схватывали на лету. Однажды вечером, когда уже начали сгущаться сумерки, вечеринка с коктейлями у бассейна была перенесена в дом. Над мальчишками постоянно подтрунивали, пугая их оборотнями. Закат еще пылал своими красками, но темнота быстро приближалась. Еще час назад во время очередной шумной игры туфли Грегори оказались в бассейне. Эрнест намекнул самоуверенному семилетке, что надо немедленно достать их оттуда. Когда вся группа направилась к крыльцу, Эрнест заметил, что его пожелание не было выполнено. Он повторил свое требование.

Грегори бросил взгляд на покрытый сумраком бассейн.

– Папа, я достану их утром сразу, как только проснусь.

– А ну-ка, Патрик, – позвал Эрнест, – принеси мне приманку для оборотней!

– Не беспокойся, папа! Я сейчас же достану туфли! – воскликнул Грегори и поспешил назад.

До нас донесся громкий всплеск, и, до того как все расселись на крыльце, Грегори вернулся до нитки промокший, но с теми злополучными туфлями.

Однажды утром друг семьи, которого попросили отвезти юного Патрика на машине, пришел в гараж, чтобы завести «форд». Когда стартер начал безуспешно заводить мотор, Патрик почувствовал некоторое смущение. Улучив момент, он глубокомысленно произнес:

– А почему бы не треснуть кулаком по капоту и назвать все это грязной желтой развалиной? Это всегда помогает, когда папа пытается завести ее по утрам.

Все шло своим чередом, но размеренная жизнь была нарушена одним утренним междугородным телефонным звонком. Эрнест взял трубку аппарата, а потом крикнул, чтобы ему принесли карандаш и бумагу. Я помчался выполнять.

– Ты говоришь, что они начали наступление? Они могут прорваться к морю. Если они перекроют границу, то это может отрезать остальную часть страны. Я еду, нет вопросов. Отсюда вечером будет самолет. Нет, мы увидимся, когда я доберусь до места. Пока!

Полин хранила молчание. Затем она произнесла:

– Чем я могу тебе помочь?

– Собери мою одежду, в том числе и теплую. – Его сердитое нетерпение вдруг сменила горечь. – Вот черт! Все шло так хорошо, что я должен был предвидеть полное крушение.

Его настроение вновь изменилось, он проскочил мимо Полин, продолжая говорить с ней:

– Боевые действия идут в горах, и для этого мне нужны теплые вещи, но все же на носу лето. Я не хочу, чтобы мое чертово горло опять дало о себе знать. Весенняя оттепель вдохновит всех покончить с войной за месяц… Иди сюда, Барон, я хочу поговорить с тобой.

Мы остались наедине и сделали по глотку из бутылки, чтобы не пачкать стаканы.

– Послушай, – сказал он, – если ты хочешь, то я могу устроить тебя капитаном в бригаду Линкольна. У тебя будет возможность многое познать в этой жизни. Война в самом разгаре. Что ты думаешь об этом?

Я объяснил, что не могу поехать из-за финансовых проблем, у меня жена и маленький сын, о которых нужно заботиться. Но я признался в том, что сама затея мне очень нравится.

– Приезжай в аэропорт проводить меня. И вот что, вы, ребята, оставайтесь здесь сколько можете и позаботьтесь о нашей маме.

Потом он пошел звонить Арнольду Джингричу. Эрнест очень волновался перед отъездом. За несколько часов до отлета в дорожные сумки Эрнеста было уложено все необходимое. Прощание было трогательным.

Полин чувствовала себя несчастной. Каждый испытал облегчение, когда пришли жена и сын Джея Аллена. Аллен начал работать в Испании корреспондентом «Чикаго трибьюн» еще до начала войны и оставался там по сей день. Они многое сделали, чтобы поднять настроение Полин.

Третья поездка на войну в Испанию для Эрнеста была очень ответственной. Он торопился вновь попасть туда, где был всего три месяца назад. Он знал, сколько всего могло произойти за это время.

У Эрнеста не было необходимости возобновлять контракт с синдикатом новостей. Его мандаты и паспорт все еще имели законную силу. Поскольку требовалось еще большее освещение событий, он пересек Атлантику на судне, а затем по знакомому пути перелетел в Испанию, остановившись в Барселоне. Там, 3 апреля, он составил свое первое в новой серии сообщение о прорыве фронта под Гандезой. Он описал беженцев, пробиравшихся по дорогам под огнем самолетов, атакующих с бреющего полета и покрывающих освещенные склоны холмов

вспышками взрывов.

Затем Эрнест заострил свое внимание на впечатлениях солдат батальона Линкольна – Вашингтона, попавшего в окружение на вершине холма в районе Гандезы. Американцы при отступлении двигались предельно осторожно. Их целью было перебраться через реку Эбро, чтобы спастись и снова пойти в бой. Ночью они пробирались через позиции фашистов. Некоторые буквально наступали на руки спавших в кромешной темноте немецких солдат.

В конце первой недели апреля Эрнест прошел долину Эбро, чтобы проверить, была ли захвачена Тортоса. Оказалось, что город сильно пострадал от бомбардировок, но мосты и дороги уцелели. Войска Франко крайне медленно продвигались в сторону моря, а боевой дух правительственных войск оставался на высоте. На той же неделе он лично оценил обстановку по всему фронту от Средиземноморья до Пиренеев и пришел к выводу, что на севере существует большая опасность успешного наступления фашистов. В той стороне горы создавали иллюзию безопасности правительственных войск, и они не воевали в полную силу. Эрнест презрительно относился к итальянской пехоте. По его словам, ее перебрасывали в новый район лишь после того, как там все было отутюжено бронетанковыми войсками. Эта процедура занимала кучу времени, что никогда не использовали Наваррес и Мурс.

15 апреля в Тортосе Эрнест стал очевидцем того, как несметное количество фашистских самолетов бомбило дорогу между Барселоной и Валенсией. Город скрылся в облаке желтой пыли. Когда видимость стала получше, он вместе с друзьями смог пробраться туда по временному мосту. У него было чувство альпиниста, пробирающегося по лунным кратерам.

В дельте Эбро залитые водой траншеи кишели лягушками. Там Эрнест собирал дикий лук, одновременно наблюдая за подготовкой фашистских сил к наступлению в сторону моря.

Эрнест взял интервью у Джеймса Ларднера, двадцатитрехлетнего корреспондента «Нью-Йорк геральд трибьюн» в Барселоне. Джеймс, один из сыновей недавно умершего Ринга Ларднера, был недавно зачислен в Интернациональную бригаду. Он осознавал, что в Испании достаточно военных обозревателей, а правительственные войска больше нуждались в артиллеристах. Через несколько месяцев Джеймс погиб.

Эрнест пешком пробрался в Лериду. Этот город на одну треть был оккупирован фашистами. Эрнест описывал свои ощущения и тех, кто шел рядом с ним под пулеметным огнем врага. У города

было важное стратегическое расположение. Он контролировал дороги, ведущие в Каталонию, и правительственные войска вели оборону, удерживая большую его часть. Они надеялись, что дожди повысят уровень воды в реке Сегре и это защитит город от атак бронетехники.

Спустя неделю Эрнест побывал в Кастеллоне. Он увидел замечательные подземные сооружения, возведенные городскими жителями для укрытия от атак итальянских бомбардировщиков. За день до его приезда на город упало около четырехсот крупных бомб, но погибло всего три человека. Затем он снова побывал в Аликанте и Валенсии и был поражен обилием продуктов и доступностью цен, ведь поесть можно было всего за тридцать центов. Корабли со всего мира наводняли порты этих городов.

10 мая в Мадриде Эрнест составил свое последнее сообщение о военных событиях. Ему было очень приятно встречаться со своими старыми друзьями в столице, а также отметить для себя отличные оборонительные позиции, воздвигнутые после месяцев крайне затруднительного положения на этом участке фронта. Моральный дух правительственных войск, офицеров, саперов и населения был по-прежнему высок. Казалось, что им более по душе вести свою собственную войну, нежели объединяться с защитниками других городов региона. Ситуация с продовольствием некоторое время оставалась критической. Зато было в избытке боеприпасов, чтобы выдержать дальнейшую осаду. И хотя дипломаты в то время были уверены в том, что война прекратится через месяц или около того, Эрнест склонялся к мысли о ее продолжении еще по крайней мере в течение года. Развитие событий доказало верность его предположений.

До отлета из Испании Эрнест первым делом просмотрел все свои вещи и уничтожил многие из своих документов и записей, как личных, так и служебных.

– Я насобирал столько всякой информации, а некоторую с невероятным трудом. Так что если бы наш самолет заставили приземлиться на территории противника, я бы стал очень лакомым кусочком для военной разведки, – объяснил он мне позже, – а уничтожать свои записи для меня было как ножом по сердцу.

Покинув Испанию, Эрнест и Марта, которые снова повстречались в этой стране, направились в Париж и перед отправкой в Нью-Йорк провели там несколько веселых деньков, вновь насладясь прелестями гражданской жизни. В Париже их познакомили с молодым человеком по имени Том Беннетт, который только что вернулся из Испании. За прошедший год он был трижды ранен. Ранее Беннетт работал федеральным

служащим. По своему собственному желанию он решил отправиться в Испанию посмотреть, что он может сделать для этой страны, и примкнул к батальону Линкольна в самом начале войны. Он уже бывал раньше в Европе, встречался с Сомерсетом Моэмом и почти десять лет не терял надежды познакомиться с Эрнестом. По его словам, он получил более серьезную рану, чем от пуль, когда в госпитале сосед по палате сказал ему:

– Тебе бы здесь появиться еще вчера. Здесь был Эрнест Хемингуэй.

Когда они все-таки встретились в парижском книжном магазине «Брентано», Эрнест произнес:

– Послушай меня, сынок, тебе лучше бы вернуться домой. Ты на мели?

Том, одетый в плохо сидящую на нем униформу, кивнул.

– Тогда вот что. Ступай в магазин за углом и купи что-нибудь из одежды, – Эрнест протянул ему деньги, – а послезавтра встретишь меня здесь в три часа дня. Ты отправишься домой вместе с нами. У тебя есть где остановиться?

Том ответил, что впервые за последние месяцы почувствовал тепло в душе. Через два дня он пришел заранее, подождал полчаса и сильно разволновался, когда увидел Эрнеста и Марту. Эрнест махнул ему рукой:

– Нас ждет такси. Захвати свои вещи. Ты не против поехать туристическим классом? Отлично. Ты можешь приходить в наши каюты, когда захочешь.

Поездка домой, по воспоминаниям Тома, показалась каким-то очень приятным сном. После пережитых военных событий каждому хотелось выпить. Но когда корабль «Нормандия» приблизился к Нью-Йорку, Эрнест вдруг стал озабоченным, а потом и вовсе мрачным. В порту его заявления корреспондентам звучали подавленно. Он не стал делать никаких прогнозов, извинился и ушел.

Уставший больше от напряжения, чем от работы, Эрнест сразу отправился в Ки-Уэст. У него было задумано несколько хороших рассказов, и он считал, что чем быстрее он напишет их, тем лучше будет себя чувствовать. Но получилось наоборот. Эрнест пребывал в дурном настроении, противоречивые чувства раздирали его. Полин так рада была видеть его живым и здоровым, что вначале казалось, они снова смогут вернуться к нормальной жизни.

Эрнест полностью погрузился в работу над изданием «Пятой колонны». Трудности преследовали его по пятам. Вместо того чтобы отправиться на Багамы или в Гавану, где ему почти всегда удавалось отдохнуть и повысить свою работоспособность, он в

течение июня и июля оставался в Ки-Уэст, что давало возможность легко контактировать с людьми в Нью-Йорке. В конце июля он вместе с Полин, Патриком и Грегори переехал в Кук-Сити, штат Монтана. Там он мог бы найти спокойную жизнь на ранчо и полностью сменить обстановку. Но месяца, проведенного там, ему было достаточно, чтобы привести в порядок свои чувства. В конце августа он снова отправился в Европу на «Нормандии». У него было твердое решение вернуться в Испанию.

В своем письме он написал мне о том, как умер один продюсер, после того как он уже подписал с ним контракт, дела с другим повлекли за собой финансовые проблемы. Он рассказал о том, что завершил несколько новых рассказов, но собирается еще раз их просмотреть, прежде чем отослать в издательство.

Я отослал ему часть своих статей, написанных в Мичигане, и спросил о его мнении. Эрнест очень дружелюбно ответил, что, поскольку мы братья, его суждение будет не столь объективным. И хотя ему нравилось читать их, он признался в том, что в них слишком много сообщений и очень мало настоящего творчества. Он надеялся, что в следующей статье я проявлю качества настоящего писателя, которых мне пока не хватает. Конечно, легко говорить, но мне следовало прислушиваться к этому. В письмо он вложил сто долларов и пожелал мне удачи. Но его совет был для меня более ценен, чем деньги.

В свой четвертый визит в Европу Эрнест остановился на некоторое время поработать в Париже. Еще во время своей второй поездки он задумал большую книгу, целый роман, каждую деталь которого он хотел прочувствовать прежде, чем сесть за перо. Когда я спросил его об этом спустя два года в Гаване, он уже завершил большую часть книги, но совершенно не хотел говорить на эту тему. Его исследования уводили его в малознакомые места Испании и вновь возвращали в Монтану, чтобы полностью ощутить то место, из которого мог появиться тот приятный, идеалистичный молодой человек. Этот образ уже родился, и он изучал и создавал других персонажей своего произведения. Его понимание было таким же великим, как и его талант. Понимание удерживает талант от бестолковой растраты на несущественные мелочи.

Когда он добрался до Испании, по-прежнему с мандатами и готовый выполнять поручения журнала, ситуация на фронте была не в пользу республиканцев. Эрнест пропустил наиболее решающую часть сражения на реке Эбро, но в ту августовскую жару он все-таки успел к его окончанию. Фронт на Эбро был последней надеждой республиканцев. В октябре премьер

Испанской республики Негрин пришел к выводу, что все имеющиеся в наличии силы не смогут сдержать наступления фашистов.

В середине ноября Эрнест и Герберт Мэттьюс были вместе с Винсентом Шином на западном берегу Эбро, как раз до того, как фронт был прорван противником. В воздухе носилась осенняя пыль, скрывая детали ландшафта. Вдруг Шин спросил кого-то, где находится фронт.

– Он где-то в той стороне?

– Черт побери, – воскликнул Эрнест, – Джимми, ты неважно ориентируешься. Это совсем в другой стороне.

Все обернулось удачно. Через несколько дней они были среди последних, кто переходил Эбро. Наступление фашистских войск продолжалось. У Эрнеста сложилось окончательное представление об этой войне, и он покинул Испанию, не отправив сообщений в газету. Синдикат новостей считал, что интерес американских читателей к этой теме невелик.

Глава 10

Эрнест привез с собой в Ки-Уэст тяжелый груз личных страданий. У него возникли проблемы с собственным кодексом нравственности. Он окончательно решил, что должен полностью разорвать отношения с Полин и католической церковью. Все это было крайне трудно осуществить. Как однажды сказал Эрнест: «Если ты полюбил кого-то по-настоящему, ты никогда не остановишься… полностью».

Когда наша мать приехала в Ки-Уэст, это не облегчило его состояния. Она приехала по своему желанию и с добрыми намерениями. Эрнест знал об этом и ничего не мог поделать. Он снял ей номер в отеле «Каса-Марина», часто приглашал к себе в дом, но придерживался своей тактики. Он знал, в какой ситуации оказывается любой сын, когда объясняет родителям, что его прежняя мудрость готова стать объектом для критики. Он выслушал достаточно упреков во время своего первого развода, чтобы избежать все будущие стычки. В промежутках между короткими разговорами мать занимала себя рисованием, и из-под ее руки выходили прекрасные морские пейзажи.

После того как мать уехала, Эрнест на «Пилар» отправился в Гавану, где начал писать «По ком звонит колокол». Он снял ту же самую комнату на четвертом этаже у Маноло Аспера, владельца отеля «Амбос мундос». Начиная писать с восходом солнца, он продолжал работу до полудня.

В конце мая, после нескольких месяцев напряженной работы, Эрнест написал из Гаваны матери. Он переживал за газетную вырезку, о которой упоминал во время ее визита и не мог найти. В ней было упоминание об Уильяме Эдварде Миллере, написавшем много гимнов для епископальной церкви, и конечно же о матери, с ее страстной любовью к музыке и семейной генеалогии. Он очень хотел найти эту статью. Ее прислал ему полтора года назад в Испанию главный редактор английской газеты в Донкастере. По его мнению, этот город назывался именно так. Эрнест заверил мать, что отправит мне телеграмму в Нью-Йорк, где я в то время работал на журнал «Кантри хоум». Я должен буду найти название газеты, как только он будет окончательно уверен в том, что это действительно Донкастер. Эта газетная вырезка пришла к нему в Мадрид как раз перед сражением при Теруэле, и в тот момент он был слишком занят, чтобы ответить на нее. А затем, покидая страну, он уничтожил все свои бумаги. Эрнест добавил, что успешно трудится, написал уже 212 страниц нового романа, а Полин и дети чувствуют себя

замечательно. Этой весной они переехали в Нью-Йорк из-за эпидемии полиомиелита в Ки-Уэст. Полин сняла квартиру на Ист-Сайде, где Патрик и Грегори с удовольствием стреляли из пневматической винтовки по голубям на соседних крышах.

В Гавану приехала Марта, а Эрнест продолжал успешно трудиться над книгой. Во время ее визита они поселились в прекрасном месте на возвышенности, в шести милях на восток от города. Неподалеку располагался Коджимар, где в старые времена была смотровая башня. Дом был широким и одноэтажным. Место было доступно ветрам, и с него открывался прекрасный вид. Они приобрели девятнадцать акров, сохранили старое название «Финка Ла Виджия» и начали наводить порядок.

Летом 1939 года сбылись предчувствия Эрнеста о грядущей большой войне. Он постоянно читал газеты и был в курсе событий. Но он продолжал работать, несмотря на то что его постоянно отвлекали то гости, то политические проблемы. Той зимой Марта совершила поездку в Финляндию, чтобы подготовить журнальные статьи о советско-финской войне.

В декабре журнал «Кантри хоум» приостановил свои публикации. Я отправился в Ки-Уэст с намерениями провести там месяц. Там я познакомился с молодым англичанином по имени Тони Дженкинсон, которому Эрнест рассказал обо мне за неделю до этого. У Тони было звание, банковский счет и задача собирать сведения о военно-морских силах. Он нуждался в человеке, любившем морские походы и хорошо управлявшемся с судном. К тому же он хотел совершить что-нибудь рискованное. Спустя два месяца у нас было второе судно, на котором мы пришли в Гавану. Мы вынюхивали возможные и реальные базы заправки нацистских подводных лодок в западной части Карибского бассейна.

Мы брали снаряжение с последних в Гаване складов. Эрнест относился к нам очень хорошо. Мы часто обедали вместе. Он и Марта выходили на шхуне вместе с нами. Эрнест дал нам в помощь своего капитана Грегорио для проверки такелажа. Мы отправились в Компарсас вместе с сотрудником журнала «Тайм» Алленом Гровером и его женой. Когда мы были уже там, Эрнест принимал у себя своего издателя Чарльза Скрибнера. По этому случаю он подстригся, нацепил галстук и заказал холодное шампанское. Эрнест был чрезвычайно простодушен в своих отношениях с издателями.

– Обрати внимание, я никому не отсылаю нецензурные статьи, но Чарли – исключение, – объяснял он.

Он сказал мне, чтобы я тоже постригся.

Эрнест знал всех игроков в баскский пелот. Чемпионы, подобно Джиллермо, Пистону и братьям Ибарлуссиа, по вечерам

приходили к нему в дом и играли в теннис расчетливыми и безукоризненно точными движениями. Наблюдая за их игрой, Эрнест узнавал, кто из них находится в пике своей формы. А потом если он сам не мог спуститься вниз, то посылал меня и Тони сделать ставки на вечерние соревнования. Ночь за ночью мы выигрывали приличные суммы благодаря наблюдениям Эрнеста. Сам Эрнест был слишком усталым после обеда, чтобы чем-то заниматься, и отправлялся спать. На следующий день ему снова надо было рано проснуться, чтобы написать очередные строки романа «По ком знонит колокол», которые заставят читателей плакать.

– Не спускай глаз с их рук, – наставлял меня Эрнест, когда мы играли против этих чемпионов, – ты не увидишь их глаз, но, наблюдая за движением рук, ты сможешь предугадать, куда тебе возвратят мяч.

Мы играли, пока пот не начинал лить с нас ручьями, потом охлаждали себя душем и замечательными напитками возле бассейна. Марта всегда составляла нам компанию. Когда она выныривала на поверхность воды, смеясь и вытягивая руку за своим бокалом, Эрнест ухмылялся:

– А вот и моя русалочка! Чудо, а не женщина! Марта была очаровательной. Она рассказывала мне удивительные вещи о Финляндии, о сражениях в условиях непогоды, и даже показала охотничьи ножи, которые ей подарили. Нас навестила ее мать, не менее обаятельная, несмотря на возраст. Марта сочетала в себе и ум, и красоту прекрасной фигуры. Я был в восторге от того, что она, возможно, скоро станет женой брата, уже третьей по счету. Хотя я относился к первым двум с не меньшей симпатией.

Эрнест старался избегать разговоров об Испании, но по-прежнему чувствовались его внутренние переживания.

– Там происходит столько всего ужасного, Барон, что потребуются годы для наведения порядка. Хотелось, чтоб ты увидел все это своими глазами, но удача может пройти стороной от тебя, как это произошло с сыном Ларднера и многими другими молодыми людьми. Ты сообразительный, но тебе нужно еще и везение. И тебе необходимо предчувствие того, что ты собираешься делать. И как только это предчувствие усиливается, действуй молниеносно. Я дам тебе хороший маузер с плечевым прикладом и кучу патронов, если кто-то будет приставать к тебе. Я также одолжу тебе помповое ружье. Но верни его мне обратно, а иначе лучше не попадайся мне на глаза, понял? Научись пользоваться маузером, и ты сможешь перестрелять всех на верхней палубе подводной лодки с одной обоймы. Но всегда держи наготове запасную обойму. Он в отличном состоянии и

стреляет, как твой кольт «вудсман».

Спустя пять месяцев, когда я был проездом в Гаване, направляясь в Соединенные Штаты, я оставил судно в Панаме. Эрнест очень гордился моим искусством мореплавания, его лишь расстроило то, что Тони и я больше не встречались в открытую с противником. Это случалось раньше. Однако мы избегали прямых контактов ради продолжения нашего шпионажа. Но об этом отдельный рассказ.

У Эрнеста были некоторые судебные проблемы с нашей матерью. Он написал ей о том, что нужно было предпринять, и поблагодарил за пожелания в отношении новой книги, которая, по ее мнению, должна была быть более конструктивной в своем замысле. Он написал это с совершенно бесстрастным лицом. Затем он передал через меня некоторые бумаги для выполнения представителями власти во Флориде, остальные, по его заверению, он собирался сам отдать в консульство. Он продолжал выпивать, занимался рыбалкой и просто бездельничал ради того удовольствия и облегчения, которые приносили ему его новые идеи. Все потому, что Эрнест наконец завершил свою книгу «По ком звонит колокол». Он поведал мне, что трудился над ней непрерывно в течение пятнадцати месяцев.

Перед нашим отъездом в Соединенные Штаты мы взяли с собой на рыбалку бывшего издателя журнала «Форче» Ральфа Ингерсолла. Все прошло замечательно. Как только мы вышли из Гаванского залива, нам удалось поймать прекрасного тунца. Потом ловили на блесну, и удача вновь улыбалась нам. Судно шло превосходно. Эрнест не умолкал ни на минуту, делился своими мыслями и соображениями. Ингерсолл начал разговор о новой газете, издательство которой он собирался организовать в Нью-Йорке. Эрнест поддержал его и был полон идей.

Несколько недель спустя мы втроем уже были в Нью-Йорке. К тому времени я работал на недавно образованную газету «ПМ». Ральф Ингерсолл ежедневно навещал Эрнеста в отеле «Барклай». Он поселился там для решения всех деловых вопросов.

В течение нескольких месяцев ситуация полностью изменилась. Эрнест и Ральф уже больше не верили друг другу. Я больше не работал на газету. Но собранная мною в Карибском бассейне информация осталась неиспользованной, и я мог ее скоро использовать для цикла статей в газете «Ридерс дайджест».

В начале ноября 1940 года Эрнест окончательно развелся с Полин. Полин повела себя необыкновенно великодушно и деликатно. Она написала нашей матери очень доброе письмо, сказав, что это известие будет ударом для нее, как и для ее родителей, и что она очень сожалеет обо всем этом. Она

добавила, что всегда будет относиться к ней как к матери. Она была убеждена в том, что при сложившихся обстоятельствах нужно проявлять внимание к каждому, и рада тому, что все это наконец закончилось. По ее словам, чужая душа – потемки, и люди могут поступать лишь так, как они могут это делать. Люди в этом мире постоянно с чем-то борются, и этот процесс весьма загадочен. Она приглашала мать еще раз приехать к ней в гости повидать Патрика и Грегори, навестить меня, мою жену и сыновей Джейка и Питера в Ки-Уэст. Она сообщила, что все живы и здоровы, а мои писательские дела идут хорошо. Письмо выражало те чувства, которые Эрнест так долго искал в других людях.

Через две недели после развода Эрнест и Марта бракосочетались мировым судьей в Чейене, штат Вайоминг.

Той осенью, во время отдыха в Сан-Вэлли, Эрнест и Марта завершили продажу прав на фильм «По ком звонит колокол». Компания «Парамаунт» приобрела их за рекордную по тем временам сумму 150 000 долларов. Продажа стала возможной благодаря стараниям Дональда Фрида, который в 20-х годах был редактором у Бони и Ливерайта, а затем возглавлял отдел новостей в голливудском агентстве Майрона Селзника. Он лично помог Эрнесту издать его первую книгу в Соединенных Штатах. В то время Дональд сделал все возможное для содействия Эрнесту, но попал под зависимость от Ливерайта. Позднее в Париже Эрнест заверил Дональда в том, что компенсирует ему затраты. Дональд разработал план продажи прав на фильм по более высокой цене, чем адвокат и агент Эрнеста Морис Спейсер мог себе представить. Он также придумал пункт договора, где кинокомпания обязалась выплачивать Эрнесту определенный процент с каждой проданной книги. После дня, проведенного за выпивкой и чтением, Эрнест и Марта предложили Фриду позвонить Спейсеру, который затем одобрил идею. Успешная формула Фрида давала каждому возможность заработать, и Эрнест был просто в восторге от этого. Позже в Нью-Йорке Эрнест несколько дней подряд таскал с собой чек и показывал его друзьям, наслаждаясь приятным чувством обладания такой суммой в кармане.

Эрнест хотел, чтобы в его фильме роли Марии и Роберта Джордана сыграли Ингрид Бергман и Гарри Купер. В то время Ингрид работала по контракту с братом Майрона Селзника Давидом, и Эрнесту было очень приятно узнать это. Он знал, что Купер сделает все возможное, чтобы выкроить время для участия в съемках фильма. Они были друзьями, много охотились вместе, и многие годы Эрнест был поклонником его актерского таланта.

Весной 1941 года Эрнест и Марта отправились на самолете в Сан-Франциско, а затем в Гонолулу, Мидуэй, Уэйк, Гуам, Манилу, Гонконг и Сингапур. Они направились в глубь континента посмотреть, что произошло с Китаем, когда военные действия вынудили правительство переехать в другое место. Как гости генералиссимуса и мадам Чан Кай-ши, они разъезжали внутри страны совершенно свободно. Эрнест просто наслаждался такой возможностью.

Собирая материал о британских оборонительных сооружениях на Дальнем Востоке, а также о подготовке американцев к военным действиям, Эрнест составил серию сообщений для «ПМ». Он разговаривал с британскими военными офицерами, членами изысканных клубов и иностранными искателями приключений, пытаясь проанализировать их оценку грядущих событий. В этом он использовал свое везение и проницательность. Он предсказывал, что война начнется в течение ближайших шести месяцев, и удар нанесет Япония по британским и американским базам в Тихом океане и Юго-Восточной Азии.

Направляясь домой через Соединенные Штаты, Эрнест чувствовал себя совершенно уставшим. Рассеянным движением он периодически доставал из кармана фляжку и делал несколько глотков. Как он мне сказал потом, это была китайская водка. Заметив это, стюардесса попросила командира экипажа пройти с ней, вероятно чтобы успокоить нарушителя общественного порядка.

Капитан подошел и взглянул на Эрнеста.

– Да ведь это старший сын лекаря! Эрни собственной персоной!

– Привет, дружище! Ты больше не занимаешься перевозками для Бернта Балчена?

– Нет, у него теперь другой бизнес. А ты откуда?

– Из Кунминга.

– Послушай, а ты не хотел бы побывать в кабине пилотов? Пойдем! У нас редко бывают такие пассажиры, как ты.

– Да нет, спасибо. Я лучше вздремну здесь.

– Хорошо, но мы сочли бы это за честь. А к вашему сведению, мисс стюардесса, так не обращаются с уставшим от спиртного путешественником. Уставший путешественник, иногда очень знаменитый, обычно берет с собой маленькую фляжечку. А ты, Эрни, если только пожелаешь какой-нибудь коктейльчик, мисс стюардесса с радостью приготовит его для тебя.

В июле Эрнест и Марта возвратились в Гавану. Джо Рассел прибыл из Ки-Уэст на лечение. Во время хирургической операции

он держался в хорошей форме. Эрнест наблюдал за ним после анестезии и надеялся на его быстрое выздоровление. Но на второй день у Джози внезапно открылось кровотечение. Он умер до того, как ему попытались сделать переливание крови.

Эрнест написал мне об этом. Он тяжело переживал смерть Джози. Затем Эрнест дал мне подробный совет о том, как заниматься сбором информации, сообщив о том, кто и как высказывался в Вашингтоне и что мне со всем этим делать. Он настоятельно предупреждал меня в отношении определенных людей, указывая, в ком я мог бы быть абсолютно уверенным. Он сказал, что, когда у нас опять будет возможность поговорить, он еще многому меня научит.

После того как Соединенные Штаты вступили в войну, мы с Эрнестом более года продолжали переписку, несмотря на цензуру между этой страной и Кубой. Я два года работал в службе радиоразведки в Вашингтоне, после чего меня перебросили через океан. Эрнест написал матери, что я, вероятно, вернусь из Англии с ужасным акцентом, который придется выправлять с помощью столовой ложки. Это единственное из его предсказаний, которому не суждено было сбыться, но это было сказано, чтобы поднять настроение нашей матери.

Эрнест также сообщил, что последние новости, которые он узнал о себе из прессы, говорили о том, что его заметили на китайской джонке где-то в районе Желтого моря. Он добавил, что, по его основательным подозрениям, за него приняли Ричарда Галлибуртона. Отвечая на поздравления матери ко дню рождения, он сказал, что никогда не полагал, что ему удастся дожить до сорока четырех лет. Он написал матери кучу благодарностей за то, что она когда-то родила его, и если у нее есть какие-то предложения, как ему прожить следующие сорок четыре года, то пусть немедленно сообщит ему.

Прошло два года, прежде чем у нас снова появилась возможность увидеть друг друга. Весной 1943 года я находился в Англии. Это было за год до приезда Эрнеста. Марта приехала через полгода после меня работать военным корреспондентом для «Кольерс». Я устроился на приятную работу, занимаясь радиоразведкой в посольстве. Марта одолжила мне двадцать фунтов до того, как ее перевели на средиземноморский фронт весной 1944 года. Вскоре приехал Эрнест. Его назначили главой европейского бюро «Кольерс», что было настоящим даром от Джо Кнаппа с его честной и незлопамятной натурой, после их драки в Бимини несколько лет назад. Как шеф корреспондентов «Кольерс», Эрнест утверждал все статьи расходов, включая Марту.

Когда Эрнест наконец прибыл в Лондон, многое необходимо

было успеть сделать. Это было за шесть недель до вторжения в Нормандию. Он бурно приветствовал меня, когда я позвонил ему в отель «Дорчестер» сразу после его приезда.

– Давай быстрей сюда, Барон! Я встречу тебя в баре через десять минут.

Через семь минут я был в небольшом баре на первом этаже его отеля, и только успел заказать пиво, как появился Эрнест, поражающий воображение своей бородой и униформой корреспондента.

– Ого, Стайн, ты просто неотразим! – воскликнул я.

– Да и ты ничего, братишка. – Он ухмыльнулся и легко хлопнул меня по плечу. Он весь бурлил от возбуждения. – Эти ковшеобразные сиденья в бомбардировщике «ланкастер» годятся только для птиц. Да, «птички» нам попадались. Мы видели их над Ньюфаундлендом и Ирландией. Черт побери! Ты когда-нибудь видел с самолета такой зеленый остров, как Ирландия? Стоп! Что это ты там пьешь? – Он заметил, как кружки наполнили пивом. – Бармен, прибереги пиво! В другой раз оно может спасти жизнь! А сейчас мы сделаем по нескольку хороших глотков отменного шотландского продукта. Барон, ты не против?

– Я тебя поддерживаю, Стайн. Как же долго мы не виделись!

– Слишком долго, – ответил он.

Мы разлили виски, молчаливо чокнулись и выпили. Затем Эрнест продолжил более приглушенным, спокойным голосом:

– Хочу кое-что показать тебе. Обещаешь никому не рассказывать? Ни-ко-му, ты понял меня?

Я молча кивнул. Эрнест сделал еще глоток, расстегнул свой китель так, чтобы достать карман рубашки, и протянул мне довольно потертый конверт. Я открыл его и почувствовал, как хорошо может чувствовать себя человек, завершивший великий труд, который выматывал все его нервы в течение долгого времени.

В маленьком баре отеля «Дорчестер» было тихо. Большая часть людей находилась в номерах и готовилась к вечеру. Эрнест выпил стаканчик, а потом пропустил еще один, пока я вчитывался в черный лист с маленькими белыми буквами. Это была фотокопия отпечатанного на машинке письма из государственного департамента. Снизу от заголовка «Соединенные Штаты Америки» я прочитал название посольства, слова приветствия и две главы заявления от имени Спрулля Брадена, кубинского посла, являющегося официальным представителем президента.

В резюме было указано, что обладатель сего, Эрнест Хемингуэй, в течение длительного времени под грифом

строжайшей секретности выполнял опасные и важные операции в войне на море против фашистской Германии. Нижеподписавшийся полностью согласен с ценностью этого… и глубоко признателен за проявленный профессионализм.

– О господи, ты снова совершил это!

– Послушай, Барон, – начал Эрнест, – это не представляло какой-либо опасности. Честно говоря, я сыграл удачно. Но эти чертовы чиновники несколько раз выводили меня из равновесия.

– А когда это случилось в первый раз? – Я всегда был прямым в своих вопросах, но никогда мне так не терпелось услышать ответ.

– Когда они дали мне знать, что докладная записка получена. И это за те тридцать две тысячи долларов, которых хватило только на радиооборудование! У нас была превосходная аппаратура, настолько совершенная, что мы могли засечь направление на передатчик, если удавалось удержать судно от качки. Мы даже принимали слабые сигналы из Атлантики.

– А кто входил в команду? И какая аппаратура у тебя была?

– Все было самое лучшее. Я все продумал, как ты вместе с Тони. В течение почти всего времени у нас был полный экипаж – девять человек, включая меня. Сейчас у «Пилар» новые двигатели. В нашей команде были лучшие из лучших. Мистер Джиджи, Патрик и Грегорио. Но у последнего было шестеро детей. Я оставлял их обычно на берегу, когда мы ходили в районе Кэй-Сал и Кайо-Кофитес – ты вспоминаешь эти места? У нас был Патче и еще один игрок в пелот, сержант морской пехоты при посольстве, и несколько местных парней. Они были профессионалами от рождения. Несколько кубинских судов было потоплено на наших глазах, ты знаешь об этом.

Я знал. Я напомнил ему о колумбийцах и шхунах, расстрелянных из крупнокалиберных пулеметов. Те, кому удалось спастись, вернулись домой лишь недели спустя. Мы знали этих людей.

– Мы жили лишь надеждой на благополучный исход.

– У вас была возможность дать отпор?

– Не могу сказать с уверенностью. Нам просто не везло. Но ты бы видел нашу систему защиты! Один из местных парней пришел ко мне и сказал: «Папа, меня беспокоит отсутствие брони на судне. Почему бы не поставить хоть какую-то защиту? Если немцы начнут нас обстреливать, то, по крайней мере, у нас будет меньше дырок в бортах. Я не могу спать спокойно, пока у нас не будет хотя бы элементарной защиты». После этого я раздобыл стальной лист. Мы сделали обшивку спереди, которая могла противостоять по крайней мере пятидюймовому снаряду. Она оказалась

чертовски тяжелой, и судно шло, зарываясь носом. Все это не дало желаемого эффекта, а судно стало неповоротливым. А нам как раз требовалась маневренность. Но тем не менее, я не снимал этой обшивки. Об этом говорил весь экипаж. В конце концов этот парень подошел ко мне и сказал: «Папа, я не могу спокойно спать, пока наше судно столь медлительное». После этого мы сняли стальные листы, и наше судно вновь обрело былую резвость.

– Какой урон вы могли нанести? – В наших руках были новые наполненные бокалы.

– Весьма приличный. Помимо легкого вооружения у нас были крупнокалиберные пулеметы и гранатометы. У нас была бомба с небольшим замедлителем и ручками. Мы держали ее на палубе спрятанной под брезентом и в полной боевой готовности. Идея заключалась в прочесывании района, где мы слышали их переговоры. Один раз подводная лодка всплыла на поверхность, и нам отдали приказ приблизиться. Затем Патче со своим напарником зарядили бомбу, взяли ее за ручки, и, когда мы приблизились к боевой рубке, мы решили расчистить палубу с помощью пулеметов, пока наши игроки в пелот бросали бомбу на край боевой рубки. Взрывом разнесло водонепроницаемый люк, а может, она рванула прямо в перископном отсеке. Но тем не менее, лодка не затонула. Ты бы знал… все ее шифровальные блокноты, вооружение и плененный экипаж, все это можно использовать везде против нацистского флота.

– Но никакого общения не было?

– Никто не приблизился. Мы прошли довольно близко. Мы слышали их речь в Кэй-Сале по всему городу. Я вспоминаю много немцев, которые говорили на сленге даже между собой. Одну подводную лодку, которую мы засекли, разбомбили с самолета.

– Как долго ты этим занимался? Марта, наверно, переживала?

Эрнест на мгновение задумался.

– Она была занята работой корреспондента. Однажды мы вышли в море на девяносто дней и иногда заходили в Нуевитас за продуктами. А твоя старая лодка еще на ходу. Я видел ее. В другой раз мы провели в море сто три дня. Вот так я заработал рак кожи. Слишком сильно загорал в одних и тех же местах. Врач посоветовал мне не бриться несколько недель. Так я отрастил бороду, но мне она нравится. Давай-ка еще выпьем.

Я сидел и слушал завороженный. Мы поговорили о том, чем занимаются наши дети, когда их последний раз видели и где они сейчас. Затем мы перешли к родственникам и их здоровью, выпили еще виски и начали вспоминать друзей и их дела. Наконец я понял, что он готов вернуться к основной теме.

– Что бы ты сделал, если бы попал в плен? – спросил я.

– Это тонкий момент. Я много думал над этим, – ответил он, – и в конце концов набросал каперское свидетельство, как в старые добрые времена. Сейчас оно у меня дома. В составе команды были люди разных национальностей, но все действовали в интересах нации на законном основании. Таким образом, мы обладали некоторым статусом и надеялись, что нас не расстреляют, если вдруг удача отвернется от нас.

Перед тем как мы расстались, Эрнест взял с меня обещание прийти в отель на следующий день, как только я буду свободен. Утром он собирался встретиться с какими-то людьми, у него было много поручений, и я мог ему помочь с этим. Он предложил нам вместе прогуляться. Он собирался приобрести план города. Я был удивлен тем, что он никогда раньше не бывал в Англии.

На следующий день Эрнест был полон энергии.

– Все утро занимался проверкой документов и обдумыванием статьи вместе с Биллом Кортни и Джо Дирингом, – сказал он, – черт возьми, я хочу, чтобы Марта наконец откликнулась. Она где-то в Италии. Вчера я послал ей радиограмму. Никакого ответа. Пойдем-ка прогуляемся. Покажешь мне, где тут что, но только не превращай это в путешествие Кука.

Мы направились мимо Гайд-парка, затем прошли ко дворцу по Пэл-Мэл, миновали Пикадилли, а затем Бонд-стрит. Наш разговор не прекращался ни на минуту.

– Вот черт! – время от времени восхищенно восклицал Эрнест. – Это богатая страна. Посмотри туда, Барон! Даже после сильных бомбардировок эти строения сохранились, а также клубы и дома. Такой великолепный стиль! Давай обойдем вокруг «Хардис». Я хочу взглянуть на место, откуда я покупал рыболовные принадлежности все эти годы.

Мы гуляли до вечера. В отеле нас ждало сообщение от Капы, и вечером Эрнеста не было.

Я встретился с Капой на следующий день.

– У Папы проблемы, – усмехнулся он, – эта чертова борода распугала всех девчонок.

– У меня есть идея, – сказал я, вспомнив былые дни в Чикаго, – познакомь его с Мэри Уэлш. На днях я видел, как она разговаривала с Биллом Уолтоном. Он знает, где ее можно найти.

– Ха-ха, – рассмеялся Роберт, – я могу найти кого угодно.

Через несколько дней Эрнест вновь чувствовал себя замечательно и жизнь снова казалась ему прекрасной.

– Приходи сегодня вечером. Сегодня вечеринка в честь Папы, – сообщил мне Капа через несколько дней после приезда Эрнеста.

В те времена все было крайне неопределенно. Только высшие

офицерские чины знали, насколько близок день высадки союзных войск на Атлантическое побережье Европы. Один из них был выслан назад в Соединенные Штаты за свою болтливость. Лондон гудел как улей от неистовой, а чаще всего бестолковой активности. Корреспонденты или офицеры часто устраивали вечеринки, на которых самым популярным развлечением было приударить за хорошенькими девушками. Каждый что-то знал о других людях. Потому что журналистика очень хитроумная и коварная профессия. И те, кто занимался ею хотя бы несколько лет, становились опытными наблюдателями, разбирающимися в источниках информации, мельчайших намеках и способными писать интуитивно. От предстоящего наступления зависело все. Оно или завершило бы войну в Европе, или стало бы одним из самых больших в истории поражений, как говорили наблюдатели.

Квартира Роберта Капы в тот вечер была пропитана атмосферой серьезности, которая быстро улетучилась из-за многообразия спиртных напитков. Капа был мастером что-то организовывать, воровать и незаконно присваивать. В этом городе, полном запретов и ограничений, он наладил поставку замечательного спиртного из различных офицерских столовых города и окрестностей.

Здесь пошло обсуждение различных официальных заявлений, свежих анекдотов и творческих намерений.

Эрнест был с этим знаком еще несколько лет назад, пройдя через лишения, ужасы и нервное напряжение Первой мировой войны и событий в Испании.

– Пойдем-ка на кухню, Барон. Немного побоксируем или поговорим о былых временах, а может, поищем Роберта или еще кого-нибудь.

Мы пошли друг за другом, наполнили по новой наши стаканы и повели разговор о друзьях в Вашингтоне, Нью-Йорке, Ки-Уэст и о том, чем они занимаются.

– Вспомни тот случай, когда ты перевозил одну прекрасную пару на Кубу на своей лодке, и еще одну, и какой разнос я тебе устроил. Какого черта ты мне не сказал, что у девушки был перелом черепа? Почему ты мне это не сказал?

– У меня не было возможности, – ответил я.

Все это мы уже обсуждали давным-давно. Он пришел в ярость, когда обнаружил то, что я привел незнакомцев в его дом. Когда же он наконец сделал паузу, чтобы перевести дыхание, и у меня появилась возможность объяснить экстренность всего этого, он уже был зол на себя за то, что наорал на меня. Я терпеть не мог вспоминать этот случай.

– Вот черт, – произнес он с грустной ухмылкой, – у тебя был

тот же самый вид, когда я устроил тебе выволочку за стрельбу по цесарке. Я просто не знаю, что с тобой делать, братишка.

Я быстро сменил тему разговора:

– Ты помнишь, в каком шоке пребывал тот офицер, когда ты сказал ему, что организовал школу снайперов в Мадриде?

– О, ну конечно!

– А еще помнишь, как ты одурачил тех навязчивых офицеров дорожной заставы, рассказав им о своей «триумфальной» поездке домой на заднем сиденье после охоты на голубей?

Эрнест разразился хохотом и шлепнул меня по плечу:

– А помнишь того парня из тайной полиции, который не хотел бросать ружье, и тогда я сказал, что сам отниму его? Его фраза была «попробуй», что, собственно, я и сделал.

– Конечно помню, – ответил я. – А ты помнишь тех двоих яхтсменов, которые одной ночью пришли в бар «Флоридита» и разбили стаканы о мою голову. Они хотели убедиться, Хемингуэй я или нет, имея в виду конечно же тебя.

– Да, да! Я узнал об этом от портье на следующий день и о том, какую взбучку ты им устроил.

Мы по нескольку раз прокручивали в разговоре те воспоминания и поистине фантастические события тех времен.

Постепенно гости стали расходиться. Было уже далеко за полночь.

– Хорошая вещь – алкоголь! – сказал Эрнест. – Он подавляет в тебе чувство времени. Если б ты мог убрать из жизни тяжелые моменты, она была бы очень счастливой… Давай-ка немного побоксируем. Нам нужно поразмяться.

Мы поставили наши бокалы и немного размялись, отрабатывая удары в грудь и подбадривая друг друга. Даже позволяли тем, кто приходил посмотреть на нас, колотить нас по животам. Удивительно, как умело нужно обороняться, когда нижние мышцы живота находятся в максимальном напряжении. И готов поспорить, ни один незнакомый человек не ударит тебя так сильно, как ты сам можешь это сделать.

Девушку Капы звали Пинки. Она была бельгийкой и покинула свою страну. Она была веснушчатой, обаятельной и очаровательной хозяйкой.

– У меня есть все основания называть ее Пинки, – сказал Роберт, – у нее вкус как у земляники. Говорю совершенно честно. Ты сам поцелуй ее, и убедишься в этом.

Он был абсолютно прав.

– Мисс Пинки, доченька, – пропел Эрнест, – ты просто сокровище. Ты та самая, кого мы искали. Ты то, что нельзя описать словами.

Пинки стояла ошеломленная. Ее щеки залил румянец смущения.

– А теперь слушай, – произнес Капа, – это моя девушка. Не вгоняй ее в краску. Найди себе свою подругу.

Мы еще немного побоксировали. С нами на кухне находился квалифицированный доктор. Его звали Питер, и он вызывал у Эрнеста чувство симпатии. Ему не терпелось поговорить еще о прошлых временах и о том, как все тогда обстояло.

– Все было легко и складывалось удачно, – резюмировал он, – легко, потому что тогда все шло как надо. Жаль, что все это теперь далеко и мы не сможем туда больше вернуться.

Время шло к утру. Мы быстро навели порядок и направились к выходу, пожелав на прощание спокойной ночи. Вскоре мы оказались на улице в туманной ночи. Питер со своей девушкой и Эрнест свернули за угол.

– Я довезу тебя до отеля, – сказал Питер Эрнесту, – в такое время невозможно поймать такси даже генералу.

Я сказал слова прощания, прозвучавшие слишком громко в столь ранний час. Я услышал слабый звук автомобильного двигателя, когда направлялся к месту своего жительства неподалеку. Наступало туманное утро.

Я проспал менее трех часов, когда зазвонил телефон. Вскочив с кровати, едва одевшись и не побрившись, я выскочил из своей квартиры и через десять минут был у дома рядом с воронкой от разорвавшейся бомбы на Найтсбридж. Свежий утренний воздух окончательно протрезвил меня, и через двадцать минут ходьбы я уже был около отеля Эрнеста. Я позвонил. По телефону в номере никто не ответил. Я поднялся наверх. Когда я вошел в холл его номера с бледно-зелеными стенами, стояла абсолютная тишина. Ему нравилось, когда люди искали его. Я постучал в дверь. Ответа не последовало. Я толкнул дверь, и она открылась. Но даже кровать была заправлена. Это было подобно рассказу Голдилокса, только никого не было дома и никто не мог здесь находиться уже длительное время. Когда я выходил, в холл вошел Капа.

– С Папой произошло несчастье, как только он ушел этим утром. Где ты был?

– Я пожелал всем доброй ночи и отправился спать. Где Папа? Он серьезно ранен?

– Ничего серьезного, просто порез. Сейчас он в госпитале недалеко отсюда. Мне только что позвонили, и я пришел посмотреть, есть ли кто здесь. Пойдем навестим его.

Мы пошли быстрым шагом. В госпитале на Найтсбридж, мимо которого я только что проходил, дежурила ночная смена.

Дневной персонал еще не подошел. В дверях не было охраны, и не нужно было получать разрешение, чтобы войти. Только в регистратуре сидел заспанный администратор. Мы направились наверх к палате Эрнеста. Кожа на макушке его головы была рассечена, виднелась зияющая рана. Повязка ореолом окружала его голову чуть пониже ее. Пониже повязки сияли два зорких и очень внимательных глаза.

– Привет, Барон! Ты пропустил прекрасную поездку по Лондону. Еще не читал газеты?

– Что произошло?

– Врезались в бак с водой как раз в конце квартала. У Питера серьезно пострадали ноги. Его девушка вся в порезах. Мне повезло больше. Нас всех прооперируют, как только придут врачи. Меня надо бы заштопать. Так ты читал газеты?

– Нет… а что?

– Приходил какой-то репортер, значит, будет и статья. Я хочу посмотреть, что появится в прессе. Эти проклятые…

Он был похож на большого медведя, из головы которого только что вытащили топор мясника. Да, он был серьезно ранен. Но он просто бушевал от ярости, и ничто не могло остановить его в таком состоянии. Печально, но факт, произошел несчастный случай. Эрнеста неожиданно выбросило с заднего сиденья на ветровое стекло автомобиля. Он понимал, что в такое решающее время он должен будет находиться в постели, и это страшно бесило его.

– …Все-таки, Барон, ты не принесешь мне газеты? Не беспокойся обо мне. Я выберусь отсюда как можно скорее и буду в гостиничной постели. Но ты всеми правдами и неправдами попробуй заполучить увольнительную в своей организации, если сможешь, конечно. Такая чертова куча дел, и мне необходим надежный помощник.

Чуть позже, в тот же день, исполнительный офицер нашего фильма дал мне обещание. Джок Лоренс из Голливуда был офицером по связям с общественностью. Он перевел меня на независимую службу, так что я мог быть ординарцем Эрнеста, пока он не поправится. Джок Лоренс был внимательным к людям, а также великодушным и полезным всем, кто занимался здесь подготовкой новостей для прессы.

В то утро в Лондоне никто не мог представить себе, что будет напечатано в дневных новостях. В британском официальном заявлении сообщалось, что Эрнест Хемингуэй был убит в Лондоне при загадочных обстоятельствах. При всей военной цензуре того времени, работающей на полную мощность, ошибку, которую можно было исправить в течение минуты в мирное время, в мае

1944 года исправляли весь день. А пока сотрудники главных газет повсеместно готовили соболезнования, что было впервые за всю жизнь Эрнеста. Главные телеграфные агентства потратили некоторое время, чтобы привести в порядок сообщение. Пока это делалось, люди в отдаленных местах скорбели о потере великого оратора, который любил думать о себе самом как о неудачнике.

В Италии газета «Старс энд страйпс» напечатала статью о трагической гибели Эрнеста в ночном Лондоне. Бамби как раз служил там в качестве лейтенанта военной полиции. Как только он прочитал новости, так сразу ударился в жуткое пьянство.

На Среднем Западе наша мать узнала об этом, была шокирована, но не поверила.

– Мое сердце ничего не сказало мне прошлой ночью, значит, все это неправда, я уверена в этом. У меня есть такая способность предчувствовать, ты знаешь об этом, – сказала она мне после войны.

Мать спокойно и настойчиво утверждала своим сторонникам, что это не могло случиться. Затем пришло опровержение, подтверждающее то, что Эрнест получил только ранение головы и чувствует себя хорошо, хотя и госпитализирован.

Следующие несколько дней прошли в сплошной суматохе. Марта вернулась со Средиземноморья. Ситуация требовала полной дипломатии. Зашитая рана на голове Эрнеста чертовски болела, но он не желал обращать на это внимание. Когда Марта пришла навестить его, весь разговор пошел относительно здоровья Эрнеста. После этого последовали распоряжения доставить сообщения. Я был в роли посыльного. Мне было не по себе находиться при них, потому что я испытывал определенное чувство уважения к каждому и не мог слушать о том, что приносило лишь терзание.

При первой же возможности Эрнест покинул госпиталь и переехал в отель «Дорчестер». Он был ворчливым, как медведь с ранами на лапах. И хотя его предупреждали воздержаться от спиртного, через пять дней после аварии он налил себе виски и громко выражал свое недовольство, когда обслуга отеля была слишком медлительной или я очень долго выполнял его поручения. Он постоянно читал газеты, не придавая особого значения хитросплетению новостей.

Прошла всего неделя после катастрофы, но, когда я зашел утром в номер Эрнеста, он был одет и делал физические упражнения.

– Как твоя голова?

– Все в порядке, братишка. Я просто весь пульсирую. Ты можешь прослушать мой пульс прямо с того места, где стоишь…

Пойдем-ка прогуляемся.

Никто на этом свете не мог отговорить Эрнеста от какой-либо его затеи. Он либо пытался осуществить намеченное, либо сам отказывался от этого. Именно так, через друзей, он несколько раз добился разрешения вылететь на бомбардировщике «москито» для уничтожения «возможных целей» в оккупированной Франции.

Свой первый полет он совершил лишь спустя десять дней после аварии. Когда он сказал мне, что необходимо для этого подготовить, я, как младший брат, пытался сделать все возможное, чтобы угомонить его. Я пытался убедить его в том, что резкие перепады высоты могут вызвать кровотечение, и, как сын врача, он должен подождать, пока не снимут швы.

– Не заостряй на этом внимание, Барон!

– Ты слишком ответственный, но сейчас следует подождать.

– Но не тогда, когда есть такая возможность. У этих ребят бывают такие приключения! Ты ведь знаешь меня, братишка, я вернусь.

Затем он вышел в холл. Он сказал, что хочет попросить у служанки маленький сувенир, чтобы удача сопутствовала ему. Через некоторое время Эрнест возвратился с пробкой от шампанского.

На следующий день Эрнест просто ликовал:

– Это было превосходно, Барон! На обратном пути я чувствовал себя ужасно.

Он осмотрел с воздуха большую территорию страны, участвовал в непродолжительном бое, и при этом самолет не получил повреждений, не был сбит, не загорелся и его не заставили приземлиться истребители-перехватчики противника. Самое главное, его рана не кровоточила. Ему просто фантастически повезло. У него были свои убеждения, и он называл это реакцией на везение. Любой здравомыслящий человек остался бы в постели, вслушиваясь в свой артериальный пульс, пока лед таял у него на лбу. Я понял, что Эрнест нашел сильнодействующее лекарство для своей печали. Устремив взгляд в окно, он произнес тихим печальным голосом:

– Она лишь дважды меня навестила, пока я тут лежал и истекал кровью. Как женщина может так поступить…

После этого, кто бы ни спрашивал насчет Марты, Эрнест кратко объяснял:

– Сейчас она здесь. Но это не ее территория для работы. Ее направили на Средиземноморский театр военных действий. Это настоящий спектакль. Там, я подразумеваю.

Когда речь шла о делах, каждый из них старался скрыть свои личные чувства. Каждый из них, независимо от личных проблем,

был способен готовить газетный материал на профессиональном уровне. Все же Марта была вынуждена уважать Эрнеста как шефа отдела новостей и официальное лицо, утверждающее и погашающее статьи ее расходов.

– Он еще хуже, чем правительство, – сказала мне как-то Марта, резюмируя свое отношение к Эрнесту. – Я пыталась поговорить с ним, Барон, но он не захотел меня понять. Пожалуйста, может, ты мне как-то сможешь помочь?

Эрнест в это время был занят разговором в соседней комнате. Я ждал и, когда он освободился, высказал то, что нужно было высказать. Эрнест был невозмутим. Он знал, какое положение занимает он сам, где находятся другие, и, как говорят борцы, не имел никакого желания менять позицию.

Через несколько дней дела завертелись.

– Сходи в фирму по снабжению и притащи мне следующее оборудование, Барон. Вот список.

Эрнест уже думал о чем-то другом, пока я читал листок. В нем перечислялись солдатский ремень, фляга, рюкзак, шлем и подшлемник, шерстяная шапочка, корреспондентская сумка, аптечка, противогаз, пластиковая накидка на случай газовой атаки и другие вещи.

– Послушай, Стайн, – сказал я, – тебе все это нужно прямо сейчас?

Он кивнул:

– В этой фирме по снабжению сейчас куча народу. Я был там сегодня утром. Они могут доставить снаряжение куда угодно, и в дальнейшем я всегда смогу что-то заменить. Мне будет присвоен личный номер.

Так Эрнест прошел Вторую мировую войну с надписью «Хемингуэй 10601462» на обороте каждой вещи.

За несколько недель до начала высадки войск была развернута странная для опытных обозревателей в области общественных отношений кампания. По всему Лондону корреспонденты стали объектом всевозможных шуток и розыгрышей. Молодые офицеры по связям с общественностью говорили им, почему они должны примкнуть к такому-то и такому-то подразделению во время вторжения. Гражданские люди просто сгорали от любопытства, а каждое подразделение было осведомлено о событиях в родном городе.

Эрнест был вхож в некоторые из таких подразделений. Одно из них, которое ему больше всего нравилось из-за его лидеров, было 4-й пехотной дивизией. Ею командовал генерал-майор Рэймонд Бартон, интеллигент с Юга с пышными усами. Он любил своих людей и принципиально относился к своим обязанностям,

какими бы они ни были. Он делал из полных болванов настоящих джентльменов и стрелков из землекопов. Одним из трех бригадных генералов 4-й дивизии был Теодор Рузвельт-младший, человек ума и действия. До этого он был редактором в Нью-Йорке. По своей сути человек мужественный, стойкий и способный, он только что участвовал в Северо-Африканской кампании, а его послужной список был мечтой многих офицеров. Адъютантом генерала Рузвельта был капитан Маркус Стивенсон, сын будущего губернатора Техаса. Стиви знал, что Эрнест именно тот военный корреспондент, какой ему нужен. К тому же его уважают солдаты в дивизии. Стиви набросал план, претворил его в жизнь и завоевал расположение и доверие Эрнеста, и тот готов был следовать вместе с дивизией куда угодно.

Стремительное движение началось в первые выходные июня. Было много разговоров, но все они мало что значили. Эрнест отправился на побережье, где собирался взойти на борт атакующего транспортного судна «Доротея Фокс». Мой путь вместе с другой дивизией лежал в Шотландию. Там нас ждал крейсер «Сауфхамптон». Вместе с сотнями тысяч других солдат объединенных сил мы пересекли Ла-Манш вечером 5 июня.

Дня начала высадки десанта ждали все. Когда началось величайшее событие на земле, мало кто мог оставаться пассивным наблюдателем. Эрнест был на борту штурмового судна. Он сошел на берег под ураганным огнем прямо на противотанковые заграждения Фокс-Грин-Бич. Позади с северо-востока американский крейсер «Техас» давал залп за залпом, прикрывая выход сил на сушу. Каждый залп сопровождался ослепительно белой вспышкой. Шестнадцатидюймовые орудия «Техаса» поразили много целей на Шербурском полуострове. С расстояния я наблюдал за происходящим.

Позже Эрнест поделился со мной своими впечатлениями:

– Крейсер был просто огромным. Приятно было сознавать, что этот корабль поддерживает нас всей своей огневой мощью. С ним постоянно держали связь и иногда просили стрелять чуть ближе, настолько, что даже могли зацепить и наших.

Я задал ему вопрос о вражеских самолетах.

– Об этом можно даже и не упоминать. Насколько мне позволяло зрение – везде были наши корабли. Высадка на берег прошла без затруднений. Но как только мы ступили на берег, немцы начали артобстрел. Целый взвод наших парней распластался на песке, думая, что это огонь прикрытия. Они лежали, а тяжелые снаряды свистели над головой. Казалось, что они не понимают, что они под прицелом, и с каждой минутой снаряды ложились все ближе, пока они оставались без движения.

Рядом со мной был один лейтенант. Я сказал ему, что если продолжать лежать, то через минуту нас разнесут в клочья. Он лишь мотнул головой. Я отругал его последними словами, треснул по голове, а сам устремился вперед. Он со своими людьми последовал за мной. А те, кто остался лежать на песке, уже больше никогда не встанут.

Я рассказал ему о своих впечатлениях, а затем спросил:

– А как там Марта поживает?

– Она сделала все возможное, чтобы участвовать в высадке, – ответил Эрнест с полным уважением к ней, – она пришла сюда на плавучем госпитале. Ей не позволили сойти на берег, потому что у нее не было аккредитации в этом районе. Чертовское невезение. А как там Шоу? Он был с тобой?

– Ирвин? Нет. Он собирался вместе с командос на какую-то очень секретную операцию. Но потом ее отменили. Ему из-за этого не пришлось увидеть то, чему мы были очевидцами.

– Какая неудача! – Эрнест ухмыльнулся. – Но его не стоит недооценивать. Он парень шустрый.

Несколько британских репортеров, узнав о возвращении Эрнеста, пришли к нему на встречу. Вопросы сыпались один за другим. Я перепечатывал сообщение, которое Эрнест хотел отослать по радио. Мне нужно было продолжать работать, независимо от спиртного, смеха и интересного разговора. Тогда люди, умеющие печатать на машинке, не отвлекаясь ни на что, пользовались спросом. Имея брата в офицерском звании, я был самым счастливым и занятым человеком в армии. Я знал, что то, чем я занимаюсь, сравнимо по удовольствию с нарядом на кухню. Это тянулось уже слишком долго.

– Поди-ка сюда, Барон! – позвал Эрнест. – Я восхищен твоим умением сосредоточиться, но я хочу, чтобы ты познакомился с этими господами из лондонской прессы. Друзья, это мой младший брат Лестер! Он все время ковыряется с делами немного больше, чем на это требуется времени.

Послышался одобрительный смех. Я наполнил фужеры и принес еще содовой.

– Вот ведь черт! Моя голова до сих пор болит! – произнес Эрнест. – Самое лучшее лекарство для любой раны – это хорошая крепкая выпивка… Прими это во внимание, Барон. Будущие историки когда-нибудь поймут, что алкоголь был самой главной движущей силой в любой известной человеку войне.

За это подняли фужеры и чокнулись.

– А твоя семья знает, что ты вернулся невредимым с берегового плацдарма? – поинтересовался один из репортеров.

– Напиши-ка нашей матери, Барон, – распорядился Эрнест

вместо ответа, – сообщи, что у нас все в порядке и мы весело проводим время, как мы это обычно и делаем. – Он подмигнул собравшимся: – Господа! Мне еще многое предстоит сделать и быть готовым вновь вернуться туда, где самое пекло боя.

На той неделе первые самолеты-снаряды обрушились на Лондон. Их цели были непредсказуемыми и бессмысленными. Один из них упал на пустой участок земли на окраине города. Второй шлепнулся в Темзу. Третий обрушился на небольшой отель или казармы, разбросав обломки здания и людей на многие метры вокруг. В течение нескольких дней информация о летающих бомбах держалась в секрете. В конце концов о них стали говорить как о «беспилотных самолетах». Доказательства их разрушительной силы были настолько очевидными, что даже самые скептически настроенные граждане поверили в изобретение Гитлером супероружия. Периодически в спокойном воздухе возникал стремительно нарастающий гул. После того как переставал работать ракетный двигатель, практически все задерживали дыхание и прислушивались. Грохот взрыва, даже поблизости, приносил облегчение. Если вас не поднимало в воздух, значит, беда обошла стороной.

– Никогда не знаешь, когда прилетит следующий, – говорил Эрнест Ире Уолферт. – Сейчас гораздо спокойнее спать на нормандском плацдарме, нежели где-нибудь в Лондоне.

Корреспонденты, планировавшие остаться в Лондоне, где был доступен телеграф и информационные источники, теперь собирались пересечь Ла-Манш, где сражение против вермахта с каждым днем шло все успешнее.

У Эрнеста появилась еще одна возможность совершить боевой вылет, и он конечно же воспользовался ею. Он полетел на бомбардировщике «Митчел Б-25» на уничтожение новых пусковых площадок для самолетов-снарядов. Он был вместе с командиром эскадрильи Линном, и им удалось успешно поразить несколько целей, чудом избежав смерти от зенитной артиллерии фашистов.

Эрнесту не терпелось поработать на европейской части континента. Все остальные сотрудники «Кольерс» были там, освещая в репортажах отдельные военные операции. Он лично хотел делать репортажи о действиях сухопутных войск.

Мое снаряжение для съемки фильма пришло во Францию только спустя две недели. Самолеты-снаряды разрушили порт Саутгемптона, из которого мы отправлялись. Они падали каждые полчаса, или даже чаще, а северозападный ветер повредил сооружения запасного порта на французском побережье. Когда мы снова ступили на берег, это было подобно экскурсии. Везде шли дороги с указателями, а впереди все было усеяно останками

передовых частей.

Потребовалось несколько часов для снятия водонепроницаемой защиты с автомобилей. Еще больше времени ушло на поиск штаб-квартир. Все же мы добрались до места нашей аккредитации рядом с собором Святой Марии-Иглесии в Нормандии. Когда вещи были распакованы, мы начали исследовать освобожденную территорию и регистрироваться в штаб-квартире «Аллайд пресс». Только что прибыла еще одна группа корреспондентов. Среди них был Эрнест.

– Привет, Барон! О чем ты пишешь на этот раз?

– Пусковые площадки для самолетов-снарядов, места приземления планеров, применение поврежденных планеров противником, погребение мертвых… Ты это прекрасно знаешь. Ну а как дела у тебя?

– Много было самолетов-снарядов. Но если ты находишься в удачном месте, то зачем беспокоиться? А ты не хотел бы поговорить с боевыми пилотами?

Была замечательная возможность узнать о другой стороне войны. Эрнест настоятельно рекомендовал мне прийти на брифинг на следующий день. Он собирался достать какой-нибудь автомобиль. Когда я пришел, то вручил ему кусок закамуфлированного зелено-коричневого шелкового парашюта. Мы пришли к выводу, что эта материя, обернутая вокруг шеи, хорошо предохраняет от пыли нормандских дорог.

Эрнест показал пальцем на парашютный лоскут.

– Бедный парень, – сказал он. – Я надеюсь, что они прикончили его, а может, ему удалось удрать.

– Думаю, что удалось. Здесь неподалеку есть еще несколько штук, и фермеры их пока не обнаружили. Они находятся за минным полем. Я ходил туда с большой осторожностью.

– Замечательно! Должно быть, он все-таки ушел. Давай-ка сходим туда завтра?

Мне удалось побывать в пресс-центре лишь через два дня. Эрнест собирался в дорогу.

– Прыгай ко мне, братишка! Военачальник в этом районе мой друг. Он приходится братом Чарли Уэртенбейкеру, так что, ради бога, веди себя прилично. Запомни, воздушные силы не имеют ничего общего с этими чертовыми связистами. – Эрнест рассмеялся, чтобы сгладить свою колкость.

На аэродроме регулярно взлетали и садились бомбардировщики. Взлетная полоса находилась от меня не дальше мили, а наш командир предупредил, что любые подобные визиты сюда запрещены. Так что за все время нашего пребывания в Нормандии мало что приходилось делать легально.

Полковник Уэртенбейкер был высоким, добродушным летчиком, у которого было трудное задание по морским и наземным бомбардировкам в светлое время суток. Он питался, когда представлялась возможность, и заодно пригласил нас. Столы были покрыты чистыми скатертями, а пища была превосходной.

– Сэр, в воздушных силах всегда такая жизнь?

– О да! Дела идут лучше, когда нас не перебрасывают с места на место. До линии фронта отсюда всего три мили, и мы можем сменить базирование. Но если нам придется эвакуироваться, это будет происходить в спешке. Недавно у нас был такой случай.

– Генерал, а вы лично контролируете дневные операции с воздуха? – задал вопрос Эрнест.

– Естественно. А вы не желаете составить мне как-нибудь компанию?

Так Эрнест договорился о совместном вылете на следующее утро. У него была возможность посмотреть на все своими глазами с борта двухместного «тандерболта». Полученные впечатления вылились в отличную журнальную статью. Позже я спросил его, почему он обращался к нему как к генералу, хотя он носил погоны полковника.

– Всегда называй полковника генералом. Он к этому стремится, и он будет хорошо относиться к тебе за то, что ты читаешь его мысли. Когда ты поймешь это, то узнаешь еще кое-что о войне.

Сражения на границах Нормандии все еще продолжались, хотя 4-я дивизия давно очистила от фашистов полуостров Котентин. Враг очень эффективно оборонял береговой плацдарм. Эрнест продолжал внимательно наблюдать за успехами дивизии, но ему хотелось знать еще больше о военных событиях до решающего наступления. А оно, по словам опытных наблюдателей, было не за горами.

На освобожденной территории бурно отпраздновали День взятия Бастилии – первый французский праздник после высадки объединенных сил. Уже тогда французы были уверены в том, что никакая контратака нацистов не вытеснит силы альянса в море и они продолжат наступление после четырех долгих лет оккупации. Часть нашей съемочной группы делала фильм о празднике американских генералов. Я сам снимал на пленку открытие собора в Шербуре. Под моросящим дождем, а потом под палящим солнцем мы отсняли отличный материал о прибытии архиепископа в собор под звон колоколов и приветственный шум толпы.

Когда большая часть фильма в тот день была отснята, к нам

подошел один джентльмен из отдела информации и начал рассматривать нашу экипировку. На нем была офицерская униформа, но без знаков различия. Он не представился и не спросил наших имен. Просто, стараясь произвести на нас впечатление, он мощно напирал на то, что войну выигрывают только благодаря ему и его воинскому подразделению.

– При отсутствии информации американцы не стали бы прилагать усилия в военных действиях. Мы дали им такую возможность, и они проглотили ее. Вам следует ознакомиться с отзывами о материале, который мы собираем.

Кто-то хихикнул.

– Вы, вероятно, давно занимаетесь этим и внесли большой вклад в развитие? – спросил один из нас совершенно невозмутимо.

– О да! Я работаю с 1942 года, когда это все начиналось. Вы знаете, что требовались такие парни, как мы, с опытом работы в иностранных государствах. Такие мерзкие беженцы, как Хемингуэй и остальные, слишком заняты просиживанием задниц на Карибских островах или в Голливуде, вместо того чтобы сейчас приехать во Францию. Они бы пригодились нам… Эй, ребята, ну-ка прочь отсюда! – Он прикрикнул на детей, которые играли в прыгалки шнуром для звукозаписи.

Шнур оказался нашим. Человек говорил по-английски неестественно, его французский был безошибочен, но с отвратительным акцентом.

Ирвин Шоу задал вопрос:

– Как вы думаете, в чем проблема у этих беспутных беженцев?

– Их проблема в беспутстве. Они просто деградируют. Они покинули свою страну и эту страну, которая дала им столько всего, когда каждый должен бороться за освобождение Франции от нацистской оккупации.

– Вы очень осведомленный! – сказал кто-то из нас.

– Да, мне пришлось прожить здесь несколько лет. Так я приобрел свой жизненный опыт. А как у вас?

– Да мы только начинающие, – ответил Шоу. – Пойдем, Хемингуэй, скажем твоему брату, где нас, беспутных солдат, научили уму-разуму. Вероятно, нас и не ждали здесь ко дню высадки десанта.

Человек отвернулся. Его краснеющие уши торчали из-под изящной офицерской фуражки, как пара ярких треугольных парусов на шлюпке, идущей по ветру после проигранной гонки.

Следующие десять дней прошли в ожидании. Наши группы направили не туда, куда было нужно. Была и другая путаница, как и в любой кампании.

И вот наступил день, которого мы так все ждали. Вначале поползли слухи.

– Будет жуткая бомбардировка в одном районе к югу от нас. Она сметет все с лица земли, и пехота сможет пойти на прорыв. Затем двинется бронетехника, а следом, надеемся, и мы.

Я встретился с Эрнестом и узнал, что он собирается следовать вместе со своей дивизией, что бы ни случилось. Несколько недель назад скончался генерал Рузвельт во время операции по освобождению полуострова. Но Эрнест уважал генерала Бартона, и тот отвечал ему взаимностью.

Утро большой бомбардировки началось рано. На взлетной полосе летчики прогревали моторы своих самолетов. Много раз я наблюдал, как эти машины возвращались после захода солнца, как они уходили на задание. У меня даже появилась какая-то привязанность к этой технике.

– Все самолеты это просто механизмы, – сказал мне Эрнест, – но они оживают, когда ими управляет человек, подобно парусной лодке, находящейся во власти стихии.

Полеты в то утро напоминали миграцию большой стаи птиц. Они прилетали по девять, по двадцать семь в строгом боевом порядке. Их крылья сверкали на солнце, а от рева моторов под нашими ногами дрожала земля. После начала бомбардировки туго натянутый брезент над нашими головами завибрировал, хотя мы находились в нескольких милях от места нанесения удара. Самолеты прилетали группами. Они с ревом проносились мимо, сбрасывали бомбы, как будто выполняли какой-то ритуал, и растворялись вдалеке. Бомбардировка продолжалась почти до полудня. Чуть позже мы получили первые известия. Прорыв был успешным. Несколько слишком нервных летчиков сбросили свой смертоносный груз слишком рано, и в результате был убит генерал Макнаир и еще несколько солдат недалеко от линии бомбового удара. Но остальные пошли вперед, и бронетехника ждала своего часа нанести удар по нацистам.

На следующий день еще не было разрешения для фотографов и корреспондентов перемещаться в зоне боевых действий. Шоу каким-то образом удалось отправиться с патрулем вместе с двумя операторами. Когда он возвратился, Айван Моффет и я помогли ему расправиться с тремя принесенными им бутылками. Он был переполнен информацией, успел снять отличный фильм и сейчас нуждался в отдыхе. Затем пришло распоряжение о том, что все корреспонденты могут идти и снимать все, что угодно. Мы спешно собрали наше оборудование и сорвались с места. Наш следующий базовый лагерь находился в замке около Парижа.

Согласно теории, один может заметить то, что другой

обязательно упустит. Поэтому наше подразделение разбили на более мелкие группы с операторами.

В трех милях от Сант-Ло нам на пути стали попадаться воронки от бомб. Мы бывали там раньше, когда там действовали только саперы и разведроты. Сейчас на протяжении добрых двух миль все было в следах от взрывов. Плодородная земля Нормандии выглядела как лунная поверхность при наблюдении через телескоп.

К югу от места наступления вдоль улиц городов, ранее оккупированных немцами, стояли наземные мины. Во время движения наших автомобилей некоторые из них взрывались. Должно быть, их взрыватели были с таймером, поскольку близлежащие здания стояли пустыми и разграбленными. Через несколько секунд после того, как мы проехали мимо одного места, прогремел взрыв. Три машины были повреждены и нескольких человек разорвало на куски, остальные бились в предсмертных муках. Мы уже ничем не могли им помочь. Засняв на кинопленку окрестности, мы продолжили движение. Впереди бронетехника преследовала отступающие нацистские силы.

Дальновидность и проницательность Эрнеста, примкнувшего к 4-й пехотной дивизии, отлично сочеталась с удачей и фактически командованием подразделением в разведывательном патруле. Его вело безошибочное внутреннее «чувство куропатки». Куропатка из тех птиц, подстрелить которых достаточно сложно. Кажется, что их интуиция предвидит события задолго до их свершения.

Эрнест был там, когда силы различных полков шли вперед по коридору, проложенному им авиацией. То подразделение, в котором находился он, преследовало отступающего врага. Он попал под сильную контратаку нацистских танков, которая могла уничтожить все подразделение на лесистой местности между Вильдье и Авраншес. Командующий 8-м корпусом генерал Коллинз по прозвищу Джо Молния похвалил весь состав 4-й дивизии за большой вклад в общее дело.

Тогда в непрерывном преследовании врага в районе Сент-Пуа Эрнест понял, что его дивизия имеет все шансы первой дойти и взять Париж.

– На моей карте всегда есть булавка для Эрни Хемингуэя, – отвечал генерал Бартон на вопросы корреспондентов о том, что происходит. – Эрни всегда на передовой, – объяснял генерал, а потом добавил, что он тот военный корреспондент, о котором можно только мечтать, чтобы он находился рядом с тобой или поблизости, когда войска захватывают территорию. Он постоянно ищет полезные для разведки сведения, как правило, находит их, а

потом успешно передает командованию. Эта информация – как от профессионального разведчика, и она всегда точная. Что при этом еще можно желать?

Было несколько вещей, о которых тогда мечтал Эрнест. Все это из разряда удобств, которых не хватало, подобно сну, отдыху и горячей ванне. Эрнест на своем джипе познакомился с тремя молодыми солдатами из французской армии. Это были бывший кинооператор новостей Жан Декамп, Марсель и Ричард, самый молодой из них, проявивший завидный героизм, участвуя в Сопротивлении. Другой молодой человек, тоже по имени Ричард, присоединился к ним во время проезда через Сент-Пуа. Но позже он получил ранение и оставил компанию. Эти любители войны ехали за Эрнестом. За рулем был Рэд Пелки из северной части штата Нью-Йорк. Настоящее имя Рэда было Арчи, но он ненавидел его. При всем его мужестве, он был забавный парень.

За первую неделю августа Эрнест прошел со своей дивизией гораздо дальше, чем ожидал. Им пришлось отразить контратаку генерала фон Клюге, направившего на запад противотанковые дивизии. Все три полка участвовали в этой резне. Количество солдат в батальонах уменьшилось до двухсот человек. 12 августа контрнаступление было остановлено в районе Мортейна, и с этого момента нацисты были обращены в беспорядочное бегство.

4-я дивизия и французская 2-я бронетанковая дивизия были готовы идти на Париж. В этот момент Эрнест находился в городе Рамбуйе. Он остановился, ожидая подхода своих войск и с намерением изучить силы противника в этой местности.

– Жан и Ричард расспрашивали местное население, – неделю спустя рассказывал мне в Париже Эрнест, – Марсель занимался военнопленными. Рэд и я работали в штаб-квартире, расположенной в отеле «Гранд Винер». Там был просто изумительный винный погреб. Пришли местные жители и поведали нам много важного. Я опросил их всех и сделал пометки для себя. В наших руках находились крайне важные военные карты.

Все свои разведывательные действия Эрнест проводил с особой тщательностью.

– Пошли этих мужчин на велосипедах по всем пригородным дорогам. Я хочу, чтобы они лично проверили все участки лесов, – сказал Эрнест Жану, – нам необходимо узнать, где расположены вражеские танки, их численность, тип и, если возможно, найти склады с боеприпасами. Скажи им, что мне нужны исключительно точные сведения. И пусть не говорят мне о танках, пока сами не потрогают их руками.

Скоро Эрнест знал все подробности местной обстановки.

Работа с этими молодыми борцами Сопротивления шла легко и непринужденно. Всю свою жизнь он возглавлял свое собственное движение сопротивления.

Когда они ехали одни, то распевали песенку:

Десятый дом по улице Гобелен,
Десятый дом по улице Гобелен,
Это там, где живет мой Бамби.

Этой песенке Эрнест обучил своего сына несколько лет назад в Париже на тот случай, если он потеряется.

Полковник Давид Брюс, командовавший объединенными силами в Северной Европе, неожиданно появился в Рамбуйе, когда велась разведка местности. У него с Эрнестом было много общих друзей, и они часто объединяли усилия в решении всевозможных проблем. Это была боевая операция, но без ее успешного проведения Брюс никогда бы не смог использовать Париж и сеть его коммуникаций для своих дальнейших достижений.

– Полковник был на должности командующего, – рассказывал мне Эрнест, – но он позволил мне завершить то, что я начал, потому что это приносило колоссальные результаты. На этих местных жителей можно было полностью полагаться. Они жили в постоянной опасности, зная, что в любой момент могут быть атакованы и уничтожены. Кроме того, я и для них старался многое делать, и я был просто тронут их доверием ко мне.

Потом он рассказал мне о дезертирах из вермахта, местных девушках и о непокорном пленном, которого они заставили чистить картошку на кухне отеля после того, как сняли с него штаны, чтобы не мог убежать. Он описал обед с начальником штаба генералом Леклерком и встречу с агентом разведки объединенных сил. Они рисовали схемы и имеющиеся у них военные карты.

Но генерал Леклерк был очень невысокого мнения о всех гражданских лицах, а корреспондентов относил к особой категории, которую, скорее всего, ценил еще ниже. Эрнесту категорически запретили сопровождать колонну Леклерка, которой по решению штаба объединенных сил было приказано освобождать Париж.

После этого Эрнест исчез. Никто не видел, как он ушел. Он словно растворился.

– Я до сих пор храню ту пробку от шампанского, которую мне подарила служанка в отеле «Дорчестер» перед тем, как я отправился в полет, – рассказывал мне потом Эрнест. – Ценность

таких вещей нельзя выразить в деньгах. Они бесценны. Она сказала, что это принесет мне удачу, а кто сейчас перед тобой? Самый удачливый парень, которого я знаю! – Он рассмеялся.

Ведя машину на расстоянии нескольких кварталов, Эрнест с парнями из FFI на заднем сиденье ехал параллельно одной из колонн Леклерка почти до Версаля. Потом они колесили по сельским дорогам, когда вечером подразделения Леклерка были остановлены довольно серьезным сопротивлением противника.

25 августа город света гудел как улей. 4-я дивизия подошла быстро. Утром 8-й и 22-й полки форсировали Сену, а 12-й полк вышел на бульвар Орлеан. К полудню третий батальон достиг собора Парижской Богоматери.

Когда в ту пятницу на горизонте отчетливо показалась Эйфелева башня, на Эрнеста вновь нахлынули воспоминания.

– А вот и Панам, – задумчиво произнес он.

– Что ты сказал? – поинтересовался Рэд Пелки.

– Панам – так называют Париж те, кто очень сильно любит его.

Их джип скоро присоединился к частям 4-й дивизии, которые шли вперед, освобождая самый любимый город Эрнеста. Он встретился с Сильвией Бич и отметил, что она выглядит прекрасно. Затем он велел Рэду ехать на плас де ла Конкорд, а затем в отель «Ритц». Они вышли из машины, проверили оружие и прочесали подвалы отеля, прихватив двух пленных и обнаружив богатые запасы коньяка. Затем они осмотрели верхние этажи. Эрнест выбрал один из гостиничных номеров, расставил часовых, все осмотрел и вернулся назад, готовый к любым неожиданностям. А их было много. В основном они чувствовали себя превосходно. Царил беспорядок, приветствовали вновь прибывших, успокаивали толпу, хотевшую остричь многих местных девушек, путавшихся с нацистами. Ну и о выпивке тоже не забывали.

Я приехал в Париж только в воскресенье вечером вместе с первым после освобождения конвоем продовольствия для города. Подразделение Ирвина Шоу уже находилось там вместе с Капой и многими другими корреспондентами. Они разместились в отеле «Скриб». Как только выдалась возможность, я встретился с Эрнестом. Он был все еще взволнован.

– Наши друзья удачно добрались, Барон. Насколько я знаю, никого из сотрудников прессы не ранило. Фашисты по-прежнему драпают. Я буду в дивизии до ее возвращения домой. Здесь есть над чем поработать. Какая же все-таки неприятная работа – собирать информацию об оппозиции!

Потом он заговорил о работе разведчиков.

– Что случилось с Леклерком? – спросил я.

– Он страшный грубиян, – ответил Эрнест, – послал нас ко всем чертям. Но тем не менее, я прекрасно провел время с одним джентльменом, очень серьезным типом из штаба Леклерка. Он классный малый и имеет звание. Мы много говорили. Он осмотрел мою рану на голове и спросил, почему я до сих пор хожу в капитанах. При моем возрасте у меня должно быть достаточно жизненного опыта. Он полагал, что у его американских друзей более быстрое продвижение по служебной лестнице. «Мой друг, на то есть очень простая причина. Я не умею ни читать, ни писать», – ответил я. Ты бы видел его лицо в этот момент! Вначале он просто не поверил. Потом принял это за чистую монету. Потом он рассердился за этот обман. Вот такие дела. – Эрнеста затрясло от хохота. Затем он продолжил: – Но скажу тебе, Барон, по мнению генерала Бартона, я молодец. Ты знаешь, какое воодушевление это дает. – Он похлопал себя по сердцу и вдруг резко сменил тему: – А ты еще не видел катакомбы? Нет? Черт побери, у нас нет времени. Держу пари, там еще много фрицев дожидаются плена. Мы туда еще спустимся. Эти нацисты подобны кроликам, и, когда ты подходишь совсем близко, они замирают в ожидании. Эрнест вновь наполнил стаканы:

– Выпьем за город, который так не похож на остальные в этом мире.

Мы чокнулись и выпили. По телу стало разливаться тепло.

Когда пришел Капа, Эрнест расправлялся со второй бутылкой.

– Привет, Роберт! Безусловно, это лучшее место. Тебе понравилось в отеле «Скриб»? Ну, это не основательная причина! Здесь все поставлено так, как должно быть. Тут достаточно места, чтобы поразмяться. Погляди! – Он согнул локти и встал в старую бойцовскую стойку. – Мы принимаем всех. Мы извлечем этих пленных из погребов, где они потихоньку попивают, как большая мышь на жидкой диете… У тебя нет желания остаться здесь? – Последнюю фразу он произнес по-испански.

– Нет, благодарю тебя, – ответил Капа. – Рано или поздно они пойдут в атаку, к тому же мои финансы на исходе. Давай-ка вместе поужинаем сегодня?

На этом мы и договорились, проведя вечер в небольшом отеле.

Очень скоро улетучилась дружелюбность между представителями прессы. Корреспонденты снова пускали пыль в глаза – комплименты, похвальба и практически неприкрытое стремление взобраться на вершину. Эрнест отказался в этом

участвовать, заявив, что это его не волнует. За последующие несколько дней я узнал обо всем этом и даже больше. Несколько корреспондентов прибыли с опозданием, после чего началась ссора.

– Как Хемингуэю удалось приехать сюда первым, когда нам пришлось ожидать?

С ревнивой завистью, свойственной конкурентам, они стали думать о том, какую гадость можно подсунуть Эрнесту. Скоро его информировали о том, что в отношении него будет проведено расследование на предмет соответствия статусу корреспондента. Он ощущал, что в один прекрасный момент его могут выслать отсюда.

Мэри Уэлш, очень элегантная и сдержанная, прибыла в Париж в числе первых. Несколько дней спустя приехала Марта. Мне вновь пришлось передавать записки между Мартой, остановившейся в маленьком отеле, и Эрнестом в «Ритце». Однажды на обратном пути я увидел господина из отдела информации Шербура. Он пристально посмотрел на меня, затем побледнел и быстро отвел взгляд.

Перепечатывая набело депеши для Марты и Эрнеста, бегая в поисках копировальной бумаги, свободного транспорта и просто выполняя поручения, я не имел свободного времени. Но мне нравилось выполнять работу для каждого из них. Тогда я еще продолжал трудиться на «Сигнал корп», и мое подразделение было лично отмечено президентом.

Мне особенно запомнилось одно из сообщений Марты. Я рассказал о нем Эрнесту, полагая, что он порадуется ее успехам. Он ведь всегда старался быть абсолютно честным во всем.

– Пусть лучше она выкинет его, – рявкнул Эрнест, – и надо же написать такую чушь! Кажется, она вообще не понимает, что происходит!

Вряд ли кто мог понять, что тень на репутации Эрнеста беспокоила его больше, чем все остальное.

Первая неделя освобождения Парижа была похожа на приключенческий фильм. По городу расползались невероятные слухи. В различных районах Парижа звучали случайные выстрелы. Сторонники немцев по-прежнему прицельно и с перерывами стреляли из господствующих над местностью зданий. Звуки выстрелов напоминали разрыв автомобильной шины.

Каждый вечер Эрнест, Мэри, Капа, Марсель Дуамель, Рэд Пелки и я ужинали в новом месте. Марсель, будучи переводчиком Эрнеста с французского, знал, где есть продовольствие. На второй вечер он повел нас в небольшой ресторан на рю де Сен, куда часто заходил Пабло Пикассо. Пабло и Эрнест увидели друг друга

еще за двадцать футов.

– Паблито!

– Эрнесто!

Они бросились в объятия. Слезы потекли из глаз старых друзей. Затем было много разговоров под красное вино и мясо молодого барашка. На следующий день после полудня мы отправились туда, где жил Пабло. Он показал нам свои работы, провел по студии, и они с Эрнестом говорили быстро и непрерывно. У него было отличное место для работы.

– Этот коридор в мастерскую под углом тридцать градусов похож на палубу мчащегося по волнам судна, – сказал Эрнест.

– Да, когда я направляюсь работать, то мне приходится стремиться к своей цели, а иначе я соскользну назад, – рассмеялся Пикассо.

Он продемонстрировал нам руль от велосипеда, который он использовал в сюрреалистическом образе большого животного, и показал, как мы можем использовать другие предметы повседневного пользования в составлении великой композиции.

Когда Эрнест понял, что расследование по его профессиональной деятельности затянется на долгое время, он поехал догонять свою 4-ю дивизию. Он решил, что, если останется в части еще некоторое время, он многое сможет узнать об этой войне, а результат расследования уже не имел для него никакого значения.

Он примкнул к своей дивизии в Бельгии перед атакой «линии обороны Зигфрида» и стал очевидцем того, как 105-миллиметровые противотанковые орудия своей разрушительной мощью сносили входные двери бетонных укреплений.

– Эти жуткие орудия решили все, – потом рассказывал мне Эрнест. – Еще живые фашисты выходили, шатаясь. Они были в оцепенении, не способные видеть и слышать. От взрывной волны из их ушей и ноздрей текла кровь.

Через несколько недель Эрнест вернулся в Париж. Расследование по его делу по-прежнему затягивалось. Он снова занял свой номер в отеле «Ритц», и жизнь пошла своим чередом. Номер Мэри располагался прямо над ним, и «Ритц» превратился в общественное место с нескончаемым потоком посетителей. Однако в течение нескольких дней Эрнест снова потерял друзей в дивизии, особенно в 24-м полку во время военной операции. Он снова заторопился на фронт.

Художник Джон Гроут в это время тоже находился в Париже. Он хотел посмотреть фронт и избрал для этого 4-ю дивизию. Узнав, что Эрнест вернулся, он попросился в его подразделение. Но Эрнеста там не было. Гроуту пришлось пешком добираться до

фермерского дома Эрнеста в районе Блиальфа.

– Это было замечательно – попасть в подразделение Эрнеста, – рассказывал Джон. – У него был большой дом на ферме, полностью забаррикадированный и укрепленный. В долине к востоку еще находился враг. В светлое время суток нам удавалось контролировать местность. Но ночью это была спорная территория. Разведывательные патрули каждую ночь прочесывали местность, и Эрнест был начеку. Он разработал план ведения огня из комнат и просчитал все другие моменты, которые могли произойти до утра. В ту ночь, когда я пришел к нему, у нас был обильный ужин, мы много смеялись и пили. В основном мы говорили о годах, проведенных в «Эсквайре», и о старых временах в Чикаго. Когда я решил лечь спать, он сказал: «Захвати-ка это все тоже в постель» – и дал мне столько гранат, сколько я с трудом мог унести. «Если кто-то подберется близко к дому, то приоткрой окно, выдерни чеку и брось одну из них. Я буду здесь внизу». Его совет принес мне только бессонницу в ту ночь.

Той осенью у Эрнеста было много возможностей узнать, что собой представляет жизнь. Он разъезжал по округе на трофейном мотоцикле вместе с Джоном Кимброу из спецслужб, занимаясь наблюдением и разведкой. Иногда они натыкались на приличные количества коньяка и шнапса, пока разыскивали нелегальное оружие и спрятавшихся солдат вермахта.

В следующем месяце ему пришлось возвратиться в Париж, чтобы узнать, как идет расследование его дела. В этой поездке он ехал вместе со старыми друзьями – капитаном Бугтоном и Джо Окифом. Когда они проезжали по местам великих сражений Первой мировой войны, Эрнест рассказывал об особенностях местности, о том, что и как здесь происходило. Когда он добрался до отеля, то серьезно простыл. Опять забеспокоило горло.

Я выяснил, что расследование стоит на месте, и приступил к своим обязанностям. За короткий промежуток времени простуда прошла, а расследование неожиданно завершилось. С Эрнеста были сняты обвинения в применении оружия и участии в боевых действиях, что запрещалось корреспондентам, согласно Женевской конвенции.

В один из морозных осенних дней вместе с Джимми Кэнноном и мной он принял участие в открытии велосипедных гонок. Мы покатили к велодрому, пили на ходу из фляжки Эрнеста и прекрасно провели время, ощущая, что гражданская жизнь вновь возвращается в город.

Эрнест снова вернулся в свою дивизию, и 16 ноября стал очевидцем начала невероятно трудной атаки на Хюртген-Форест. Шли осенние дожди, было холодно, и дул пронизывающий ветер.

На крутых холмах и в лесах к западу от Кельна нацисты заминировали все мало-мальски пригодные для перемещения дороги. Открытые места в лесу изобиловали ловушками для танков и пулеметными гнездами. На высотах располагались артиллерийские орудия. Продвижение всего на полмили заняло пять дней, и потери были колоссальными. Рубка бревен и рытье убежищ было главными занятиями по утрам, когда стороны не вели огонь, растирая и согревая дыханием свои руки, а раненые лежали с надеждой на эвакуацию. Протяженные линии фронта лежали впереди. От постоянного огня артиллерии горели деревья, в щепки разрывало сосны и осыпало людей под ними. Двадцать седьмого числа 22-й полк взял Гроссхау, и лишь полоса смертельно опасного леса простиралась впереди. Остальные полки объединились перед броском через последнюю главную линию сопротивления и совершили прорыв после трех невероятно трудных дней. 3 декабря 22-й полк был выведен под Люксембург, а на его место были брошены свежие силы. На следующей неделе были переброшены остальные полки.

Тогда Эрнест вернулся в Париж с инфекцией, не поддающейся самому лучшему медицинскому лечению. У него был сильный кашель с обильным кровотечением. Выплюнув около половины чашки крови, он прохрипел с усталой, совершенно подавленной ухмылкой:

– Немного разгрузился, Барон.

У него было нечто похуже, чем воспаление легких. Под его бородой лицо выглядело бледным. Высокая температура не спадала, и дыхание было затрудненным. Впервые он даже был согласен на постельный режим и отдых. Его врач был одним из лучших, и Эрнест относился к нему с полным вниманием.

– Должен опять откомандировать тебя из части, Барон. Куча работы. Мне нужен кто-нибудь… Мэри не может находиться здесь половину дня. Ты не против, если я замолвлю словечко?

Я не возражал, и Эрнест договорился по телефону. Еще неделю его состояние было очень тяжелым. Затем наступил определенный перелом в лучшую сторону, кровотечение прекратилось, и, несмотря на еще высокую температуру, он был готов вернуться к жизни. Мы обсудили различные темы, включая доктора, семью, наши надежды и проблемы и, разумеется, женщин. Задание, которое он мне поручил, представляло собой долгую и нудную работу по копированию.

– Ого! – воскликнул я, когда приступил к делу. – Это просто бомба. Ты уверен, что это тебе нужно?

– Абсолютно. Вот почему мне нужен такой, как ты, кому я полностью могу доверять.

Почти всю неделю Эрнест воздерживался от спиртного. Когда его здоровье пошло на поправку, он сказал:

– У меня явно выраженная желудочная недостаточность, Барон! Доктор не может настаивать на том, чтобы лишать такого здорового ребенка, как я, живой воды. Позови кого-нибудь из обслуживающего персонала и закажи что-нибудь хорошенькое.

Я выполнил его просьбу, изъясняясь на жутком французском, который начал изучать с момента высадки в Нормандии. Он то и дело поправлял меня.

– Черт побери, ты ведь можешь немного изменить свое родное произношение. Любой знает, что ты говоришь по-английски. Но когда используешь иностранный язык, говори правильно!

Эрнест долго сожалел о том, как мало ему удалось послушать Марлен Дитрих. Она давала концерт для войск на освобожденной территории, неподалеку от того места, где его дивизия пядь за пядью продвигалась вперед.

– Голос Марлен был неподражаемо гортанным, Барон. А крики приветствий, когда она заканчивала очередную песню, были в десятки раз громче, чем после ее концертов в любом из ночных клубов. Когда ты слышишь ее пение, ты просто забываешь про все на свете. Это подобно нашей встрече на французском судне во время возвращения с войны в Испании. Когда я вижу ее, мне кажется, что она мой талисман.

Очередной приезд Мэри укрепил моральный дух Эрнеста. Несмотря на ее предстоящий отъезд, Эрнест был воодушевлен. Посредством Марселя Дуамеля, назначившего себя общественным секретарем, регулировались телефонные звонки, отношения с доброжелателями и истинными поклонниками. Первые несколько дней Эрнест был слишком слаб, чтобы противостоять кому-либо. Когда он почувствовал себя лучше, ему помогли привстать на большой белой кровати в роскошной комнате, декорированной в золотых и белых тонах. Здесь он принимал посетителей после полудня и вечерами. Он общался лишь с теми, кого хотел видеть. Остальным совершенно откровенно говорили, что он слишком болен и вряд ли его состояние улучшится раньше Рождества.

Телефонные звонки раздавались как от заезжих американцев, так и местных титулованных в литературном мире особ. Очень забавный Энди Грэйвс приходился дядей Айвану Моффету. Энди недавно перевалило за семьдесят, у него был совершенно синий кончик носа, вероятней всего, от изрядных количеств коньяка, которое он принимал в течение многих лет. Последние двадцать четыре года Энди жил в Париже. Когда-то после Первой мировой войны американский рынок зерновых культур сильно потеснился,

и с тех пор у него были астрономические прибыли.

– Эрнест, я не знаю, сколько денег я заработал сегодня, – задумчиво проговорил он, – все эти годы я не утруждал себя пересчетом.

Энди знал множество историй о парижской жизни во времена немецкой оккупации, и у него был настоящий бульдог.

– Прямо напротив моих апартаментов жила самая очаровательная графиня. И она была помоложе меня.

– Энди, расскажи-ка нам, юнцам, что-нибудь, – попросил Эрнест. – Это правда, что говорил Сократ о мужчинах твоего возраста?

– Абсолютная правда, – рассмеялся Энди, – три раза в неделю вполне достаточно, и стоит того, чтобы ради этого жить.

На другой день пришел Марсель. Он был взволнован.

– С тобой очень хочет встретиться Сартр, а также его девушка.

– Годится, – решил Эрнест, – скажи им, пусть приходят около восьми. Барон еще будет здесь. Он может поработать барменом.

Сартр пришел в точно назначенное время. Это был невысокий мужчина с близорукими глазами и веселым смехом. Его девушка по имени Кастор, лучше известная как Симона де Бовуар, была выше его, с более темными волосами и приятней на вид. Мы начали с шампанского. После третьей бутылки Кастор захотелось узнать, насколько серьезно болен Эрнест.

– В таком состоянии… я чертовски здоров, видите? – Эрнест откинул одеяла, согнул мускулистую ногу и ухмыльнулся.

Весь следующий час он постоянно настаивал на том, что замечательно себя чувствует. Он сидел прямо, отпускал хорошие шутки и презрительно говорил о своих соотечественниках, греющихся у домашних очагов в то время, как восточная часть Франции нуждается в освобождении. А фрицам надо непрерывно давать по ушам за унижение всего человечества.

После шестой бутылки я напоследок наполнил бокалы и решил возвращаться в свою казарму.

– Как закончился вчерашний вечер? – спросил я на следующее утро.

– Прекрасно, – зевнул Эрнест, – мы отправили его домой вскоре, как ты ушел. Проболтали всю ночь напролет. А эта Кастор просто очаровательна.

Спустя годы, когда был опубликован ее «Второй секс», Эрнест признался друзьям, что он разочарован в содержании этой книги, ведь она могла бы написать гораздо лучше.

Когда в Париж приехал Андре Мальро, Эрнест немедленно пригласил его к себе.

– Заходи, пропустим по рюмочке, – сказал он по телефону. – Я вполне здоров. Это только говорят, что болен.

На Андре была униформа полковника французской армии. Он был пилотом и воевал в воздухе над Испанией. Сейчас он командовал пехотой.

– О мой дорогой! – начал он по-французски.

Затем они присели, и оба продолжали говорить одновременно. Я открывал новые бутылки, наполнял и споласкивал бокалы, открывал еще бутылки и слушал их разглагольствования. У Андре был командирский тон, который мог повергнуть в благоговейный трепет любую торговку на рынке. Эрнест говорил хорошо и красноречиво, используя жаргонные выражения, которые я старался запоминать на будущее.

С помощью пантомимы Эрнест рассказал о напыщенном нацистском офицере, захваченном в плен после входа в город. Когда он потребовал соблюдения своих прав как военнопленного, члены группы Эрнеста были настолько ошеломлены его бесстыдством при выборе слов, что сняли с него штаны и заставили маршировать от авеню Гранд-Арме до Этуаль.

– Это очень эффективно сбило с него весь гонор, – сказал Эрнест.

Мальро был лидером Сопротивления на южном фронте. Перед вторжением он попал в руки гестапо, и его собирались пытать. Тогда он пустил в ход жуткий блеф.

– Послушайте меня. Я знаю ваше начальство, а оно меня уважает, – сказал он им, – и если оно узнает, что со мной что-то случилось, то каждый из вас будет расстрелян, один за другим.

Это подействовало. С ним обращались как с почетным военнопленным, а потом ему удалось сбежать.

В ту ночь было откупорено очень много бутылок. Двое мужчин поглотили ошеломляющее количество виноградного вина. Я дважды выходил подышать на свежий воздух, пока они вели дискуссию о войне. Андре командовал подразделениями в районе Страсбурга. Эрнест рассуждал о проблемах северной линии фронта. Было уже очень поздно, выпивка и разговоры наконец прекратились.

Когда 16 декабря на северном фронте началась мощная контратака нацистов, информация об этом просочилась только через несколько часов. Неожиданно была сильно ужесточена цензура. Лишь немногие в Париже знали, что началось великое сражение при Булдже. Эрнест располагал достаточными сведениями, чтобы осознавать всю серьезность ситуации.

– Это настоящий прорыв, братишка. Нам нужно немедленно возвращаться. За это мы можем поплатиться своей работой. Их

бронетехника наступает. И они не берут в плен.

Он позвонил по телефону насчет транспорта и через несколько минут сказал мне:

– Генерал Рэд О'Хэр послал за мной джип. Проверь все обоймы и оружие. По пути туда мы можем попасть в переделку. К нам в тыл просочились немецкие солдаты в американской военной форме. Джип подъедет через пятнадцать минут. Постарайся сам туда добраться, а потом разыщи меня. А теперь следи за собой сам, понял, Барон? Удачи тебе, братишка.

Через неделю атака немцев стала ослабевать. Но ее разрушительные последствия были колоссальными. 4-я дивизия, занимая позицию с востока от Люксембурга, воевала успешно. Я добрался туда только после Рождества, будучи откомандированным в качестве помощника и оператора в сопровождении Уильяма Уайлера. Он был полковником воздушных сил, к тому же хорошо разбирался в съемках документальных фильмов. Больше недели я мог быть с Эрнестом и 4-й дивизией, сдерживающей натиск врага. Потом наступила некоторая передышка, когда атака нацистов была остановлена и наши части пошли в наступление.

В дивизии Эрнест чувствовал себя как дома. Генерал Бартон был переведен после Рождества из-за болезни. Его преемник генерал Блэйкли был уравновешенным и компетентным офицером, командовавшим артиллерийской дивизией в течение многих месяцев.

Находясь в Люксембурге, Эрнест снял комнату в отеле напротив госпиталя, заперся в ней и засел за творчество. Он выходил отдыхать только с хорошими друзьями, такими, как водитель генерала Рузвельта Курт Шоу, Пелки, Кимброу, Жан, Марсель, Рэг Денни из «Нью-Йорк таймс», Хэнк Горрелл из Юнайтед Пресс, Джимми Кэннон из «Старс энд Страйпс» и Джером Сэлинджер. Эрнест был главной фигурой в кампании. Он любил рассказывать истории, выпивать и слушать. Другие подразделения вели бои и ночью и днем. Много раз их отсекали от основных сил. Все, что каждый мог сделать, это ждать, а потом или идти им на помощь, или узнать о последних моментах их жизни.

Когда Эрнест приветствовал меня в своем отеле, он выглядел возбужденным.

– Я сейчас в очередной прекрасной эпохе, – провозгласил он. Этот термин он использовал для описания тех времен, когда он был на пике своего творчества. – А ты, Барон, оказался сейчас в нужное время и в нужном месте.

– Ситуация по-прежнему неважная?

– Это неверное слово. Больше подходит – замечательная. Я покажу тебе позиции. Сколько у тебя в запасе времени? Я возьму тебя с собой в патруль и покажу во всех подробностях, откуда наступали немцы, какие были наши действия и какая ситуация сложилась сейчас. Здесь творилось такое… Здесь было чему поучиться.

Мы осуществили намеченное. Под нашими ботинками скрипел снег, мы продирались между деревьев, спускаясь в долины и поднимаясь на возвышенности. Эрнест не умолкал ни на минуту, объясняя, что происходило в том или ином месте. Он переживал настоящий, не подверженный возрасту восторг от жизни.

– Моя грудь больше меня не беспокоит. Сухой воздух ей на пользу.

Он глубоко вздохнул, чтобы продемонстрировать. Было очень холодно, но ему нравилась такая погода. Снегопад и места жестоких боев приподняли нам настроение. Мы шли на лыжах и распевали песни. Еды и спиртного было, как всегда, предостаточно.

– Недавно здесь была Марта, – по секрету сообщил Эрнест. – Все прошло не очень уж гладко. Она настоящая женщина, но… В общем, она настаивала на том, чтобы говорить по-французски, полагая, что это придаст некоторую секретность. Я не стал ее прерывать. Но у Бака, – Эрнест кивнул в направлении полковника, – есть вся военная классика на французском. Он хорошо знает этот язык.

Мы продолжали ходить в патруле. Иногда вечерами мы заходили в прекрасный люксембургский отель, где размещалась пресс-служба 5-й воздушной дивизии. Там вместе с Биллом Двайером, Джо О'Кифом и капитанами Стивенсоном и Бултоном мы частенько пропускали по рюмочке какого-нибудь замечательного напитка. После долгих поездок в открытых джипах болела голова, а руки постепенно замерзали, несмотря на рукавицы. Мы мечтали ближе к вечеру оказаться в приятной теплой обстановке с напитками в тонких бокалах.

Эрнест стал очень щепетильным по отношению к возможным нападениям в городе. Своему водителю или мне, если я оставался один, он вверял свой пистолет.

– Держи его на взводе, пока нас нет. Так я буду уверен в том, что получу его обратно, – говорил он.

Он получил удручающий урок на обратном пути в Париж. Остальные корреспонденты, хотя он и считал их настоящими друзьями, уехали, вместо того чтобы встретить его.

В день моего отъезда Эрнест сказал:

– Черт побери, я не застал Уилли Уолтона. Мы подготовили некоторую полезную информацию для 4-й дивизии.

Он передал мне записку для Уолтона на тот случай, если я увижу его первым. Затем полковник Уайлер и я направились в Бастонь, пока там не начались бои. До нас доносились раскаты взрывов с южного направления вдоль швейцарской границы. Нам удалось отснять прекрасный фильм, и только спустя месяц с лишним мы вернулись в Париж. Я сразу же позвонил в отель «Ритц».

– Приезжай, Барон. Очень много новостей. – Голос Эрнеста прозвучал очень печально.

Когда я вошел в его номер, он сообщил мне, что Бамби попал в плен:

– Он был на задании, получил ранение, и его подобрали фашисты. Может, у нас будет возможность освободить его. Я жду известий.

Эрнест продолжал ходить из угла в угол, ударяя кулаком правой руки по ладони левой. Он был в бессильной ярости оттого, что не знал, был захвачен Бамби как военнопленный или как вражеский агент. Эрнест был полон решимости вернуть своего сына. Но пока у него не было сведений, насколько далеко в тылу находится Бамби.

Прошла еще неделя, но никакой информации не было. Эрнест расспрашивал офицеров из 3-й дивизии, на чьей территории был захвачен Бамби. Он также говорил с офицерами 4-й, где он провел большую часть времени в течение войны.

Эрнест говорил красноречиво, с большой убедительностью о том, как будут разворачиваться военные события из-за приближающейся весенней погоды. Мэри ощущала его состояние и была молчалива. Когда ей задавали вопрос о ее собственном творчестве, она коротко отвечала:

– Некоторое время я работала над большим произведением о правде.

Время шло. Меня перевели в 4-ю дивизию. Известия зачастую приходили от офицеров, бывших в увольнительной в Париже. Эрнест по-прежнему был там. Наконец через международный Красный Крест Эрнест узнал, что Бамби официально считается военнопленным. Он вздохнул с облегчением.

Марлен Дитрих вернулась в Париж после своих многочисленных выступлений в прифронтовой полосе. В частной беседе с Мэри и Эрнестом она убедила Мэри попытаться наладить отношения с ним, несмотря на его несдержанное поведение. Эрнест, будучи в приподнятом настроении, выстрелил из пистолета по туалету. Это расстроило Мэри, а Марлен сказала,

что ей потребуется некоторое время, чтобы успокоиться.

– Вы оба нужны друг другу, и это будет хорошо для тебя, – сказала Марлен.

Эрнест и Мэри помирились.

В марте Эрнест знал, как закончится война. Он отправился назад в Нью-Йорк. Ему не терпелось изложить свои мысли на бумаге. У него были личные впечатления о войне, и, по его словам, они имели смысл. Он сказал, что Первая мировая война не произвела на него никакого впечатления. Двадцать лет спустя после войны в Испании, как говорил он, чем больше он читал и вспоминал о ней, тем меньше он понимал в ней. Но Вторая мировая война оставила след в его душе.

Глава 11

В Гаване после войны Эрнест регулярно работал. В декабре 1945 года они с Мартой развелись. В марте 1946 года он женился на Мэри Уэлш. В эти первые послевоенные месяцы «Финка» и «Пилар» нуждались в большом внимании. Он построил мастерскую и вновь снарядил судно. Затем он вернулся к своему обычному графику работы по утрам. После этого были рыбалка, купание, выпивка, еда и сон до начала творчества на следующий день. Он рассказал о своих привычках обозревателям Леонарду Лайонсу и Ирлу Уилсону. А они, в свою очередь, поведали о них всему миру. Он был абсолютно искренен в своем совете писателям, побуждая их читать самые лучшие в мире произведения, учиться видеть, чувствовать, узнавать как можно больше о своем предмете и всегда останавливаться на том моменте дневного творчества, когда писатель четко представляет, что будет дальше. Тогда работа на следующий день пойдет легко.

Эрнест срочно разослал письма с приглашениями в гости своим друзьям. Он признавал, что утерял старое чувство команды и свободного течения разговора после каждого рабочего дня. Поскольку из-за агрессивности русских росла напряженность в мире, Эрнест написал Баку Ланхаму, бывшему полковнику из 22-го пехотного полка, о том, что если русские станут совершенно невыносимыми и неожиданно вторгнутся в Соединенные Штаты, то единственно разумным действием будет укрыться в горах и действовать хитростью. Во все времена он был за свободу человека и хотел сам сражаться за нее. Когда на Кубе образовалась первая организованная оппозиция президенту Доминиканской Республики Трухильо, Эрнест выступил перед войсками, которые должны были свергнуть эту диктатуру на востоке. Затем план вторжения был отменен после сосредоточения войск в районе Кайо-Конфитес.

В то время позиция кубинского правительства была очень шаткой. В доме Эрнеста произвели обыск на предмет оружия и нашли очень много всего.

– До того как должен был начаться суд, мы пригласили к себе на обед судью, – рассказывал он мне потом. – Бамби сам сказал, что ружья фактически принадлежат ему. Судья хотел знать, чем Бамби зарабатывает на жизнь. Я ответил, что он предприниматель. А это так, ты сам знаешь. Он изготавливал прекрасную наживку для форели, вручную обвязывая ее. Судья был впечатлен тем, что такой молодой человек является предпринимателем. Впоследствии все обвинения сняли.

Я работал на один из нью-йоркских журналов и начал писать роман о войне. Эрнест очень заинтересовался этим и предложил, чтобы я присылал ему главы будущей книги по мере написания. Всякий раз, когда я заканчивал очередную приличную часть, то сразу отсылал ему. Рукопись долгое время находилась у него. Затем он писал, что нет смысла в оправданиях за такую задержку, но он регулярно находит время знакомиться с этим. Он всегда собирался ответить, но откладывал и занимался своей работой. Он перечислил свои проблемы, включая возможность продать «Фифти Гранд» за хорошие деньги. Но, по его словам, на налоги уйдет четыре пятых суммы, а он не желает отдавать собственность за то, что он в конечном итоге получит. Тогда он затеял что-то совместное с Марком Хеллинджером, и он сможет двинуться дальше, если картина будет завершена, вместо того чтобы разбивать на части отдельные рассказы, что подобно разбиванию прекрасных вещей ручной работы для поддержания огня в очаге.

В то время Эрнест чувствовал, что сможет оказать мне финансовую помощь, но я должен буду сообщить ему, если окажусь совсем на мели. Он разбирал рукопись моего романа буквально по страницам. Он указал, что плохо, что хорошо, что отлично, и назвал часть, которая, по его мнению, просто великолепна, и он чертовски желал бы сам написать такое. Он подробно разъяснил, какие части необходимо доработать. Отсутствие интеграции беспокоило его, и он думал, что будет лучше издать это все в виде сборника коротких рассказов на одну тему. Он был в восторге от чувств, возникавших при чтении, но его беспокоила некоторая «недописанность материала». Он полагал, что это гораздо лучше словесной избыточности, но все равно это написано не так, как должно быть на самом деле. Он считал, что я мог придумать больше, чем уже заложено в книгу, и побуждал меня попробовать еще раз, потому что в те времена, по его словам, даже великая книга о войне могла потерпеть неудачу.

Тем летом у нас выдалась возможность встретиться и поговорить на борту «Финки». Мэри уехала навестить своих родственников. Патрик был очень болен. Эрнест заботился о нем и попросил меня остаться на неделю, чтобы мы могли спокойно пообщаться. Это было напряженное время оценки и одиночества.

– Черт побери, Барон, здесь недавно было столько корыстных ловцов чужих идей! Они все хотели писать журнальные статьи, или позаимствовать чьи-то идеи, или узнать, на что пригодны их собственные. Как приятно увидеть человека со своими собственными мыслями! Оглядись вокруг, нам необходимо заполнить вакуум и позволить идеям развиваться там, где это

возможно.

Я планировал остаться на три дня и сказал, что не знаю, смогу ли провести здесь целую неделю.

– Чертова неделя не сделает тебе погоды. Патрисио понравится это, а мы заставим его есть и поставим на ноги. А еще нам необходимо поговорить. Я расскажу тебе, что нужно делать. Я расскажу тебе, что стоит читать и как излагать на бумаге фантазии, подобно реальным событиям. Я расскажу тебе о женщинах… Что тебя интересует?

Было неразумно покидать дом на длительное время ради рыбалки. Но все остальное было реально. Мы купались, стреляли по голубям, боксировали, выпивали, ели, читали, говорили, и Эрнест просто забыл про сон, который был ему так необходим.

Тогда у Эрнеста была пристройка к большому дому. В ней было три спальни, и она находилась на нижнем уровне, рядом с подъездной аллеей. Тэйлор Уильямс и я расположились в пристройке. Там же у Эрнеста была вторая библиотека. Мы говорили о будущей книге, семейных делах, ценностях, жизненном опыте и творческих планах. За последние два года здесь побывали гости, начиная от многочисленных членов семьи Джианфранко до известных беглецов с Дьявольского острова, хотя исправительная колония была закрыта там в самом начале Второй мировой войны.

Как-то вечером зашел один из друзей. Он хотел поговорить о неофициальных петушиных боях, зная, что Эрнест был страстным любителем петушиных боев.

– Сколько у тебя сейчас боевых цыпляток, Эрнесто?

– Семь, и в хорошей форме.

– Что ты думаешь насчет заявки на участие? Слышал, что ты одолжил моему другу своих трех лучших птиц и он сформировал команду вместе с четырьмя своими. У вас стало на двоих семь отличных претендентов, на каждого из которых можно было поставить и выиграть. Это ведь замечательная идея?

– Приятель, – сказал Эрнест, – а ты мог бы одолжить кому-нибудь свою жену?

Эрнест был настолько жизнерадостным в своей жизни, насколько серьезно относился к писательскому творчеству. Он любил, когда гости приходили во второй половине дня и ближе к вечеру, но до полудня не принимал никаких звонков.

– Если наша мама придет в неурочное время, я отошлю ее обратно, братишка. Ты это знаешь. Читай, ешь или побродди, как южноамериканские индейцы, по тропическим лесам. Только наши родственники были с дальнего севера. А в жилах нашего рода со стороны Эдмундсов течет настоящая индейская кровь, ты ведь

знаешь.

– Неужели? – рассмеялся я.

– Не сойти мне с места! Все любят скрывать сведения. Но ты знаешь, как мы все любим командовать. В нашем племени каждый был лидером.

Эрнест говорил без всяких комплексов.

– Ты знаешь, Барон, я был женат три с половиной раза. Из всех лишь Полин была женой, о которой любой мужчина может только мечтать.

На следующий год, когда я был проездом на Кубе после рыбной ловли на Ямайке, Эрнест был более радостным и откровенным. Во время рыбалки я поймал белого марлина рекордного размера. Когда я рассказал ему все подробности, то добавил, что улов нельзя считать рекордным, потому что я вынужден был помочь рыбаку вытащить рыбу на палубу.

– Это твоя горькая доля – быть моим братом, Барон. Будучи вице-президентом ассоциации рыболовов-спортсменов, я был безразличен к рекордам. В действительности я должен был относиться к тебе жестче, чем к кому-либо. Так что особо не надейся когда-нибудь кого-нибудь победить. Но это не должно препятствовать тебе стать чертовски хорошим писателем или рыболовом или вычеркнуть эту рыбу из списка самых больших, пойманных на удочку.

По натуре Эрнест всегда был искренним. Тогда на борту «Финки» находился Уинстон Гэст. Еще с нами был Джордж Браун, знаменитый тренер, встречавшийся в поединках с лучшими боксерами прошлого. У него был совершенно безупречный нос, что подчеркивало его идеальную расчетливость и работу ног.

– Уолфи превосходный стрелок. Он зарекомендовал себя как в клубе, так и на войне, – сказал Эрнест. – Тебе для убедительности надо посмотреть его в действии. Чтобы его глаза были зорче, ему необходим коньяк. А после второй бутылки он просто бесподобен, как наш Джордж в боксерских перчатках. Всегда с восхищением смотрю на лучших людей в действии.

Эрнест скучал по Марлен Дитрих.

– Черт побери, Барон, моя духовная жизнь всегда в надежных руках, если рядом Дон Андрес. Но Марлен – это такая женщина, что может вдохновить мужчину пойти на виселицу. Я снова напишу этой немочке и попытаюсь пригласить ее сюда. Было бы замечательно посидеть с ней на берегу бассейна и предаться воспоминаниям. Мэри просто без ума от нее.

Эрнест работал успешно и никого не посвящал в свое творчество. Он продолжал писать, несмотря на ранения головы, автомобильные аварии и последствия контузии. Когда его

послевоенный доход с зарубежных авторских прав стал весьма ощутимым, он и Мэри совершили путешествие в Европу. Он вновь хотел посмотреть на Северную Италию, где ему так хорошо работалось и жизнь была такой прекрасной в те первые несколько лет. Во время утиной охоты на болотах около Венеции ему в глаз попал кусочек пыжа от патрона. Началось серьезное воспаление. Требовалось время, хотя это могло стоить ему зрения и, возможно, жизни. Но позже он вышел из ситуации с помощью чудовищных количеств пенициллина. У него была готовая рукопись книги «За рекой, в тени деревьев». Произведение было написано за короткое время. Но Эрнест считал его удачным и был раздражен едкостью критики, последовавшей после публикации серии глав в журнале «Космополитен». О своей книге он сказал одному из друзей, что «в ней была настоящая и прекрасная девушка».

После того как воспаление глаза прошло, Эрнест послал Марлен предложение сочинить сценарий фильма о поиске Святого Грааля, где невинной немецкой девушке предстоит найти путь через целые страны противников. Эрнест сказал, что очень любит Марлен и она прекрасно об этом знает. А когда-нибудь он напишет историю о них обоих, и они смогут жить счастливо целую вечность.

Перед возвращением на Кубу Эрнеста тщательно осмотрел один из лучших европейских врачей. Ему сообщили диагноз – цирроз печени – и дали совет, что необходимо предпринять, иначе придется рассчитывать только на десять лет жизни. Эрнест за свою жизнь игнорировал предсказания столь многих доброжелателей, что счел делом чести не обращать на это внимание.

Когда в 1951 году умерла наша мать, он продолжал напряженно работать. Перспектива увидеть удручающее зрелище повлияла бы на его творчество. Когда он узнал о похоронных приготовлениях, то послал одной из сестер деньги и записку с просьбой пригласить всех на поминки от его имени и позаботиться обо всем необходимом.

Несмотря на серьезную работу, Эрнест продолжал писать полные любви письма. Он написал Марлен Дитрих, что она и он два последних невинных на этом свете, и она его талисман. Он убеждал ее, что они никогда не должны терять связь друг с другом. В строки своей книги он вкладывает всю свою любовь и готов всегда быть полезным ей, исполняя ее приказы, потому что в душе он тоже немец, и она должна знать об этом.

На следующий год Леланд Хэйуорд убедил его опубликовать «Старик и море» сначала в журнале «Лайф», а потом издать как

книгу. Эрнесту очень понравился профессионализм, с которым книга была издана. За нее он был удостоен премии Пулитцера, что принесло ему несказанное удовольствие.

После издания книги кто-то опубликовал в журнале интервью с ним, что привело его в ярость, поскольку этого интервью вообще не было. Местные рыбаки обвинили его в непорядочности, и ему пришлось объяснять многим друзьям-писателям, что он не давал такого интервью и это чистой воды мошенничество. Он сказал, что создал эту книгу после нескольких лет, проведенных на воде, и благодаря знакомству с десятками рыбаков.

Эрнест снова посетил Европу. Это был его первый послевоенный визит в Испанию. Оттуда он, Мэри и Филипп Персиваль направились на охоту в британскую Восточную Африку. Эрнест жаждал познать ощущения охотника, когда он пробирается пешком или ночью в этой стране леопардов. Он получал впечатления, заменяя егеря в одном из районов и убивая львов в траве высотой пятнадцать футов при плохой видимости и всех шансах на неожиданную атаку.

Один из львов увернулся от брошенного копья и был уже на опасном расстоянии, когда Эрнест успел выстрелить в него. Он извлек из него лопатки и шейные хрящи, сохранив их для играющего на гитаре мальчика из бара «Флоридита» в Гаване.

Желая посмотреть на водопад Виктория, Эрнест и Мэри арендовали четырехместный самолет «сессна» с американским пилотом по имени Рой Марш. Он должен был слетать вместе с ними туда и вернуться обратно. Недалеко от водопада Марш неожиданно столкнулся со стаей ибисов. Направив самолет вниз, чтобы избежать столкновения, он зацепил старую телефонную линию, после чего самолет рухнул на землю.

Они испытали страшный удар. Больше всех пострадала Мэри. У нее было сломано два ребра. После лишенной всякого комфорта ночи со слонами, проявлявшими к ним неподдельный интерес, группа окликнула проходившую по реке моторную лодку и добралась до Батиабы. Там они наняли другой самолет. На взлете он потерпел аварию и загорелся. Это был настоящий шок. В это время отправленный на поиски самолет обнаружил место первой аварии и сообщил об отсутствии признаков жизни. Об этом информировали мировую прессу и страницы газет запестрели некрологами. Эрнест больше всего пострадал при второй катастрофе. Был сильный ушиб внутренних органов, повреждение позвоночника, из ран текла кровь, пока он не добрался на машине до Найроби и не получил первую медицинскую помощь. Местный врач сказал, что по всей медицинской логике он мог умереть той ночью. Но поскольку

этого не произошло, у него были все шансы поправиться. В течение нескольких последующих дней он, находясь в постели, читал собственные некрологи в газетах. Он не обращал внимания на боль, наслаждаясь впечатлениями.

После этих катастроф Эрнест и Мэри через Европу вернулись на Кубу. Эрнест еще полностью не выздоровел, боль давала о себе знать весьма ощутимо. По его словам, он мог забыть о недуге иногда во время работы, но по ночам было просто невыносимо.

В письме к Марлен Эрнест убеждал ее приехать на Кубу, обещая не отпускать шуток по поводу смерти и не давать ей читать свои некрологи. Он говорил, что временами приступы боли просто ужасные, но в эти мгновения лишь стоит ему подумать о ней – и болезнь сразу отступает. Он написал, что хотел бы более тесного контакта, потому что, когда он обнимает ее, кое-что у него сразу перестает болеть.

В 1954 году он стал лауреатом Нобелевской премии по литературе. Он не произносил никаких речей, за исключением интервью на кубинском телевидении. Упомянув о том, какое удовольствие он получил, наблюдая за награждением Исака Динесена, Бернарда Беренсона и Карла Сандбурга, он скромно принял известие и о своей награде. Его врач запретил ему ехать в Швецию на церемонию. Эрнест был против того, чтобы ехала Мэри, так что Нобелевскую премию получал за него американский посол. Медаль и деньги были переданы Эрнесту. Он отдал медаль в усыпальницу Вирген-де-Кобре, что на востоке Кубы, отметив, что стать реальным обладателем какой-то вещи можно, лишь подарив ее.

Все годы после катастроф в Африке и до повторного визита Эрнеста в Европу я постоянно писал ему, но не было никакой уверенности в том, что он получал мои письма.

Я опубликовал роман, повторно женился и сделал некоторые вещи, которые могли показаться ему интересными. Именно в это время Эрнест расспрашивал наших общих друзей, с которыми виделся, таких, как Джон Гроут, и других, с кем он вел переписку, в особенности Харви Брейта. Его беспокоило, почему он не получает от меня никаких вестей и что они слышали обо мне. В конце концов письмо, отправленное мною в Испанию, попало ему в руки. В ответном послании он рассказал о личных и общественных событиях, своем творчестве и о других вещах. Его привела в ярость единственная строчка в описании одного из героев моего романа. Я вспомнил его совет на борту «Финки», это произошло уже после войны:

– Никогда не стесняйся назвать грязную лопату своим именем. А в отношении отрицательных героев сыпь самыми

грязными словами, если ты знаешь, что они этого заслужили. И к хорошим парням мы подходим так же, но более мягко. Нет ценностей, кроме правды, как ты ее понимаешь, чувствуешь и создаешь в своем воображении. Никто не подал на меня в суд в Англии за книгу «И восходит солнце», хотя ее герои имели весьма реальное происхождение. Некоторым льстило собственное сходство, но иногда и они злились. Так что не обращай на это внимание. Если писатель не может вытворять со словами то, что делают мультипликаторы или художники с линиями, то ему лучше сочинять речи для политиков, где главное объем, а не суть.

Всю осень 1955 года Эрнест работал на Кубе вместе с Спенсером Трейси над эпизодами фильма «Старик и море». Эрнест, Спенсер и Леланд Хэйуорд договорились, что поделят на троих доходы от проката фильма за свое участие в нем в качестве писателя, актера и режиссера-постановщика. Но в съемке происходили бесконечные задержки. Команда операторов была прекрасной, но ураганы «Хильда» и «Айон» разрушили весь график штормовыми ветрами и насыпями, что остановило всю работу. В погожие дни Эрнест проводил от восьми до девяти часов на штурманском мостике «Пилар», маневрируя судном для проведения съемок. Затем он, шатаясь, шел на берег, где перед ужином его досуха растирал Джордж Браун, а потом Эрнест валился спать до следующего дня.

15 сентября были отсняты основные кубинские сцены фильма, но Эрнест пребывал в полном разочаровании. Он заявил, что как писатель он обязан быть преданным своему делу. Он должен продолжать работать над этой вымышленной историей одного человека, и не важно, насколько поглощающей может стать работа над фильмом. Он смирился с вынужденным перерывом из-за приближающейся зимы. Следующей весной другая команда операторов отправилась вместе с ним в Перу. Там надеялись поймать гигантского марлина для съемок финальных сцен картины.

За первые четырнадцать дней непрерывного лова марлин совершенно не клевал. За следующие две недели шесть рыб попадались на крючок, и лишь четыре из них удалось вытащить на палубу. По всем меркам, это были большие марлины. Их размеры превышали четырнадцать футов. Но они не были гигантскими, а для фильма требовался именно такой. В итоге для получения желаемого эффекта пришлось обратиться к голливудским киносъемочным хитростям. Что-то оборвалось в Эрнесте, когда это решение было принято.

В 50-х годах в письмах к Харви Брейту, в разговорах с

друзьями и комментариях во время занятий любимыми видами спорта Эрнест сделал больше проницательных наблюдений, чем большинство людей за всю свою жизнь.

Его интересы были безграничны. Он следил за событиями в мире по газетам, журналам, книгам, приходившим к нему со всех уголков земного шара. Со всех сторон шли посетители, приглашения и всякие отвлекающие предложения. Несмотря на это, Эрнест постоянно работал. В письмах к Харви Брейту он отмечал, что одной из проблем работающего на Кубе писателя является отличная форма ранним утром и завершение работы к полудню, до того, как пот начнет стекать по рукам, портя бумагу. Эрнест делал предсказание результатов боксерских поединков, которые на две трети оказывались верными. Как-то, пребывая в таком настроении провидца, он заключил пари, что преступность победит Кефаувера, Эйзенхауэр – Трумена, а налог на доходы – Хемингуэя.

Когда Чарльз Фентон издал книгу «Учение Эрнеста Хемингуэя», Эрнест прокомментировал, что Чарли в отношении сбора информации поработал как настоящий агент ФБР. Но он упустил такие факты, как индейская кровь Хемингуэев со стороны Эдмундсов, а также то, что, когда Льюис и Кларк отправились на запад, они встретили человека по имени Хэнкок, находившегося там уже многие годы, и что один из наших дядей был награжден Сунь Ятсеном в Китае во время медицинской миссии от протестантской церкви.

К южанам у Эрнеста было особое отношение. Он следовал правилу не верить никому с южным акцентом, если это только не негр. При написании романов он советовал иметь уверенность монтажника стальных конструкций, особенно когда ты достигаешь уровня семьдесят второго этажа. Эрнест говорил, что в недалеком прошлом были свои замечательные люди. К ним он относил Сервантеса и Челлини. Среди современных авторов он с любовью относился к Джорджу Оруэллу, Эдвину Балмеру, Эдвину Фуллеру, Джону Пил Бишопу, Оуэну Уистеру, а также Дос Пассосу и Маклейшу.

Харви Брейт отказался попросить Эрнеста написать предисловие к его книге об интервью с писателями, хотя ему настоятельно советовали сделать это. Он посчитал эту просьбу лишним беспокойством. Когда Эрнест узнал об этом, то написал Харви замечательное письмо, предложив, чтобы этот почетный труд взял на себя его младший коллега Уильям Фолкнер. Он сказал, что лично заплатит Фолкнеру 350 долларов за написание предисловия, пока он, вовсе не из-за финансовых соображений, будет писать конкурирующее предисловие, основанное на

интервью с Дейти, которого он, несомненно, сможет добиться. Ему лишь стоит объяснить обстоятельства и удостоиться чести появиться там вместе с Фолкнером.

В 1956 году, вскоре после рождения у Харви сына Себастиана, Эрнест и Мэри неделю гостили у Брейтов в Нью-Йорке. Эрнест стал крестным отцом мальчику. По словам Эрнеста, это был единственный раз, когда в Нью-Йорке у него не было дел и он предавался развлечениям.

В письме к Марлен Дитрих Эрнест рассказал о своей новой работе. Он сказал, что это гораздо лучше, чем большая поэма о войне, которую он написал зимой во время наступления на Арденны. Он хотел, чтобы это произведение было у нее, если она вдруг окажется в его краях. Он добавил, что у Марлен всегда будет он, где бы она ни находилась, поскольку он беззаветно любит ее, и никто еще так не любил ее, как он.

На следующий год даже мысли о Нью-Йорке были не так приятны. Эрнест больше не приходил в возбуждение даже от перспективы посмотреть великие полотна в музее «Метрополитен». Он чувствовал, что с самим городом творится нечто неладное. Хотя он точно не знал, что именно, но был уверен, что Джордж Браун, вероятно, будет единственным человеком в городе, кто выживет.

Жизнь на Кубе начала становиться не такой уж удобной. С одной стороны, Эрнеста вызвал на дуэль британский корреспондент, работающий на гаванскую газету. Некоторое время Эрнест обдумывал вызов, а потом не принял его. По версии корреспондента об этом получившем широкую огласку инциденте, Мэри оскорбила его, потому что он сказал, что не испытывает интереса к поеданию мяса плотоядных животных.

Эрнест питался любым мясом. Его кулинарные вкусы были довольно простыми. Во время отсутствия Мэри он заявлял, что прекрасно протянет и на сандвичах – арахисовое масло с луком, сыр с луком, солонина с луком, – пока у него есть большой запас сухого красного вина. Однажды, когда Мэри была в отъезде, к Эрнесту приехал в гости Синбад Дунабеттия, один из членов команды «Пилар» во время войны. Он сказал, что предпочел бы более искусно приготовленную пищу. Эрнест ответил, что будь он проклят, если помимо написания книг будет еще и готовить. Так он с удивлением обнаружил, что служанка Мэри не умеет готовить. Он заявил, что, с его точки зрения, готовить может каждый, поскольку даже Бамби научился этому в лагере для военнопленных. Но он признал, что проблема с рецептами Бамби заключена в том, что все они основаны на раздробленном крекере или черством хлебе.

Еще одно мрачное событие в его жизни на Кубе произошло, когда убили Блэкдога. Много было написано о невероятной любви Эрнеста к кошкам. Он заявлял, что в определенных качествах они превосходят людей.

– У кошек абсолютная эмоциональная честность, Барон, – сказал он мне однажды. – Кот или кошка, они всегда могут выразить тебе свои чувства. По некоторым причинам люди скрытны в этом отношении, но кошки – никогда!

А одним из его любимых друзей после войны был Блэк-дог. Этот черный спаниель жил в его доме и считал себя сторожем всех псов, как и Эрнест был писателем всех писателей. На протяжении многих лет его любовь к Эрнесту была больше, чем просто к хозяину. Он считал его центром мироздания. Он тихо горевал, когда Эрнеста не было рядом. Он хорошо ел, только когда хозяин находился дома. Когда Эрнест спал, Блэкдог охранял входную дверь. Когда Эрнест купался, Блэкдог ждал на берегу бассейна. Когда Эрнест шел работать в комнату в башне, Блэкдог взбирался по ступенькам и ждал, когда он пойдет вниз. Эрнест говорил, что Блэкдог познал взаимосвязь между печатанием на машинке и пищей, поскольку Эрнест вначале работал, а потом садился за стол. Он рассказывал, что иногда дурачил пса, печатая письмо вечером.

В середине 50-х зрение Блэкдога стало ухудшаться. Он научился отыскивать ящериц по запаху, не полагаясь на зрение. В письме к Харви Брейту Эрнест сообщил, что Блэкдог недавно чуть было не промахнулся и от этого страдает. Ящерица сидела на кресле и любовалась псом, а Блэки учуял ее след на желтом кафеле пола. В конце концов Блэки понял, что она на кресле, но все равно не мог разглядеть ящерицу на подлокотнике. Эрнест велел ему посмотреть вверх, и тогда он заметил ее. Когда Блэк-дог посмотрел на нее, она метнулась поверх него, но пес сделал невероятный прыжок и с хрустом схватил ее зубами. Это, по словам Эрнеста, был классический пример балансирования на грани провала, что характерно для правящих кругов.

Блэкдог был по-прежнему беспощаден к моли и мухам из-за их постоянного движения. Их полет раздражал его усталые глаза. Он ненавидел полицию и военных, но Эрнест говорил, что его беспокоит его неспособность отличить Армию спасения от народного ополчения.

На востоке Кубы набирало силу движение Кастро, и жизнь в Гаване и ее окрестностях становилась более напряженной. Блэкдог показал свою верность при ночном обыске на борту «Финки» на предмет оружия. За это он получил удар прикладом ружья по голове и умер мгновенно. Несмотря на настойчивые

советы окружающих, Эрнест поехал в Гавану и заявил официальный протест против участника обыска, который без всякой причины ударил и убил его верного пса. Протест был надлежащим образом принят правительством Батисты. И хотя не было предпринято никаких действий, общество отнеслось к Эрнесту с большим уважением. До того как революционное движение Фиделя распространилось по всей Кубе, Эрнест помогал ему всем, чем мог.

Когда Кастро с триумфом сверг кубинское правительство, Эрнест охотился на северо-западе Соединенных Штатов. После возвращения на Кубу он возобновил ежегодные весенние состязания по ловле марлина, организованные им в 1951 году и продолжавшиеся несколько лет, пока политическая ситуация стала совершенно невыносимой. Весной, после победы Кастро, Эрнест официально пригласил бородатого диктатора на соревнования и был удостоен фразы «ты новичок в рыбалке, но ты удачливый рыбак». Общеизвестно, что на борту судна Фиделя во время турнира был спрятан один из чемпионов. Видели, как у него клевала рыба, а затем он передавал удочку кому-то другому. После соревнований в душе Эрнеста остался неприятный осадок. Он знал, что им просто попользовались.

Тем летом они вместе с Мэри отправились в Испанию. Они замечательно провели время, посетив много состязательных коррид между Домингуином и Ордонесом. Эрнест изначально был самого высокого мнения о Домингуине и познакомился с ним и Уолтером Чиари, когда они оба ухаживали за Авой Гарднер. Он также хорошо относился к Аве. В одном из своих писем к Харви Брейту Эрнест заявил, что у Авы определенно есть тело, а у него несомненно присутствует боевой дух.

Но Эрнест пришел к выводу, что одного боевого духа недостаточно. Он провоцировал и разбирался с потоком оскорблений от других журналистов. В сообщениях о сезоне Домингуина – Ордонеса, издававшихся под заголовком «Опасное лето» в журнале «Лайф», он снова писал как журналист. Это было предусмотрено соглашением с журналом, но некоторые читатели критиковали материал за нелитературность.

В октябре Эрнест поехал в Нью-Йорк. Перед тем как отправиться на осеннюю охоту в Сан-Вэлли, он на два дня заезжал в Гавану. Он неважно себя чувствовал, но продолжал убеждать себя, что все в порядке.

Той зимой с Мэри произошел несчастный случай. Кости ее правой руки были раздроблены, и лечение продолжалось до конца января. Когда она поправилась, то вместе с Эрнестом снова поехала в Гавану. Перед его отъездом из Айдахо я говорил с ним

по телефону. Казалось, у него было радостное настроение, хотя его речь была медленной.

Многое из того, что было на Кубе, подверглось изменениям. Декреты Фиделя сотрясали экономику, существующую деловую структуру и шокировали иностранных поселенцев. Весной Эрнест покинул Кубу, упаковав тридцать два ящика багажа, и тихо направился в Айдахо.

Осенью Эрнест похудел до 173 фунтов. Разговор давался ему с большим усилием и паузами, не важно, на чьи вопросы он отвечал. Когда Лесли Фидлер и Сеймур Бетски из Государственного университета Монтаны приехали в Кетчум взять у него интервью, их поразил вид Эрнеста, его поведение и неуверенность в словах.

В ноябре Эрнест переехал в клинику Майо со своим врачом из Кетчума, зарегистрировался под его именем и стал на время Джорджем Ксавье. Когда общественность узнала, что Эрнест находится там, вышло информационное сообщение, что он проходит курс лечения от неизвестного заболевания. Позже было заявлено, что это вызвано перенапряжением. Марлен Дитрих удалось дозвониться ему по телефону. Медленно, но четко он рассказал о своем состоянии.

– Я могу сдерживать кровяное давление в нужных пределах, дочка, – сказал он Марлен, – но иногда мне так одиноко, к тому же еще эта проблема с весом. Как приятно слышать твой голос!

Находясь в госпитале, Эрнест прошел пятнадцать курсов электрошоковой терапии. Его выписали после Рождества, и он вернулся в Сан-Вэлли.

До лечения в клинике давление крови Эрнеста было 220/125, и у него была легкая форма сахарного диабета, что подтвердилось впоследствии. Он надеялся поддержать свой вес на уровне 175 фунтов с помощью диеты и упражнений. После выписки из клиники его кровяное давление стало значительно ниже. 15 февраля 1961 года последнее измерение показало 138/80, однако анализы в клинике показали, что у Эрнеста, вероятно, развивается гемохроматоз, очень редкое заболевание, которое может привести к отказу различных органов.

В марте у Эрнеста снова было подавленное настроение. В один из апрельских дней в квартире Харви Брейта в Нью-Йорке была устроена бурная вечеринка. Там были Джордж Плимптон, записавший интервью с Эрнестом, опубликованное в «Париж ревью», А.Е. Хочнер, экранизировавший некоторые рассказы и книги Эрнеста для телевидения. Был также Джордж Браун, партнер Эрнеста по боксу и старинный друг. Они дозвонились до Эрнеста, и каждый по очереди говорил с ним, стараясь

приободрить. Но речь Эрнеста была с перерывами и, очевидно, давалась ему через силу. Потом было сильное расхождение во мнениях относительно его голоса. Один заявлял, что Эрнест чувствует себя прекрасно. Другие считали его голос просто ужасным.

Скоро после этого Эрнест вернулся в клинику Майо. Он зарегистрировался под своим именем и прошел еще десять курсов электрошоковой терапии. Некоторое время он казался более оживленным, менее замкнутым и подавленным. Он писал спокойные, приятные, полные здравого смысла письма, показывая осведомленность в политических и домашних делах. Часто он купался в бассейне.

Его выписали в последнюю неделю июня. Тогда его вес составлял всего 155 фунтов. Мэри позвонила Джорджу Брауну в Нью-Йорк, попросив его приехать и отвезти их в Сан-Вэлли. Был арендован новый «бьюик», и поездка на запад заняла пять дней. Дневная езда часто прерывалась сразу после полудня для легкого обеда, приготовленного Мэри. Эрнест ел без особого аппетита. Он долго смотрел на дорогу. Его беспокоило достижение каждого намеченного пункта остановки. Он следил за заправкой горючим, состоянием покрышек, дорогой и постоянно отмечал проделанный путь на карте.

Когда они в итоге достигли Кетчума, Эрнест выглядел более спокойным. Вечером в субботу Джордж, Мэри и Эрнест поехали в город и заказали ужин в гостинице «Кристиания». Ели молча, и казалось, что Эрнест поглощен своими мыслями. Он потерял столько веса, что был похож на тростинку. Таким запомнили его некоторые из присутствующих.

Он сильно переживал смерть своих друзей – Гарри Купера и Джорджа Вандербилта. Вспоминается письмо, которое он написал более сорока лет назад нашим родителям. Эрнест написал семье в 1918 году после ранения, сказав, что смерть очень простая вещь, он смотрел ей в лицо и поэтому знает. По его словам, несомненно лучше умереть в период счастливой юности, уйдя из жизни яркой вспышкой, чем иметь старое, изношенное тело и разбитые иллюзии.

А затем произошло то, что назвали «невероятным несчастным случаем», завершившим карьеру самого великого американского писателя века.

На следующее утро около семи он совершил последний хороший поступок в своей жизни. Как самурай, чувствующий себя обесчещенным словом или деянием другого, Эрнест понял, что его собственное тело предало его. Чтобы оно не предавало его дальше, он, за свою жизнь давший такому множеству живых

существ то, что он однажды охарактеризовал как подарок смерти, зарядил свое любимое ружье, поставил его прикладом на пол в фойе, наклонился вперед и нашел способ спустить взведенный курок.